

**Александр Зорич Дмитрий Володихин
Группа эскорта**

Александр Зорич Дмитрий Володихин

Группа эскорта

S.T.A.L.K.E.R. – 88

Александр Зорич, Дмитрий Володихин

Группа эскорта

Глава 1. Мастер Молот, мистер Клещ и сталкер Дембель

Lick it once,
Lick it twice,
C'mon put that shit on ice!

Десять минут назад мне всё было понятно. Куда мы идем, что ищем, ради чего я во всё это ввязался, какие люди рядом со мной. Но за эти десять минут многое изменилось, ребята. Жизнь, мать твою, встала с ног на голову.

Или это она раньше, стерва такая, стояла на голове, а потом вдруг утомилась и решила, что ноги наотдыхались и пора бы им поработать?

Чума началась, когда мастер Молот в пятый раз приказал Снегиреву:

— Резче шевели мослами, подмастерье! Зона любит парней проворных.

Снегирев шел первым. Длинный мосластый шибздик, папашка, под полтинник ему, захотел подзаработать на Зоне, третий сын, видишь ты, у него родился...

Господи, вразумил бы ты раба своего придурковатого: у него три сына, а он в Зону сунулся! Думает, тут капуста на кустах растет и под ногами валяется, притом уже мелко нарубленная и расфасованная в пачки. Седой уже весь, как лунь, нескладный, тощий, вроде черенка от лопаты, — смерть и та, наверное, упитанней выглядит.

После того, как нас у поваленной опоры ЛЭП накрыло «черным нокаутом», пробило его на труса: идет, едва швыряет копыта. И смотрю ему в спину, а спина у Снегирева такая

напряженная, такая скособоченная, за версту видно: страхом ему потроха пробирает. Уже небось сто раз пожалел, что сюда напросился.

Оборачивается папашка наш, и виновато улыбается так, аж слезу прошибает. Мол, я ничего, иду я, пожалейте меня, я хороший, нормально, в общем, иду же...

И вот он рожу-то нам хмылит, а я гляжу на него, и никакой слезы нет у меня в помине. Одна только злость.

Думал, всё хорошо: группа собралась из людей спокойных, уравновешенных. Психов вроде ни одного. Баба, правда, имеется. Зара, со всей бабьей фанаберией, понятно. Но она спортсменка, самбистка, ее там к дисциплине тренеры приучили. Так что пенится Зарочка через два раза на третий, а всё прочее время держит себя в руках, ничего.

Ну и остальные спутники у меня — мужики нормальные. Мастер Молот — считай, повезло нам. Мастер Шрам говорил про него: «Удача вам улыбается, ребята: такому наставнику я бы жизнь доверил без рассуждений. Он своих не бросает».

Плешь — тоже возрастной. Мутноватый он по жизни, но такой... ну... молчун, без дури в башке. Когда нам показывали, как болтами аномалию оконтуривать, он враз пропёр. Спокойно так, влегкую, без понтов, будто бы сто раз мимо гравиконцентра ходил. Что-то бугаистый он сегодня — то ли разъелся за последние дни, то ли пару свитеров под куртку напялил...

Ну и Снегирев Геннадий Анатольевич... Погоняло к нему никакое не приклеилось, даже Снегирем никто его не называл: из всех подмастерьев он самый старший, рассудительный такой, основательный.

Короче, бесшабашных нет. Хорошая компания.

Вот только вышло, что старичок наш — тормоз. Рассудительность он свою показывал, пока до Зоны, как до Луны было. А как сунулись мы в самую ее серединочку, то он, значит, на медляк заиграл. Долбодятел неторопливый.

И ни хрена на него не действует, четырежды пинал его Молот, а ему по фиг, он едва ходули переставляет. Пенсионер завтрашний, в кишках мороз, очко играет...

Улыбается он. Под ноги, дурень, смотри, куда ты зыришь, перец лежалый, куда ты... да... куда ты... под но...

Етить!

— Сто-ой! — орет Молот. — Всем стоять, не двигаться! Зара, стоять, я сказал!

— Но он же... там... ему...

— Стой, дура, башку снесу!

Я увидел это первый раз в жизни. И лучше бы ни разу не видел, ребята.

Снегирева повело в сторону. Перекосило как-то.

Невидимая сила потянула из рук дробовик.

Секунду или две он стоял в неестественной позе. Словно невидимый великан цапнул его за правое плечо и потянул куда-то вверх и вперед, а потом цапнул за рюкзак. Да так, что лямки затрещали, и тоже потянул вверх и вперед.

А Снегирев дернулся было назад... Но куда ему — против великана!

И он стоял под сорок пять градусов к земле, не падал, но и распрямиться не мог, а тот самый невидимый исполин тянул его уже и за волосы, за голову.

Хрустнули позвонки.

Дробовик взмыл над ним, описал ровный круг и тюкнул прикладом в голову.

Как раз туда, где заколка скрепляла зеленый орденский хайратник. Но ему уже все было по фиг, он уже глаза выпучил и рот распялил, вот только крикнуть не мог — жизнь в один миг улетучилась. Тут ноги его оторвались от гравия. Снегирева закурило с бешеной скоростью в воздушной воронке. Подняло на метр, на два, на три...

И тогда чудовищная сила выжала его, как домовитая хозяйка выжимает только что

постиранное бельё. Хорошая, домовитая хозяйка, жмет и жмет, не отпускает, пока всё не выжмет до капельки...

Брызги во все стороны.

Ни одна хозяйка в мире не станет, выжав мокрое бельё, рвать его в клочья.

Мы стоим, зависли как «винда». Что тут сказать? Был человек, и вместо него — кровавые ошметки.

А при мне еще ни разу человек не умирал. Отец, правда, умер, когда я дома был, но он же во сне, и только наутро мы его...

— Так, подмастерья, утрите сопли. Без нервов мне тут, — заговорил Молот. — Знали, куда идете.

— Мы могли бы... — начала было нервная Зара.

— Молчать! Еще раз выкнешь попередь меня, пристрелю без лишних слов! Всосала?!

Зара молчит. Роба красная, будто свекла. Как бы не треснула посередке...

Я, в сущности, на стороне Молота. Он тут главный. Он — настоящий сталкер.

А опытному сталкеру, тем более настоящему мастеру, подмастерья вроде нас должны повиноваться беспрекословно. Он здесь царь и бог.

Скажет: «Нырять мордой в дерьмо!» — значит, надо нырнуть мордой в дерьмо. Стало быть, иначе не выживешь. И без трёпа. Разинул хлебало — сдох враз. А то и всех остальных за собой потянул.

Короче, заткнула бы ты фонтан, Зарочка.

Она, в общем, и заткнула. Только фыркнула, как рассерженная кошка. Наверное, решила потом с Молотом разобраться. По-своему, по-самбистски. Когда он нас из Зоны выведет и мастерские звания присвоит.

— Еще кто-нибудь взбреднуть желает? — спросил Молот, обводя нас взглядом. Глаза у него — как из нержавеющей стали.

Да мы что, мы молчим. Мы — послушные.

— Тогда запомните: вы — везунчики. Один гробанулся, зато остальные живы. Он наш брат, спасибо ему. Помянем его за столом, беленькой, как полагается. А сейчас запомните: так бывает с теми, кто влетит в «птичью карусель». А в «птичью карусель» легче всего влететь по невнимательности. Внимательные люди ее без вопросов обойдут. Ну, теперь и обходить не надо. И до цели всего тридцать метров. Победа будет за нами!

До цели и впрямь было не больше тридцати метров. Да нет, не наберется тут тридцати метров. Совсем ерунда.

Вот она, наша цель — насквозь проржавевший электровоз на путях. Крыша провалена еще хрен знает когда. Во лбу электровозной морды — круглый фонарь, на удивление целый.

Или такие фонари надо называть прожекторами? Да какая разница! Что с меня взять, с невнятного гуманитария? Мы парни простые, соленоид от триода не отличаем и лишнего в голову не берем, разве только у этого лишнего — выдержка пять звездочек.

В общем, прямо под фонарем красуется номер: 2583. Дверцы в кабине машиниста нет. Ее, как видно, сорвали и унесли домой в те блаженные времена до 2006-го, когда Зона была просто очень радиоактивной пустошью, и жители окрестных деревень приходили сюда за металлом, за поролоном из автобусных сидений, за барахлишком, брошенным при эвакуации после аварии на Чернобыльской АЭС. Мародерами тогда называли людей простых и незамысловатых — отцов семейств, которые считали, что лучевую болезнь специально придумали ученые ханурики, и к нормальным мужикам болезнь эта не пристает. И в ту наивную эпоху, то бишь до Второго Взрыва, мародеры никого не убивали.

Давно закончились те идиллические времена...

Электровоз стоит на рельсах в полном одиночестве. Никаких вагонов он не волок. Прямо перед его плоским рылом между шпалами, сквозь гравий пробилась ёлочка.

Сбоку виднеется каменная башня, старенькая вся, времен паровозов и товарища Сталина. Или, мать твою, еще товарища Ленина? Как там инструктора ее называли? Паровозная заправка? Развалина там, а не заправка, и груда битого кирпича вусмерть закопченного. Видно, поиграли с той заправкой бравые пацаны с ручными огнеметами «Приз»...

А у кормы электровозной валяется чей-то труп. Ну, жирного хабара тебе в сталкерском раю, парень.

Над разогретыми рельсами дрожит легкое марево, душно — наверное, быть грозе, и всё в какой-то голубоватой дымке, будто прямо здесь, прямо сейчас снимается романтическая сказка.

В общем, дошли мы. Почти дошли. Снегирева, правда, жалко: в самом конце маршрута кони двинул мужик.

Но добрались же мы, а? Добрались? Молодцы мы, верно?

И я как-то успокоился. Да гребись оно конем! Папашка Снегирев сам виноват.

Кабы я знал, какая завяжется хренотень!

Так вышло, ребята, что до конца тут было еще очень и очень неблизко. Всяко до конца моего маршрута. О других не скажу пока. А мне еще предстояло сорок верст по говнам плыть, как моя бабуля говаривала.

Ближе всех к электровозу стоял Молот.

Потом — Зара. Третьим — я. А замыкающим — Плешь.

Молот скомандовал:

— А ну-ка, Плешь, иди первым. Твоя очередь.

Когда Снегирева скрутило, это было страшно. Но к такому нас готовили. Мы понимали: да, Зона — гадина, такое тут случается сплошь и рядом. Но дальше пошла такая свистопляска, к какой ни я, ни Зара готовы не были.

Короче, Плешь повел себя странно. Он так спокойно — не завизжал, не запенился — отвечает мастеру:

— Давай-ка Зара сейчас первой пойдет.

Молот опешил.

— Ты что, Плешь? Обуел? Ты обязан.

А тот ровно так ему, ни страха, ничего такого, мирно заявляет:

— Да нет, мастер, я ж не против, я потом пойду, на обратном пути, хоть до самой точки.

А сейчас Зары очередь, она еще ни разу первой не была, да и ближе она к тебе.

Молот бросил ему:

— Боишься?

А тот опять без эмоций:

— Мастер, да я же хочу как лучше. Я-то с маршрута на шаг сойду, пока вас троих обходить буду. И мне отсюда — двадцать шагов, а ей всего десять. И обходить Заре одного тебя... Мастер, так техничней будет, реально.

Какая же дурь у Плеша в башке завелась? На пустом месте с ведущим спорит, умный, блин, нашелся!

И Зара опять напряглась:

— Да я не против. Когда мужиков нет, баба их мужское дело еще и получше сделает.

Всегда так было.

— Вот и хорошо, мастер. Вот и отлично.

Только Молот себя заморочить не дал. И я бы не дал на его месте. Глядит он на Плешь недобро, тяжело глядит и холодно цедит — у меня от его голоса аж мурашки побежали:

— Подмастерье Плешь, вперед.

И стволом штурмовой винтовки легонько так ведет. Мол, не подумай, Плешь, что я

скупой. Пулю на тебя потрачу, хоть она и денег стоит.

А у нашего замыкающего ухмылочка такая пакостная на губах играет.

— Хорошо, мастер. Без вопросов, мастер. Дай мне только одну минутку, я кое-что из рюкзака выну. Забыл одну мелочь защитную. Минуточку всего, мастер. И сейчас же вперед пойду, не сердись. Да? Я тебе покорен.

Молот, мудрый человек, не стал накалять. Ему с ведомым на маршруте сцепляться — тоже радость небольшая. Он и говорит:

— Ладно. Давай по-быстрому, что у тебя там...

— Сей момент, мастер! Сей момент.

А место — недоброе, неудобное место. Очень не хочется здесь задерживаться. Какая моча ему в голову вступила? Угробит же нас, ни за грош угробит, притырок.

Вот прикиньте: мы стоим в сотне метров от вокзального здания железнодорожной станции Янов. Поблизости от нас — четыре старых электровоза, притом наш, в смысле, тот, где хабар нас дожидается, — самый старейший. Остальные выглядят поновее, хотя, в сущности, такая же ржавь. Один аж с рельсов сошел, отдыхает на насыпи: невесть какая аномалия с путей его столкнула.

Чуть подальше, будто длинная коричневая змея, тянется электричка. Ей сто лет в обед, в 1986 году на ней людей эвакуировать хотели, да вот что-то не задалось. Застыла тут навсегда, рассыпается в труху...

Стоит, понятно, только то, что не разворовали тридцать лет назад. К станции со всех сторон подступает лес. Так вот, мы посреди всего этого путейского царства торчим на бетонных шпалах, открытые со всех сторон. Если сейчас на нас смотрит сквозь прорезь прицела умелый стрелок — из раздолбанного вагона электрички, из леса, с крыши вокзала, — то ему при некоторой сноровке снять нас четверых как два пальца об асфальт.

Я осторожненько начинаю «качать маятник». На всякий случай. От снайперского беспредела.

Плешь медленно снимает рюкзак, ставит его на железнодорожную насыпь, а сам садится на рельс. Затем он вынимает какие-то, хрен пойми, свертки, распаковывает их...

— Шевелись, — подбадривает его Молот.

— Сейчас-сейчас...

К нам Плешь сидит спиной, а потому ни Молоту, ни Заре не видно, с чем он там шебуршится. А мне — видно. Я ведь всего в пяти шагах от него, от меня так просто не закроешься.

Плешь скупыми точными движениями собирает какую-то металлическую конструкцию. Собирает очень быстро, и по его ухваткам ясно, что работает он как профи. Очень ловко. Наконец, он вбивает в металлическую конструкцию магазин, и я понимаю: старенький финский автомат «Суоми» с диском древних патронов наш брат Плешь притащил в Зону лишь для отвода глаз. Древняя херь, откопанная, по его словам, «в местах боев», не шла ни в какое сравнение с жутковатым металлическим насекомым, секунду назад очутившимся у него в руках. Что это у тебя, брат? Я такого даже на картинках не видел.

Слышится щелчок, а потом еще один. Плешь снимает пушку с предохранителя и передергивает затвор.

Миг — и он уже стоит, повернувшись к Молоту.

— Подмастерье Плешь! — ревет мастер.

— Да как ты смеешь перечить Молоту! — вопит Зара.

А я... я пока ничего не понимаю, но инстинкт самосохранения заставляет меня на шажочек, всего на один шажочек, отойти с маршрута в сторону.

Конечно, над гравием очень трудно различить аномалии — трава не выжжена, поскольку травы нет, и если по соседству со мной летает «жарка», хрена с два я ее увижу. К

тому же денек выдался ясный, и в полдень не разберешь, искрит там над путями какая-нибудь электрическая фигня или не искрит. Но... лучше рискнуть и сделать шажочек в сторону, чем рискнуть и остаться на линии огня. Спинным мозгом чувствую, сейчас кто-нибудь нажмет на спусковой крючок.

Но какого хрена?!

— Кому-то Молот, — медленно произносит Плешь, — а кому-то и Сопля. Вспоминаешь, дружок?

На роже его держится все та же ухмылочка, только она застыла, омертвела. И выглядит Плешь так, словно напялил маску клоуна. Злого, пакостного клоуна.

— Да кто ты такой? — неожиданно севшим голосом спрашивает мастер. Вопрос его звучит неуверенно.

«Сопля? — прикидываю я. — Мастер Сопля? Не бывает мастеров с такими именами».

— Сопля? — обалдело повторяет Зара.

Мастер растерянно всматривается в клоунскую маску Плеши.

— Ё! Клещ...

— Узнал, сучонок?

Оба нажимают на спусковые крючки одновременно.

Опупительно дорогой «Тавор-5» со съемным глушителем, оптикой, электронным счетчиком патронов и другими тюнинг-примочками выплюнул в сторону Плеши длинную очередь из полудюжины пуль. Мастер не мог промазать. Но его противник только шатнулся и отступил на полметра назад — как от хорошего удара кулаком.

Чудовище в руках Плеши глухо взрыкнуло всего один раз и дало сильную вспышку. Мастер дернулся. Руки его выпустили штурмовую винтовку, и железяка оглушительно ударилась о рельс. Из груди мастера кровь рванула так, будто в нем проделали сквозную дыру толкушкой для картофеля.

Ох, а ведь и впрямь сквозную. И бронежилет словно промокашку...

Мастер рухнул на гравий ничком, как подкошенный. Умер моментально, слова не успел сказать.

— Не надо было недооценивать отечественного производителя, Сопля, — вежливо обратился к мертвецу Плешь. — Вот чего ты добился своим израильским говном за две штуки? Причем тебе, лоху, пушка небось за все три досталась... Чего, скажи мне, сынок? Да ничего. А мой «Кабан» на Ижевском заводе клепан, по персональному заказу. И бронька тоже наша, покойник Лодочник ее по-своему заморачивал. Прикинь, у кого теперь зашибись, а кто слил, сынок.

Я всё никак не мог сосредоточиться. Сознание мое не желало концентрироваться. Оно желало пропустить ту дребедень, которая происходила у меня перед глазами, в смысле, пропустить, как пропускают на улице торопыг, нагло ломящихся против толпы в противоположную сторону.

Торопишься? Локтями работаешь? Грубишь? Да хрен с тобой, топай, мне на морду твою смотреть противно. Чеши! Я тебя через десять секунд забуду.

Вот так и я, ребята. Зырю, а понимать не хочу. Пусть бы оно всё ушло, пусть этого не было. Пусть бы я — отдельно, а оно — отдельно.

И я стою дурак-дураком, рта не разеваю, стволом не двигаю.

Повезло мне тогда. Как знать, остался бы жив, если б рыпнулся.

— Теперь, девочка, мы сделаем вот как, — обращается Плешь к Заре. — Ты просто поймешь одну простую вещь: попытаешься навести на меня свой карабинчик, тебе хана. Начнешь выяснять, кто тут главный, тебе хана. Не будешь меня слушаться, тебе хана.

Меня он и в расчет не принимает. Мол, тихий парень, борзоты — ноль, не стоит париться...

Зара — не я. Не стоило с ней так говорить. Он ее только завел. «Девочка»! Отцу она своему «девочка» была, да и то недолго.

— Я отцу своему девочка была, да и то недолго, — отвечает Зара и глядит на Плешь напряженно так, точно скушать хочет и уже прикидывает: начать с уха или с носа. — Ты мастера убил, тебе не жить. Мы из Зоны без него не выйдем. А если и выйдем, тебе там братья глаз на жопу натянут. Орден...

— Орден ваш это куча дерьма, девочка. А насчет мастера твоего, так я такое разъяснение дам: он такой же мастер, как сало — овощ. За год раз-другой в Зоне бывает. Это что — мастер тебе? Знаю его как облупленного. Первый раз, когда в Зону ходил, ревел, будто щенок детсадовский, слезы с соплями по роже размазывал. Оттого и кликуху получил — Сопля.

— Орден тебе... — пыталась вставить словечко Зара.

— Ни рожна мне Орден не сделает. Сборище ряженных гомосеков, девочка, серьезного человека разве что громким пёрдом напугать может: уж больно выходит у них раскатисто и вонюче, рядом стоять не захочется.

— Орден — это братство...

— ...гомосеков. Правильно, девочка. Они из нас всех отмычек хотели сделать. Из тебя в том числе. А ты их защищаешь, дуреха.

Вот тут он и меня достал. Да как же так можно? Шрам на занятиях сто раз говорил нам: «У нас все равны, все братья и сестры. А в братьях видеть живые отмычки грешно. Вы наставникам подчиняетесь только потому, что они опытнее, но они ничуть не выше вас, они такие же. Просто глубже познали Истину Зоны. Если надо, они первыми за вас свои жизни положат».

Шраму я доверяю на все сто. Это настоящий сталкер. У него левая щека кровососом изувечена. И на левой руке — жуткая борозда, раздваивающаяся такая... Это псевдоплоть его покромсала за три секунды до того, как он ее прикончил выстрелом в глаз. Такого не подделаешь.

И говорю Плешу:

— Не надо гнидой быть. Мы все братья. Мы никому не отмычки. Шрам объяснял...

— Я бы ржал тут, аж лапками в воздухе подергивал, если б не надо было вас, мальки, на прицеле держать. Шрам ему объяснял! Видел бы ты *настоящего Шрама*, яйца бы в минуту растерял. *Ваш-то Шрам* вообще в Зону не заходил. Он и Периметра-то не видел. Косметическую операцию сделал себе, будто его тут мутанты жрали, а вы уши развесили... Всё. Хорош базлы разводить. Девочка, милая, вежливо прошу тебя, один-единственный раз прошу тебя вежливо: повернись ко мне спиной и малым ходом шажочек за шажочком топай к электровозу. Тихонечко. Осторожненько. Зайка, поворачивайся. Вот умничка...

Зара послушалась его. Вот странно. Я вообще-то к людям внимателен. То есть люблю за людьми наблюдать, они вроде передвижного зверинца, который всегда с тобой. И хорошо запоминаю, кто какой зверюшке сродни.

В жизни это очень помогает. Знаешь чего ждать от каждой зверюшки. Зайчики не рычат, котики не роют норы, кротики не летают, а волки... волки не приручаются. Оттого-то они не собаки.

Так вот, Зара — волчица. Злая, упрямая, хваткая. И до умопомрачения бурая. Не в смысле расцветки шкуры. Характер у нее — не заячий. И чтобы она вот так спокойно подчинилась? Без лишних слов взяла, повернулась попой, да и потопала прямо по тому красному пятну, которое раньше звалось Геннадий Анатольевич? Нет ребята, волки не приручаются.

— Ну а ты чего выстолбился, Дембель? Живо на маршрут и след в след.

Это он мне. Это я — подмастерье Дембель. Истинное имя я сам себе подбирал и решил

назваться Дембелем, потому что... потому что... давайте-ка потом, ребята.

— Отмычек, вишь ты, в Ордене не бывает! — ворчит мне в спину Плешь. — Звезданулись вы, ребята. Нас сюда только и взяли как отмычек. Три точно понадобятся и одна про запас... Без отмычек «сонный шар» здесь добыть просто невозможно...

Именно в этот момент — не раньше и не позже — я, наконец, сконцентрировался. Разом. Видеть, слышать, обонять стал лучше, думать быстрее.

«Три, говоришь, отмычки? Валить тебя надо. Не знаю как, но надо. И прямо сейчас».

Куда как много он знает, этот Плешара. Гораздо больше нас. Пакостей наболтал про Орден — верить не хочется, но и так по жизни бывает: не всё то золото, что выловишь из пруда, как говаривала моя бабуля.

В общем, всё правда из его трепа или не всё, а израсходована пока лишь одна отмычка — Снегирев. Мастер — точно не отмычка, а мы трое живы. Сам Плешь в отмычки не рвется, это ясно. Значит, кого-то из нас положит. А скорее всего — обоих.

Развернуться и пристрелить его Плешь не даст. Но есть у меня один сюрпризец... Еще со времен Качирского инцидента...

Короче, принялся я потихоньку вытягивать свой сюрприз, вшитый в камуфляжный комбез, за подкладку. Тут надо действовать быстро и незаметно, а незаметно подкладку надорвать — непростая штука, когда смерть твоя в пяти шагах за спиной идет.

Чувствую, пот со лба потек. Резвыми, сука, струями.

Ну давай же ты, рвись, сволочь!

И тут Зара сообщает мне лениво, словно бы по мобиле с пляжа, где она третий час загорает и уже вконец разомлела от солнышка, водички и песочка:

— Слышь, Дембель... Я тебе вот что сказать хочу. Ты давай только, внимательно послушай...

Пауза.

— Ложись!

Я — хлоп рылом в гравий!

Не увидел, скорее почувствовал: что-то пролетело над моей головой. И сейчас же опять взрыкнул «Кабан». Слышу, как орет Зарка, видно, попал в нее отмычка проклятый. Силуюсь поднять голову, но меня бьют между лопаток, и я опять утыкаюсь лицом в гравий. Удар был несильный, словно не прикладом, а... понять не могу: прошелся по мне что ли Плешь кованым сапогом?

Да он и впрямь по мне пробежал!

Вскакиваю и вижу: Плешь со всей дури таранит тело Зары, которая стоит и зажимает дыру в животе. Стоит, не упала еще, хотя карабин уже выронила, и жизнь, пульсируя, выходит из нее. А Плешь выставляет два кулака перед собой и толкает Зару. Фактически уже труп ее толкает.

Мертвая Зара пролетает шага три или четыре. Она должна бы рухнуть лицом вперед, но прямо из воздуха вырастает синий коготь метра полтора длиной и бьет ее в грудь.

На мгновение мертвое тело застывает. Что за...

Ох! Ее опутывает сеть голубоватых молний, и когда она все-таки падает, плоть ее покрывает густая сеть разрядов, словно плесень, расплзшаяся по забытому куску хлеба. А потом полдюжины молний, одна за другой, сотрясают труп, отрывая его от гравия, молотя о рельсы, создавая видимость жизни.

Но жизни уже нет.

Израсходовал Плешь вторую отмычку...

— Молодец, девочка, — негромко говорит гад, наблюдая за агонией Зары. — Славно поработала на старика.

Он очень уверен в себе. Он не торопится. В деревянном прикладе его «Кабана» глубоко

засел нож Зары. Был у нее козырной финт — метать нож на звук, не глядя, хотя бы и за спину. Только на этот раз он ей не помог.

Плешь медленно поворачивается ко мне. Нагло так. Ни во что не ставит — это я сразу вижу.

Я ведь был самым тихим и мирным парнем во всей десятке подмастерьев. Не люблю борзых, не люблю, когда круть прёт изо всех щелей. Потому что реальная круть — это когда ты умеешь преподнести маленькие неожиданности своим врагам.

Вроде как Пити Вильямс — уважаю этого бойца, все матчи его смотрел! — выходит на восьмиугольник, весь из себя мальчик мальчиком, едва блокирует удары какого-нибудь монстра с татуировками от жопы до носа, а потом р-раз ему ногой в табло, р-раз другой ногой по кумполу — и монстр в отрубе. Вот это по мне!

Итак, Плешь, пала, повернулся...

...Повернулся и у самых ног увидел маленькую штучку, которую я ему только что подбросил. И пока он рассматривает мой подарочек, я по второму разу распахиваю харей гравий, только в отличие от первого — по собственной воле. И не забываю при этом крепко-накрепко закрыть глаза ладонями. Если просто опустить веки — хрен спасет.

У Плеши была секунда-другая, и он успел то ли отпрыгнуть, то ли закрыть глаза руками, то ли и то и другое. Поэтому он не сдох и не ослеп, когда железнодорожное полотно было затоплено морем света. Но пришлось ему худо.

Когда я встал и взял автомат на изготовку, Плешь катался по путям, протирал несчастные глаза кулаками и матерился в двадцать два этажа. Световая граната — сильная вещь.

Хоть он и гнида, ребята, но убивать его я не хотел. Не то чтобы жалел — кто такого пожалеет, тот и дня не проживет. Нет, просто я по жизни не душегуб. Бог что, неясно выразился? Сказано: «Не убий!» — значит, убивать не надо. Но чтобы не возникало соблазна прибить на месте, лучше все-таки предварительно обезвредить и обездвижить.

Вот я и команду Плеши:

— Брось оружие! Ляг на землю, руки за голову!

Хороший у меня был план: треснуть паразита прикладом по черепу, связать ему руки, отобрать «Кабана». Артефакт «сонный шар» достается мне, Плешь выводит подмастерье Дембеля из Зоны, а потом подмастерье Дембель начинает разбираться с тем, какая ему, парню простому, может произойти польза от дорогущего артефакта.

Если драгоценный брат Плешь наврал ему с три короба про Орден, то вещицу можно будет продать. Если же Орден где-то отдал ему лапу, и сукин сын поливает дерьмом наше святое братство по своим корыстным причинам, то отчего бы не обменять «сонный шар» на звание орденского мастера и комплект первоклассного сталкерского снаряжения, как и предполагалось с самого начала?

Одна беда: добрый мой друг подмастерье Плешь строил другие планы.

И он был на порядок опытнее меня во всех делах, касающихся Зоны.

Я подумать не мог, какую мне подляну строят, когда он кинул «Кабана» куда-то в сторону, шага на три от меня, и добавил:

— Забери, пронира. Только обращайся с ним бережно. Я его потом у тебя выкуплю — когда выйдем из Зоны и разберемся со всеми делами.

Вещь-то хорошая. Дорогая шикарная вещь. Девяносто пять процентов мужиков захотят владеть такой пушкой, как только увидят ее. С первого взгляда неотразимо влюбятся. Уверен. Из тех пяти процентов, которым такая штука не нужна, большинство — переодетые бабы. А если переодетых баб исключить, то останутся считанные единицы, и это будут сплошь престарелые олигархи, которые вконец зажрались и у которых давно ничего не стоит, кроме вопроса о фаллических протезах.

Конечно, я захотел владеть «Кабаном».

И я, как последний придурок, сделал три шага в сторону. Собственно, два с половиной. Довести третий шаг до конца не дала мне сногшибательная оплеуха. Пришлась она мне по правой щеке, по челюсти, по правому плечу и по ребрам. Ребра, кажется, хрустнули — вот же хрень какая!

Я бы потерял сознание, если бы не вторая оплеуха, довольно странная. Первая оказалась столь сильной, что меня оторвало от шпалы, на которой я стоял, и вознесло на полметра вверх. Но через мгновение меня посетило странное, экзотическое ощущение: будто шпалу, старую добрую шпалу из советского бетона, тотчас вырвали из земли и с размаху врезали мне ею по подошвам сапог.

Етить твою двести!

Нельзя же так бить живого человека!

Меня подбросило метров на пять. Мелькнул номер электровоза, железнодорожная развилка со стрелкой, вышка ЛЭП с гирляндами изоляторов, елочки, вагончики, тропиночка из лесу... хорошо птицам, многое они видят с высоты своего полета... а потом подмастерье Дембеля крепко шваркнуло о железнодорожную насыпь.

Сдох бы, наверное, если б пришел на рельс — хошь спиной, хошь рылом, а хошь боком. Наверняка сдох бы. Но мне в тот день несказанно везло. Я всего-навсего лишился половины резца, резво выпорхнувшей изо рта в момент приземления. Я даже не потерял автомат. Он дружески въехал мне по ребрам с левого стороны, справедливо уравнив ущерб, прежде нанесенный с правой.

Сказать, что я шипел от боли — ничего не сказать. То есть да, первые две секунды я шипел, а потом завыл в голос, сунул руки в гущу гравия и стиснул два камня так, что будь они чуть посочнее, выдавил бы, наверное, по паре капель воды из каждого.

Воткнитесь, ребята, я был для этого упыря самой лучшей мишенью, какую только можно придумать. А знаете почему? Потому что мишень еще лучше придумать можно только для слепого стрелка. Плешь же — до обидного зрячий, только чуть-чуть световой гранатой обиженный...

Вот я шиплю, вою, камешки давлю, ворочаюсь по гравию, туша эдакая, а вот он там продирает очи и наводит «Кабана» на мою беззащитную тушку. Прикиньте. «Кабана» он моментом подобрал. Трамплинчик-то — аномалия поганая, на которую Плешь меня навел, — врубил мне по ребрам, добавил по ногам, а потом ослаб, утих и лег на гравий. Такой довольный, что твоя псина, когда ты ей мяса бросишь.

А мне так больно, что я даже думать не могу: убьют, убьют сейчас! Круги у меня розовые перед глазами, да еще звон в ушах все мысли заменяют.

Рычит его проклятый «Кабан», рычит, сволочь. И чувствую я, словно кто-то мне пощечину закатил, но не сильную, а так, для вразумления, словно истерику прекратить хотят. И я жив.

А потом опять «Кабан» подает голос, и тут мне дружеский щелбан отвешивают по лбу. Вновь звук выстрела слышу — а я уже как-то в себя начал приходить, и ясно мне: какая-то фигня у моего вражины с пушкой выходит.

Толкает меня невидимый кулачок в бочину, кулачок явно бабий, слабенький... оглядываюсь... ох, вот прямо за моей спиной этот слабенький кулачок продырявил рельс. Хренасе!

Р-р-р! — злобится «Кабан», и я получаю шлепок по заднице.

Да какого ляда!

Вырываю руки из гравия, хватаю автомат и выпускаю по гаду полмагазина. То есть хорошая, длинная выходит очередь, секунды на три-четыре. Половина пуль уходит в небо, но четыре или пять я в него точно всадил: видно, как клочки от камуфля во все стороны

полетели.

«Не убий», конечно, да! Но не до такой же степени. Святым я еще не сделался ребята, извините. Попроще моя натура.

От меня до него ровно столько же, сколько от него до меня. Считайте, ползал с линейкой и вымерял до сантиметрика. Ровнехонько! А что это значит? Только одно: он для меня — такая же замечательная мишень. Не промахнешься.

У меня, конечно, самый обыкновенный и совсем не новый ствол — АКСУ, сделанный еще при СССР, лет сорок назад. Еще Первого Взрыва на Чернобыльской АЭС не произошло, а он уже существовал.

Выходит, железный парень старше меня лет на пятнадцать. Тот самый «младшенький брат» семейства малокалиберных «Калашниковых», оружие десантуры. Патрон калибра 5,45 миллиметра, укороченный ствол, металлический костыль вместо приклада, стандартный магазин на тридцать патронов. У него, конечно, прицел устанавливается на 350 и на 500 метров, но, по правде сказать, от моего раздолбанного рыдвана (еще до меня раздолбанного) не стоило ждать прицельной дальности больше, чем метров на двести.

С орденского склада мне его продали всего-то втридорога, а не с той неистойвой накруткой, какая у них бывает на нулевые стволы. Но какой бы он там ни был простенький и плохонький, а человека он дырявит безотказно. И сейчас Плешь просто обязан лежать в луже сухого красного.

А он не лежит.

Не лежит совершенно!

Какой несговорчивый...

То есть, конечно, Плешь покачнулся, а потом еще раз покачнулся, еще и еще. Точь-в-точь боксер, которого на ринге крепко молотит более ловкий противник. Но как только прошла серия ударов, он ушел в сторону, и опять прыгает — прямо железный клоун Самоделкин с пружинками и шарнирчиками в ногах!

Мы друг на друга поглядели в полном обалдении.

И больше палить не стали. Я за насыпь откатился и автомат вперед себя выставил. Дышу тяжело, тело — тысяча синяков, но жив. В гравий ребра вжимаю. Рюкзак рядом валяется, еще в полете он меня покинул...

А Плешь, сволочь, к самому электровозу подскочил и в будку машиниста запрыгнул. Вижу, опять наводит на меня свою зверушку с пяточком.

Р-р-р!

Мой несчастный рюкзак дергается, какая-то железная мелочишка жалобно звякает внутри. Ну, держи ответный гостинец.

Я даю очередь на четыре патрона. Ох, ё! Говорила бабушка дедушке: не плюй в колодец, вылетит — не поймаешь...

Сначала я вижу, как длинный лоскут камуфляжной ткани отрывается от плеча моего собеседника. Затем будка машиниста разлетается в мелкую ржавь: изрядный кусок одряхлевшей стены отваливается и падает на рельсы с этой стороны, еще один кусок, первого раза в три поболее, грохается с той стороны, крыша со скрежетом перекобочивается и выпадает вслед за вторым куском. Теперь на месте будки — сквозняк, заполненный рыжей пылью.

Плешь кашляет, давится всей этой летучей дрянью. Наконец, слышу его вопли:

— Дембель, мать твою, дубина, не стреляй!

— Ты сам, сука, не стреляй! Какого буя ты рюкзак мне продырявил!

Ну, я молодец! Чудо логики и самообладания. То, что он меня угробить пытался, это ничего, это ерунда, мелочевка. А вот рюкзак мне, видите ли, до слез жалко, обида душу гложет и может мозг разьесть.

— Да ты чё, брат сталкер, ты всё под молодого косишь? Проверял я, распространяется твоя защита на рюкзак, или только ты сам, радиоактивное мясо, защищен.

— Какая защита, Плешь? Или как тебя там на самом деле, Клещ, что ли?

Возится в руинах будки, не отвечает.

— Чего возишься там, затеял разговор, так отвечай!

— Да разговорка порвалась, зашиваю. А ты и впрямь молодой. Отмычка, дерьмо мелкое, щенок, а везучий до драть твою мать. Приняла тебя Зона, сучонок...

А потом какое-то еще бу-бу, бу-бу-бу, бу-бу-бу, бу-бу, бу.

Рыжая пыль понемногу утихомирилась, легла. И вижу я с большой тоской, отчего не удалось мне пришибить хитреца. На нем, ребята, сверхлегкая экзоброня. Секите! Да он же и сам вякнул разок, мол, какой-то покойный Лодочник ему экзоброню чем-то там «заморачивал». И жирной он сегодня такой, потому что «экза» под камуфлом. Я бы раньше, может, сообразил, только мне, сельскому дурачку на съезде монстров, как-то невдомек, для чего товарищей своих пристально разглядывать, да еще в каком-то дерьме подозревать... А сейчас он особый шлем напялил, и я живо два к трем прибавил, пятёру из итога вынул.

Хреново, ребята.

До чего же хреново!

Я могу хоть все три магазина на него известить, ему в экзоброне — всё по хрену мороз. Он для меня неуязвимый. А у меня даже обычного бронежилета нет. На всё денег не напасешься, а я парень небогатый, если кто не знает.

Про экзоброню я узнал задолго до Ордена. Только она мне, как простому младшему сержанту на простой заставе, не полагалась. Ни разу не носил. Да и видел-то я ее всего лишь единожды, когда к нам заезжали мооновцы — парни из мобильного отряда особого назначения.

Экзоброня защищает от многих вещей. Мой калибр ее не прошибает, даже если лупить в упор. Электроудар она держит будьте-нате, радиоактивное заражение уменьшает, от химических ожогов предохраняет, ну и, понятно, от всякой фигни вроде ножа, кулака и катета спасает на все сто. Мало того, не напрасно ее называют не только «экзоброня», но еще и «экзоскелет» — она увеличивает силу и быстроту движений.

Пока упырь этот, Клещеплешь, или бес его разберет, без шлема был, я мог в башку ему пулю пустить, и аллес гут. А теперь, когда он шлем надел, шансов — ноль.

Разве только гранатой его... Есть у меня одна, оборонительная. С разлетом осколков отсюда до Магадана. Орденские знать не знали, что я ее с собой беру, нет, не скрывал я ничего, просто растрепывать не стал — так, бирюлька с армейских времен. Возьму, решил, может, пригодится.

И, значит, есть у меня еще один шанс. Правда, с таким волчиной матерым граната — шанс плохонький. Не подставится волчина под нее просто так, умный, драный волчина. Да и попасть надо аж под ноги ему, близехонько. Тогда, вполне вероятно, экзоброня его не спасет.

В общем, сплошной «не убий», ребята.

А он там, зараза, всё бу-бу, да бу-бу, потом сип какой-то, потом тиканье, потом взвизг. А еще через пару секунд он все-таки сумел как надо микрофон в шлеме настроить. Потому что я слышу его голос, по-мегафонному гулко звучащий через усилители:

— Поговорим, салага.

Глава 2. Совсем один

I'm going slightly mad,

I'm going slightly mad,

It finally happened — happened.

Если кто не помнит, ребята, я напомним: это мой первый рейд в Зону.

Десять минут назад у меня был мастер, которому я доверял без вопросов, еще у меня были братья-сталкеры, в которых я видел нормальных людей без психоза в башке и без хитрого подвоха в заднице. Кроме того, было четкое понимание куда и зачем я иду.

«Ништяк, молодые. Победа будет за нами...»

Охренеть.

И теперь мне очень нужен человек, которому бы я доверял. Надежный, умный человек, соображающий, как выживать в Зоне и как тут отличать правду от лжи. В идеале — старый друг. Настоящий старый друг.

«Старый друг лучше мертвых двух», — говаривала в таких случаях моя ненаглядная бабуля.

Но нету рядом со мной ни старого друга, ни нового, а есть только автомат, граната и хороший нож из рессорной стали. Да еще к ним в придачу немного мозгов — если их поджарить, как раз хватит на легкий завтрак. С этим скудным арсеналом мне надо выжить.

Поговорить он хочет? Отлично. С умным человеком отчего ж не завести беседу! Тем более если альтернатива — дырка в черепе.

— Ладно, — отвечаю, — поговорим.

Спокойно так. Очень стараюсь, чтобы голос не дрожал.

— Дембель, мне как-то по хер, какой умный человек привесил к тебе пулезакщитный артефакт. Может, ты сам такую вещь раздобыл и даже сам догадался защититься. Вряд ли, конечно, но, как знать, может, парень ты мозговитый и бабла у тебя неслитано-немерено — дорогие артефакты не из Зоны, а в Зону таскать. Повторяю: мне по хер. У нас есть проблема, и нам ее надо решить. Вопрос: ты уверен, салага, что нам надо убивать друг друга?

Я, понятно, на сто процентов уверен, что меня убивать не надо. Насчет него — вот не знаю. Но сказал же Господь: «Не убий». Вот и будем воздерживаться до последней крайности, ребята.

И про какой еще «пулезакщитный артефакт» он там городит? Никто ко мне даже снега прошлогоднего не привешивал. Орденовое снабжение, оно такое: за всё с доплатой и только бодрое напутствие — даром. Если б я пожелал натуральный артефакт прикупить, они бы там с меня семь шкур содрали. Ерунда какая-то...

Ладно, попробуем по-человечески.

— Слышишь ты, хлюст! Мне не так много надо! — ору я ему. — Выйти отсюда живым и невредимым. Обратнo, за Периметр, понял? Перестань палить, выведи меня отсюда к «воронке», и мы разбежимся. Видеть тебя потом — никакой охоты.

Ржет, сука. И микрофон его шлема из этого ржания делает такие звуки, что во сне услышишь — зайкой проснешься.

— Не понимаю я тебя, Дембель. То ли ты хитрожопый, аж с подвывертом, то ли дурак дураком, но кто-то тебе помогает. Какая, к Черному Сталкеру, «воронка»? Ты что, опух? Через «воронку» сюда зайти можно было, а отсюда — только через Периметр. И я тебя через Периметр не поташу, на кол ты мне сдался. Мы в сердце Зоны, топать к Периметру — до фи́га и дальше, мы по дороге друг друга с гарантией перестреляем, так что нет. Да и не собираюсь я выходить так скоро, дела у меня тут.

Молчу. Думаю. Самому выбираться из Зоны — верная смерть, ребята. Верней не бывает. У меня — первый рейд. Я тут много чего знаю, но только в теории. И у меня не девять жизней, а с одной-единственной, драгоценной, я за четверть часа расстанусь.

Первая же попавшаяся аномалия меня похоронит. Или кровосос. «Трамплин» едва пережил, но это ж на чистой везухе. Нет, один я не выйду.

— Короче, парень, не мечтай. «Сонный шар» я уже взял. И я уйду. Только с той стороны электровоза — еще одна «электра». Мне ее надо разрядить. Хоть живым телом, хоть мертвым, а разрядить надо. Или мне надо пройти тем же маршрутом, мимо тебя, салага, в двух шагах. Больше дороги тут нет.

Я огляделся. Почему дороги-то нет? Чисто же кругом. Открытое место... Или он какие-то аномалии видит, какие я различить не могу?

Молчу. Мало информации. Не знаю, что делать. Пока не знаю.

А он продолжает микрофонить:

— Давай-ка договоримся. Я романтик, салага. Я могу подойти к тебе и убить голыми руками.

Точно. В «эксе» — может, зараза.

— Конечно, у тебя там могут быть припасены сюрпризы. Ты просто вагон сюрпризов, парень...

Да уж припас для тебя один подарочек.

— ...вот только у меня их всяко больше. И скорее всего я просто прибью тебя да и пойду своей дорогой.

Без комментариев. Комментарии вышли бы очень обидными для моего самолюбия.

— Молчишь, салажонок? Вот что я тебе скажу: в Зоне надо уметь договариваться. От твоей смерти мне никакой пользы нет. А тебе — от моей. Ты, может быть, понравился Хозяевам Зоны, хотя и не врубаюсь, за какие такие заслуги. Из тебя, может быть, со временем приличный сталкер выйдет. Мне такие настырные ребята по душе. Говорил тебе, что я романтик? Впрочем, ты же всё равно не поверишь.

Давай, дядя, я подумаю про это потом. Все тонкости твоего психологического портрета мне побоку. Мы вроде не за кружкой пива тут сидим.

— ...В общем, давай так сделаем. Я выбираюсь из этой железной дуры, прихватываю трупак Зары этой вашей, лезу обратно, разряжаю «электру» и топаю своей дорогой. А ты, салажонок, топаешь своей. Стукнулись бортик о бортик и разошлись, как в море корабли.

Ну да, как «Титаник» с айсбергом...

— Устал я орать. Если согласен, дай одиночный в воздух. Если не согласен, я тебя урою.

Или я тебя урою. Это как карта ляжет, дядя.

— Минута тебе на размышления.

Что ж, прикинем шансы.

Во-первых, проводника из Зоны у меня всяко не будет. Либо он меня пристрелит, либо я его пристрелю. В обоих случаях проблема сама собой отпадает.

Во-вторых, если я не соглашусь, начнется второй раунд нашей смертельной схватки. Существуют ли, прикинем на пальцах, преимущества у такого расклада, что я его убью?

Определенно существуют. Я убью редкую гниду, я отомщу за Молота и Зару, я раздобуду немерено дорогой артефакт «сонный шар». И, самое главное, он не убьет меня.

Перевешивают ли все эти плюсы один неприятный факт: с «экзой» и «Кабаном» у него куда больше шансов прикончить меня, чем у меня — закопать его? «Сонный шар» выйти из Зоны мне не поможет. Месть ну никак, ребята, на добродетель не тянет. И пользы от нее — ноль целых ноль десятых. К чему мне его труп?

Подводим итог: нет, не перевешивают.

Вот и выходит: в Зоне надо уметь договариваться... с любыми козлами. Целей будешь.

Я даю одиночный в воздух. Гильза отлетает далеко в сторону... ёмерный канделябр! Невидимая рука припиливает металлический цилиндр к щебенке и раскатывает в картон. Да там же «грави»! В двух шагах! Похоже, тут полно аномалий, почему только я их не вижу?

— Молодец, салажонок. Перемирие, значит, у нас с тобой.

Да что же ты, упырь, трепливый такой? И так же ясно. Нет, он по тыще слов на метр грунта...

Враг мой спрыгнул из будки и очень осторожно, не сводя с меня глаз, не опуская ствол, сделал несколько шагов к мертвой Заре. Схватил ее поперек живота, крикнул и поволок обратно, к электровозу. Ни справа, ни слева он эту ржавь на колесах обходить не решился. Почему? Я не врубаюсь. Неудобно же...

Врать не стану, ребята: когда он принялся затаскивать труп в будку, у меня страсть как чесались руки отправить ему ручной ананасик с граненой «рубашкой». Но не стал я: договорились же на перемирие, а я привык держать слово. Пусть это и не слово было, а кусочек свинца, выпущенный в небо над Припятью. Один хрен — обещал.

А вторая, стало быть, высокая договаривающаяся сторона, пока я размышлял насчет подарить или не подарить ей гранату-«лимонку», вывалила мертвое тело за электровоз. Секунд через десять я увидел, как из-за ржавой махины вылетают снопы молний. Они напоминали светящиеся трассы от салютной шашки, рванувшей прямехонько за стальной тушей.

Плешь бросил Зару в охрененную «электру». Синие щупальца шарили по воздуху так, будто над шпалами раскрылся огромный хищный цветок, и лепестки его тянутся, тянутся, тянутся, пытаюсь схватить новую жертву — мертвяком они, вишь ты, разочарованы.

«Электра» очень долго не успокаивалась. Если бы не «экза», точно говорю, и сам бы он там лег, паразит.

А дальше — только хруст шагов по гравию.

Всё?

— Эй, щенок, ты слышишь меня?

— Слышу, старый пень!

— Борзый... Ладно, я тебе совет дам. Коли хочешь выйти из Зоны, ничего не делай, то есть вообще ничего не делай, даже шага в сторону не делай, пока не поширишь на трупе этого грёбаного мастера. Понял? Ни шагу.

— Да понял я.

— Может, жив останешься... И тогда я лично удавлю тебя при встрече. Обидно, если сам гробанешься.

— Ты там грызлище береги. Не давай другим стучать по нему, оно — моё.

— Ну, бывай, петушок.

И опять — хруст шагов по гравию: гр-рюк, гр-рюк, гр-рюк...

Я остался один.

Не знаю, то ли мне молиться, то ли мне материться. Молиться, наверное, эффективнее. Потому что вытащит меня отсюда разве только Господь Бог.

Давайте-ка, ребята, я нарисую вам диспозицию. Один парень двадцати четырех лет, с высшим гуманитарным образованием, попал в самое сердце Зоны. Периметр от него километрах в пятнадцати — двадцати по прямой, а в Зоне прямых путей не бывает.

На Периметре — военные с автоматами, пулеметами, овчарками и большим желанием истребить тебя, гада, на подходе, пока ты не заразил их какой-нибудь дрянью. Далее. У парня два с копейками магазина патронов, граната — одна штука, нож — одна штука. У парня нет навыков самостоятельного хождения по Зоне.

Его, конечно, готовили к рейду. Ему кое-что объяснили. Вот только вся теоретическая подготовка чего-то стоила, только пока с ним был опытный ведущий. Ведь одно дело — знать, как оно может быть в Зоне, и совсем другое дело — собственными потрохами попробовать, как *оно на самом деле* бывает в Зоне. На брюхе ползая, от кровососов удирая, выяснить, куда тут можно делать шаг, а куда не стоит. А он тут гол как сокол, и всего снаряжения — комбез камуфляжный, противогаз имени Леонида Ильича Брежнева, харч да

фонарик.

Ах да, у него еще есть дюжина болтов, сталкеры знают — зачем. Даже спального мешка нет. Не велели брать спальные мешки, мол, рейд короткий, обернемся мигом... Как же мастер собирался выходить отсюда до вечера? Через «воронку»-то уже не вернешься...

Или врал Клещ, и есть способ выйти тем же способом? Ну да, врал он или нет, а парень этого способа не знает, и подсказать некому.

Допустим, парень каким-то чудом доберется до Периметра. Не схватит при этом летальную дозу радиации. Не попадет кровососу в лапы. Даже сумеет прямо перед Периметром прикопать АКСУ, чтобы ему с ходу не выдали пять лет отсидки за незаконное ношение оружия.

Допустим. Но сразу после того как патруль гостеприимно спеленает парня, ему зададут вопрос: «А что ты, сукин кот, делаешь в Зоне Отчуждения Чернобыльской АЭС? Не знал, что ходить туда — уголовное дело? Ну, не знал так не знал. Незнание не освобождает от ответственности».

Так что, ребята, как ни крутись, а выбор невеселый: либо звиздец, либо отсидка в украинской тюрьме.

Но тюрьма все-таки лучше.

Н-да...

Я помолился.

Посидел на гравии, потер лоб. Почесал в затылке. Погладил подбородок. Надежные, проверенные способы вызвать богатую идею из мирового эфира прямо себе в башку дали собой. Никаких мыслей насчет того, куда идти и что делать, в башке не обнаружилось.

Мысль была одна, но совсем другого свойства: мне очень не хотелось тут быть. Вот на этом долбаном гравии, рядом с распродолбанной станцией Янов, посреди троедолбаной Зоны. На кой я сюда поперся? Я что, совсем придурок? Я же нормальный парень, я же не полный идиот!

А? Кто-нибудь знает? Какой, интересно, подвиг надо совершить, чтобы всё это разом куда-то улетело, прекратилось, рассосалось?!

В общем, чтобы я оказался опять в Москве, у себя в квартире? Да я не верю, не может того быть: я, и вдруг прямо в заднице, на порядочной такой глубине, откуда и отверстия-то не видно!

Я по жизни никогда не оказывался в полной безнадее. Чутье у меня — безнадееги обходить по широкой дуге. Ясно вам? Чутье. И где оно сейчас, это самое чутье? Уволилось? Или еще похмелиться не успело?

Мне не надо тут быть! Кому что не ясно?

В общем, хотите верьте, хотите — сходите в Зону и проверьте, а я с четверть часа сидел на том месте, не двигался и тупо ждал: может быть, оно как-то само собой кончится. Придет кто-нибудь и вытащит...

Никто не пришел и не вытащил.

Ни одна собака!

Четверть часа спустя моя задница замерзла. Я понял: надо выбираться самостоятельно. Будешь сидеть сиднем, просто сдохнешь. Хотя бы от простужения задницы. Видимо, именно она, бесценная моя, подала в мозг тревожный сигнал.

Я встал и огляделся.

Ух ты! Правду говорят — новичкам везет. Под самым носом у меня лежало моё счастье, зеленое счастье новичка. Много счастья в разных видах. Столько, что в обеих руках не донесешь.

У меня, ребята, появился махонький шанс.

Глава 3. Как Карлсон без пропеллера

I just want to be who I want to be,
Guess that's hard for the others to see.

У вас бывало такое когда-нибудь: вас расстреливают с грошового расстояния из крупнокалиберной винтовки, а вы вместо летального отравления свинцом получаете всего-навсего легонькие шлепки и пощечины? Эротические такие шлепочки?

У меня до сегодняшнего дня как-то ни разу такая вот развлекуха не складывалась. Да и с эротикой последнее время... даже с самой бесхитростной... впрочем, это мы как-нибудь потом, за стопкой чая обсудим. Когда я отсюда выберусь. Точнее говоря, *если* выберусь.

Ну а теперь давайте-ка вернемся к шлепкам и прочим игривостям. Я как-то не пропёр, отчего упырь этот сделал по мне несколько выстрелов из «Кабана», и ноль толку.

У него там крышу, наверное, снесло на тему: какого беса?! Вот он и начал лепить, мол, кто-то помогает салажонку, кто-то ему артефакт защитный привесил, кто-то ему то, кто-то ему сё. А потом и вовсе хлам какой-то словесный: мол, Хозяева Зоны его полюбили...

Я тоже в причины своей неуязвимости врубиться не мог. Пока не глянул вот прямо сейчас себе под ноги.

Обалдеть, ребята.

Точно, рядышком, на расстоянии полуметра друг от друга, лежали два защитных артефакта. Два самых настоящих артефакта. Первый в моей жизни хабар. Раньше я такие видел только на картинках. Инструктор Лис нам показывал.

Вот этот «камушек» выглядит очень приятно. Гладкий, глянцевитый, с желтенькими кляксами в форме многолучевых звезд. О! Даже чуть-чуть светится. Называется он «ночная звезда» и стоит, говорят, порядочно.

А лично для меня он — так просто на вес бриллиантов. Полкило крупных, чистой воды, совершенно нелегальных бриллиантов. Потому что защищает от втягивания в «воронку», в «птичью карусель», в любые «гравии». А на десерт он еще и образует вокруг тела какое-то там эллипо... эллипто... эллипсохренопуперское гравиполе, предохраняющее от предметов, приближающихся с высокой скоростью. От пуль, например.

Вот эта маленькая приятная штучка недавно спасла мне жизнь, отклонив пули Клеща. Сколькo, мать твою, вокруг этой штуки баек! Будто бы он подпрыгивает на месте и сверкает как рождественская ёлка. Будто бы его вообще увидеть нельзя, если у тебя нет особого детектора. Будто бы он торчит в сердце аномалии, а не по соседству. Будто его можно активизировать только с помощью спецтехники.

Всё фигня.

Может быть, свежие «ночные звезды» сидят точнехонько внутри аномалий, а от избытка энергии шпарят свечением во все стороны, подпрыгивают и чуть только не лают, выплескивая естественную жизнерадостность. Может быть, старые артефакты, кои никто не нашел в дни их юности, становятся невидимыми. Но зрелые-то — не слишком юные и не слишком дряхлые — просто лежат, да и всё.

Притом аномалии, они же не стоят на месте, в то время как артефакты передвигаться не могут. Вот и мой голубчик лежал себе тихо в куче гравия, пока его не выудили на ощупь. Ни малейшей невидимости — полная тебе видимость и, подавно, осязаемость.

Говорю же — фигня эти байки. Зато не фигня — убойная радиоактивность «ночной звезды». Я его активизировал, стиснув рукой. И, стало быть, через руку в меня вошло столько радиации, что мама не горюй. Может, мне бы и стоило обзавестись вместительным контейнером для зубов, волос и ногтей, которые будут стремительно выпадать от лучевой

болезни, если бы не второй «камушек».

Впрочем, на камень-то вторая... — как назвать? назовем ее хабариной... — так вот, вторая хабарина на камень не больно похожа. С одной стороны, да, серый такой окатыш, твердый, точ-в-точь галька морская. Зато с другой — отросточки... ну... жгутики... точнее... щупальца, только они застыли, не шевелятся... или... ну... как бы щеточки жесткие... а в общем непонятно.

Видел я эти жгутики-щеточки-щупальца на экране монитора. Называются они «медуза» и стоимость у них на порядок меньше, чем у «ночной звезды». Но несомненная польза у «медузы» есть.

Да, от всяких гравитационных ловушек она защищает слабее, чем «ночная звезда». Зато она нейтрализует вредоносный эффект от самой «ночной звезды». Бывают, ребята, «белые медузы» и «серые медузы». Белая сама слегка радиоактивна, а серая — у меня как раз серая — в силу какого-то каприза Зоны радиацию рассеивает.

Сколько бы я от «ночной звезды» ее ни получил, а изрядная доля через «медузу» от меня ушла. Так-то вот.

Именно в них, ребята, в эти две хабарины, я вцепился, когда шипел и выл от боли после «трамплина». Именно на них наткнулся, запустив руки в гравий. И надо же было такому случиться, чтобы в одну ладонь пришел артефакт «ночная звезда», а в другую — «медуза». Так, чтобы из моря тупых булыжников я выловил два самых нужных в данный момент предмета!

Два незаконнорожденных чада аномалии «трамплин». Секите фишку: возможно, той самой аномалии, которая едва не угробила меня вот только что. Матерая, выходит, аномалия. С длинной биографией — давно тут витает и не один Выброс пережила...

Нынче вроде ни одна сволочь стрелять по мне не собирается, а держать в руках два артефакта, каждый граммов по пятьсот весом, не слишком-то удобно, поэтому придется положить их в контейнер на пояс.

По идее, можно держать их активизированными хоть круглосуточно. Однако для этого требуются особые примочки к сталкерской разгрузке, а у меня их, понятно, нет. Да и контейнер-то старенький, я взял только из понтов, пусть и пришлось отдать за него немало кровных денежек.

Понимаете, мы шли за одним-единственным артефактом, «сонным шаром». Для него Молот имел новейший меганавороченный контейнер с двенадцатью степенями защиты от излучений артефактов.

А я... ну... подумал: вдруг и мне какая-нибудь хабаринка случайно попадет... И потом, ну какой ты к ляду сталкер без контейнера? Несолідно.

Сталкер без контейнера, как Карлсон без пропеллера.

Я жадно огляделся. А ну как еще пара-тройка артефактов меня рядышком дождутся на этом поле чудес? Будет потом чем откупиться от военного патруля, коли дойду до Периметра. Они ведь там, чай, тоже люди небогатые, авось польстятся... и отпустят.

Но никто мне не подмигивал из кустов радостным свечением, никто не прыгал на месте, ожидая моего прихода, как манны небесной, никто не лежал просто так, приберегая для меня свои ценные свойства. Похоже, везению моему...

Так.

Нет, ребята, торопиться не стоит. Как там говорил Клещ? «Шага в сторону не делай, пока не пошаришь на трупе этого грёбаного мастера».

Я по натуре не мародер.

Я за то, чтобы мертвецов хоронили честь по чести.

Я вообще мертвецов побаиваюсь, а шарить по снаряге мужика с развороченными внутренностями так и просто брезгую.

Я, в сущности, не жадный, я на злых чудесах Зоны зарабатывать не собирался. Если кто не понял, повторю резче: зарабатывать на Зоне я не планировал никогда.

Вкурили, перцы? Другие цели у крутого сталкера Дембеля.

Но... говорят, ученые как-то собирались сбросить корову на Четвертый блок ЧАЭС — тот самый, который закрыли бетонным саркофагом после Первого Взрыва. Для научного эксперимента.

Ну, обвешали ее датчиками и видеокамерами, сунули в бомболук самолета и полетели над Зоной. Вот только у самой коровы не спросили, согласна ли она на такие эксперименты. Пролетев над неизвестными науке аномалиями, корова неистово мутировала. Когда ее попытались сбросить, она растопырила копыта и в люк не пошла. На незамысловатый вопрос штурмана, пришедшего разбираться с неполадкой: «Ты чё?» — она ответила на чистом русском, без коровьего акцента: «Жить захочешь, еще не так раскорячишься». Перебив экипаж, корова-мутант захватила управление самолетом и взяла курс на Индию. Там, по слухам, на коров молятся.

Это, конечно, сказка, но фраза мне понравилась: «Жить захочешь, еще не так раскорячишься».

А может, и не сказка, Зона странностями богата.

Однажды сюда привезли Обаму, когда мужик отсиживал второй срок. Так вот, из Зоны он вернулся белым.

Короче, я подошел к трупу Молота и с нечистой совестью принялся шмонать. И чем дальше я это делал, тем больший азарт чувствовал. Прав оказался сукин кот Клещ. И хороший совет дал.

Брненное тело Молота подарило мне приличный антирадиационный костюм СПП-101 с биоподкачкой. Повозившись пару минут, я нашел и врубил механизм регенерации. Скоро дыры, проделанной пулей «Кабана», как не бывало.

На левой его руке обнаружился спаренный детектор аномалий и артефактов системы «Суворов». Нам такие не показывали. Нам показывали старые, здоровые, а этот похож на мужские часы с плотно облегающим руку браслетом и двумя крупными экранами: один сверху, другой снизу.

Я представил себе седого фельдмаршала, бредущего по Зоне в окружении роты сталкеров в высоких гренадерских шапках. То и дело поглядывая на детектор, он поучает бойцов: «Чудо-богатыри! Против кровососа нужны глазомер, быстрота, натиск!» И чуть погодя: «А если выскочит псевдоплоть, атакуйте в сомкнутом строю: пуля — дура, штык — молодец!»

В кармане обнаружился портативный компьютер. Очень ценная вещь. Мастер Лис учил, что сам Хемуль говорил ему, что самые крутые сталкеры всегда называют такой ПДА, и только форсистые отмычки придумывают другие названия.

Еще я забрал «Тавор-5». Ну не пробивает он «экзу», так не бросать же его из-за этого? Вещь-то порядочная, пригодится. С разгрузки мастера я снял контейнер для артефактов и пистолет «Альпиец» с весьма ёмким магазином — он в большой моде у сталкеров.

Польстился на нож. Зачем мне еще один нож, ответьте, ребята? Скажете, мол, совсем тебя, Дембель, жадность обуяла?

Да ну, прикиньте: много ли с ножа корысти, хоть бы и с крутого! Нет, просто слабость у меня к ножам. Люблю я их, ребята, бескорыстной всепобеждающей любовью.

А тут у меня в руках оказался зазубренный «танто» с неподвижным клинком из стали Sandvik 12C27, с плазменно-керамическим напылением, односторонней заточкой лезвия и титановым наверхием. И не надо распинаться, мол, перо-то хоть и для людей с лицензией на убийство, но всё же серийное, а настоящую круть делают по персональному заказу.

Может, оно и так. Но... учитесь уважать классику. Ясно? Просто учитесь. «Танто» —

штука простая, эффективная, смертоносная. Мне нравится. Чисто эстетически.

Долго думал: брать ли автомат, а точнее сказать, пистолет-пулемет «Суоми», брошенный Клещом? Пушка-то хоть и антикварная, а все-таки очень надежная... Вот только с ней я буду напоминать уже не сталкера, а дикобраза: стволы торчат во все стороны. На фиг.

А впрочем... прикопал я его в гравий. И на шпале приметный крестик оставил. Мало ли.

Шмонать так шмонать. Я распотрошил рюкзак Молота в поисках полезных предметов. А на втором плане маячила простая мысль, вовремя подсказанная мне Клещом: в Зоне надо уметь договариваться. Откуда я знаю, не придется ли мне продать или пустить на обмен какую-нибудь финтифлюшку из скарба мертвого мастера?

Как любила говорить моя бабуля, цент сто баксов бережет. Светлая ей память: когда померла, в подушке у нее нашли пачку облигаций военного займа.

Ладно, что тут для меня приберег брат Молот?

Три банки тушенки. Берем!

Термос с горячим чаем. Ну... отличный конверсионный термос, жалко оставлять врагу.

Фляга с эмблемой Ордена снаружи и... и говенным коньяком внутри. Мастер называется! Мог бы и приличного налить.

Обойма одноразовых шприцев с антидотом против радиации... против укуса любого мутанта... против химического отравления... Пригодится.

Аптечка. Вот это — высший класс. Нам-то аптечками не велели запасаться. Мол, налегке пойдете, быстро выйдете... Забираем.

Налобный фонарь. Ни к чему он мне. Пускай полежит рядом с автоматом «Суоми» в гравии.

Фотка... жены? Девушки? Уж точно не сестры и не дочери. Такого разнузданного бикини сестре просто не нужно, а дочери сам папа не позволит. Что ж, мастер, девчонка просто супер...

Стоп!

Мастер... а ты и впрямь нам чего-то не договаривал. Может, прав Клещ — про тебя да про отмычек? Секите фишку, ребята, у него во фляжке — коньяк.

Коньяк ! Обуеть. Какой сталкер пьет коньяк? Нет, за Периметром — хоть тормозную жидкость, хоть плодово-ягодную бормотуху, хоть финиковый ликер. А в Зоне — по традиции предпочитают водку. Потому что именно водка выводит из тебя радиацию.

Вообще ее выводят четырьмя способами: водкой, антидотом, антирадиационными артефактами и — если совсем дела плохи — дорогим лечением за пределами Зоны, когда в тебя вгоняют препарат за препаратом, а ты чувствуешь, как лишняя радиация уходит через слезы, которые ты проливаешь над денежными единицами, улетающими со счета. Я знаю, я читал. Я много читал...

А теперь задумаемся: какого беса нужен сталкеру в Зоне коньяк, если вместо водки он взял антидот? Вывод напрашивается простой и незамысловатый: либо он трус, либо он алкаш.

Вернее, он точно трус. Алкаша за артефактом такого уровня не пошлют. «Сонным шаром» интересуются военные: он используется при изготовлении глубоковакуумных боеприпасов. Ему по большому счету цены нет. «Сонный шар» (одна штука) = вилла в Испании (одна штука), океанская яхта (одна штука) и беззаботная жизнь до последнего звонка (можно разделить на двоих и выйдет две штуки).

Кто доверит «сонный шар» пьянице? Стало быть... стало быть... трус. Нет, никакой он не Молот. А вот Сопля — как-то правдоподобнее.

Любопытно, в чем еще поганый Клещ окажется прав?

Принялся я было переключать скарб Сопли-Молота из его рюкзака в свой, но живо

бросил. В моем обнаружилось две дырки, проделанные пулями, разбитый фонарь и покалеченная кружка.

Я безжалостно выбросил обоих инвалидов в кусты и переложил барахло в роскошный рюкзак мастера. Прихватил и налобник — раз моему фонарику каюк.

Подогнал лямки.

Огляделся победно. Теперь — повоюем! Теперь у меня целых десять шансов из ста — вместо двух, как было совсем недавно. Нынче я такой бодрый, со всех сторон снаряженный, ну как настоящий сталкер...

Только... только... э-э-э... мелочь какую-то забыл. Пора бы чапать отсюда, но на втором плане сознания мерцает непонятный алармик... ну... обязательно надо... сделать... что?

Может, просканировать детектором артефакты, не затаилось ли поблизости еще одно сокровище? Перезарядить АКСУ? Ладно, отстегиваю ополовиненный магазин и вставляю полный.

Радиацию проверить? Да нет, мастер на подходе проверял. Фон — сносный...

Как там говорил Клещ? «Шага в сторону не делай». Выходит, в шаге от меня какая-то опасность.

Есть у меня высшее гуманитарное, или у меня есть только хер волчий? Станем размышлять логически. В шаге от меня мутантов, матрикатов и зомби нет? Нет.

Чужие враждебные сталкеры, бандиты, мародеры, военные и прочие сапиенсы есть? Я не знаю.

Но скорее всего нет. Иначе дали бы они мне спокойно обарахляться!

«Трамплины», «птичьи карусели», «жарки», «электры» и иже с ними аномалии? Я их не вижу. Нету их, кажется. Вот только Снегирев, Зара и я сам сегодня в них побывали.

Поделиться ощущениями? Ощущение одно: спасибо, Господи, в живых оставил.

Вывод: если ты не видишь аномалию, это не значит, что ее нет. А? Не зря меня пять лет учили на историка.

Врубаю детектор аномальной активности. Его мастер настроил как раз на уровень Янов. Отличненько. Очень удобно. Не надо лишний раз вози... не надо... в смысле... возиться... лишний раз... мне.

Да...

На этой секунде счастье новичка завершилось, и началась свирепая реальность.

Мы с другом электровозом и мертвым телом орденского мастера пребывали точнехонько в самом центре огромного поля аномалий.

Их было... я даже сказать не могу. Десятки? Сотни? Маленькие и большие. Электрические и гравитационные. Почти микроскопические «жадинки» и каскадные «трамплины», слившиеся в единый сгусток протяженностью метров на семьдесят. Всё это счастье, легонько покачиваясь, плавало над землей, вибрировало, шевелило плавниками, точно крупная рыба в аквариуме, то сокращалось в размерах, то увеличивалось...

Я оказался в центре поля, густонаселенного кобрами! Милые змейки поднялись и бодро раздули «капошоны»: здравствуй, дорогой друг! Как давно мы ждали тебя... Соскучились ужасно!

«Голубая дымка» из «романтической сказки» оказалась сеткой электрических капилляров, образованной целым бульваром мощных «электр». «Марево» над «разогретыми рельсами» давали гравитационные аномалии, коими железнодорожные пути были утыканы, будто ельник ёлками.

Как я жив-то до сих пор, не знаю...

Глава 4. Всё еще жив

No will to wake for this morn,
To see another black rose bom,
Deathbed is slowly covered with snow.

Когда мысли заплетаются, то и язык начинает вязать странные коленца. Вперив взор в экранчик детектора, я глубокомысленно сообщил себе:

— Всё... еще не потеряно.

Как-то не так сказал, да? Пришлось поправить себя:

— Нет. Потеряно еще не всё...

Ну да, что-то не потерянное еще имеется.

— Одним словом, что-то потеряно, а что-то не потеряно, — вот такое вышло самоободрение в отредактированном виде.

Надо выходить из этого змеюшника. А для начала достать и хорошенько сжать «медузу». Авось оборонит от втягивания в гравитационные ловушки.

У меня, ребята, имелось три маршрута для выхода из поля аномалий.

Первый — след в след обратно, в том направлении, откуда мы пришли.

Второй — след в след за Клещом. И лучше бы не туда. Перемирие наше закончилось. Говорил нам инструктор Лис: «Запомните, небритый мужик с пушкой — это самая опасная аномалия во всей Зоне».

А когда у него спросили, мол, бритый мужик, наверное, не столь опасен, он усмехнулся и ответил величаво: «Шесть лет хожу в Зону и до сих пор не видел, чтобы там кто-нибудь брился».

Третий маршрут — в гости к Богу. Но что-то мне подсказывало: Он не станет торопить меня и звать на третий маршрут.

Прежде чем пойти обратным путем, я, — прикиньте, жадный, как десять тысяч Хуаресов, — врубил детектор артефактов. А вдруг? А?

И вот на тебе, дружок, съешь железный пирожок: под той самой елочкой, выскользнувшей на свет между шпалами, из-под гравийной присыпки, обозначился свеженький, ярко светящийся артефакт «душа камня». Три большие неровные «картофелины», соединенные короткими перемычками, все три — желтовато-бурые. В самую крупную из них выросла короткая веточка хвои да короткий грязно-белый стерженек...

Эге, никак, обломок человеческого ребра. Может, не зря говорят, что в «душе камня» прячется натуральная душа погибшего сталкера?

Да нет, не верится что-то.

Жутко красивая штука и обескураживающе дорогая.

Но... говорила бабуля, мудрая женщина: «Всяк сверчок знай свой каравай». Добраться до «души камня» я не смогу ни при каких обстоятельствах. Елочку, милую среднерусскую красавицу, с трех сторон берегут от загребущих сталкерских рук «птичьи карусели» устрашающего вида. Снегиреву хватило одной...

Нет, ребята, ум говорит совести: надо бы и честь знать.

До чего ж грибное, однако, место!

А все потому, что Выброс в Зоне был недавно. Аномалий — море, артефактов — хоть с лукошком ходи и собирай.

Я от Шрама про Выброс много слышал. Мол, лучше нет времени ходить за «самоцветами Зоны», чем сразу после Выброса.

Вон бедняга, который валяется прямо за кормой электровоза, тоже, наверное, узнал про Выброс и живо сунулся сюда, да только...

Ох, ёкарный бабай, велика твоя сила! Этот улегся на вечный сон задолго до Выброса. Уже и разлагаться начал. То-то Клещ побрезговал таким красавчиком, полез за телом Зары. А это вот пятнышко... блестинка... она... хм... любопытно.

Детектор артефактов сообщает четче некуда: рядом с левой рукой мертвого тела имеет место быть металлический предмет с необычными свойствами. Он же — артефакт неизвестного происхождения.

И ничего опасного — заметьте! — никакой злобной аномалии на три шага вокруг.

Только скажите, что вы бы не полезли за интересной неведомой штуkenцией! У вас бы, понятно, руки тряслись, когда вокруг такой кобрятник, у вас бы потроха мерзли от ужаса, а вы бы все равно потянулись за сокровищем мертвеца.

И я, разумеется, тоже. Кто не рискует, тот не пьет серную кислоту.

Сначала, конечно, просканировал вещицу насчет радиоактивности... не фонит ни миллирентгена. Потом достал из-за пояса «танто» и подцепил хабаринку лезвием. Я ведь и знать не знаю, какие у нее появились свойства: может, это не я ее сейчас забираю, а она каким-то хитрым способом забирает меня. Надо проявить осторожность.

На первый взгляд, ребята, какая-то денюга из светло-желтого металла. Овальная, увесистая...

Только когда я поднес ее к самым глазам, то, наконец, допер. Профессионал называется! Год, блин, оттрубил под Калугой, в Кудинове, заводделом нумизматики и фалеристики при гордом (пусть и микроскопическом) Музее дворянского быта. И смертельно был разочарован, когда музей разогнали: наше богоспасаемое правительство опять разъяснило культуру через полную стерилизацию финансирования.

«Культуре нужна свобода, — говорил наш тогдашний премьер, — стоит ли ее оскорблять государственным контролем и государственными грошами?» А мне плакать хотелось — зацените, упыри! — *мне* плакать хотелось, когда нас выперли из большого деревенского дома в двух шагах от развалин усадьбы, когда-то принадлежавшей Константину Николаевичу Леонтьеву...

Не знаете, что это за перец? Ну и ладно.

Больше я по специальности не работал. А работал я экскурсоводом на маршруте «Тайны московских диггеров».

Если что: половину тех тайн я оборудовал своими руками. Особенно хорошо получилась груда костей и череп в энкавэдэшной фуре. Рядом я положил реплику нагана и разбросал горсть мелочи тридцатых годов. А здесь, мол, господа, осенью сорок первого был затоплен секретный бункер НКВД. Так быстро, что не всех успели эвакуировать... Надо же чем-то веселить богатеньких клиентов.

А теперь — на хрен мою работу, на хрен музей и на хрен диггеров. Чего базлать, мы застряли посреди Зоны!

Короче, мне попалась медаль овальной формы, с сильно выцветшим материалом колодки. Когда-то он был синим, а сейчас колер у него невнятно-пятнистый. Медаль совсем не древняя, но редкая. На лицевой стороне — двуглавый мутант из Зоны, ставший российским гербом, триколор, а так-же веточка лавра и раскрытая книга. На оборотной — надпись: «Лауреату премии Президента Российской Федерации в области образования».

Вот не уверен, ребята, что президентскую премию дают за бродяжничество в Зоне, вынос хабара и умелое применение стрелкового оружия по движущимся мишеням. Кто сюда, в Зону, пронес лауреатскую медаль, зачем оставил ее здесь и какие свойства она приобрела на поле аномалий, обернувшись вдруг артефактом, бог весть.

И кстати, на кой болт притащил ее к электровозу товарищ мертвец? Денег она стоит, это уж точно. Хоть и не орден Победы, Суворова или Нахимова.

Хабарина скользнула с острия «танто» в контейнер.

Любой крутой сталкер вам скажет: возвращаться тем же маршрутом — верная смерть. Вы провели безопасную дорожку, а на обратном пути вляпались в аномалию. Они же на месте не стоят! Реально, если идти точнехонько по своим следам, направленным в обратную сторону, это будет ровно такой же риск, как и по нехоженным местам.

От выхода из «воронки» мы, группа Молота, топали метров семьсот. Очень медленно. Упарились, пока дошагали до путей и там тихо-мирно порвало в ключья Снегирева.

От центра аномального гадючника до тех мест, где аномалий на экране «Суворова» уже не видно, где тишь, гладь и Божья благодать, — всего-то четыреста метров. И надо сначала выйти туда из поля аномалий, а потом уже просчитывать стратегию и тактику броска к Периметру. Вот так-то, ребята.

Только в Зоне четыреста метров можно пройти за десять минут, а можно и за сутки — это как карта ляжет...

Ну, вперед.

Первые двести метров я прошел без проблем.

Насыпь, проржавевший ковш экскаватора, канава — хорошо, что сухая, поскольку мостик через нее давно сгнил и разрушился, — потом скудная лесополоса из ёлочек-берёзочек...

Нормально. Чисто. Там только у электровоза были две поганки — «птичья карусель» и «электра». Теперь, прилепив на руку детектор мастера, я вижу ясно, как драть твою Дуньку, что обойти их было никак нельзя, и мастер мог только привести на них сначала одну отмычку, а потом другую.

Опять же прав оказался Клещ. Знал мастер, куда топает Снегирев, когда тот хлебалом щелкал и вперед себя не смотрел. Знал, но все равно не остановил его. Тупо разрядил «птичью карусель» человеческим телом. А потом Клещ разрядил «электру» вторым человеческим телом. Два сучьих потроха, ребята, две гниды.

И тут тропиночка моя натывается на опору ЛЭП, поваленную давным-давно, еще, может, перед Вторым Взрывом. Провода здесь отовсюду снимали сразу после восьмидесяти шестого... Ржавый столб с металлическими щупальцами перегородил дорогу. Как раз где-то здесь нас «черным нокаутом» долбануло...

Когда мы шли к путям, мастер долго приглядывался к этому месту. Велел не соваться в красную крапиву, вымахавшую в два человеческих роста, велел положить с прибором на странные тени от кустов, росших с другой стороны тропинки, — они хоть и диковинные, но совершенно безопасные, — и аккуратно перейти через опору. Аккуратна-а, козлы, м-мать, ни полшага влево, ни полшага вправо!

Да что там! Вроде бы перешагнул, да и мать его за ногу... Ан нет, накось выкуси.

Час назад тут, как видно, имелись узкие ворота — между мощным гравиконцентратом справа, ближе к путям, и «жадинкой» слева, ближе к лесу. «Грави» тебя без вопросов расплющит, только сунься. «Жадинка», в сущности, тот же «грави», только с медленной накачкой, если можно так выразиться.

Она тебя тянет сперва слабенько, слабенько, но если ты, дурак, не отскочишь сразу же — начинает усиливаться по экспоненциальному закону. То есть быстро, потом еще быстрее, а затем и быстрее быстрого.

В итоге: притянет и не отпустит! Может, час не отпустит, а может — неделю. Нам рассказывали, что один сталкер проторчал двое суток в «жадинке», влипнув правой рукой. Мутанты бросились грызть бедолагу, и когда патроны у него кончились, оттяпали обе ноги.

Иногда через «жадинку» можно просто пробежать. Но проблема была в том, что моя «жадинка», если верить детектору, была очень сильной. И почти наверняка успеет накачаться за пару секунд настолько, что буквально поймает меня за шиворот и притянет к себе.

Ну и вот, короче, шли туда — был зазор между аномалиями. А сейчас больше никакого

ззора нет. Гравиконцентрат сдвинулся сантиметров на семьдесят ближе к «жадинке» и запер меня на маршруте. Если бы я его не видел на детекторе, был бы уже мертвее мертвого.

У меня остается один вариант: обойти аномалию. И притом только справа, через лесополосу, ближе к железной дороге. Поскольку слева, в зарослях крапивы, колосилась семиканальная «воронка», маняще покачивая раструбами гравизахватов на экране «Суворова». Без детектора я просто ничего не увидел в этом месте. Разве только листья крапивы подворачивались как-то странно.

Бабуля моя любила раздолье и говаривала бывало: «Для бешеной коровы семь верст — не крюк».

Ладно, двигаюсь вправо. Вытаскиваю болт, кидаю, проверяя границу аномалии. У «Суворова» экранчик маленький, по нему не поймешь, в десяти сантиметрах от тебя аномалия или в тридцати... Болт вернее.

Недолет.

Оп! Аж в землю ушел.

А этот как раз краешком зацепило да притянуло... И вот еще один — по краешку. И еще один...

Тут у нее, заразы, протуберанец, ребята. Примерно на полметра в мою сторону. Болтик, болтик, болтик, еще парочка — для верности.

Оконтурили.

Пройти я смогу. Осторожненько. Только очень осторожненько, потому что еще правее по курсу стоят два куста. И у обоих те ветки, которые растут со стороны соседа, какие-то куцые, изломанные, паршивенькие.

Да еще косточки прямо посерединке между кустами лежат. Мелкие чьи-то косточки — то ли крысиные, то ли тушканьи. Что-то там нам объясняли... дремал я тогда на занятиях, и вот напрасно я дремал... но... в общем... про контактные кочки... Да?

Да. «Либо справа, либо слева, но никогда — между». Потому что могут схлопнуться, и тогда лишишься... э-э-э?... ноги? жизни? господина Болтавичюса?... кажется, чем попадешь под схлопывание, того и лишишься.

Контактных кочек не наблюдаю, но контактными могут быть не только кочки: кажется, приводился целый список контактных ловушек. Входили туда кусты? Э-э-э... Очень может быть.

Значит, либо справа, либо слева...

Справа — трава жухлая. Как бы не «жарка». Нет, «Суворов» не показывает. Но детектор в принципе не всё показывает. Инструктор Лис как говорил? «Если детектор говорит — ничего нет, а интуиция говорит — что-то есть, не суйтесь. Интуиция всегда вернее».

Значит, слева. Между кустом и «грави».

А там ох как узко! Чуть оступишься, и кирдык. Пожалуй, сохраннее будет на четвереньках. Или... да, еще сохраннее — ползком.

Ну, командуй, Александр Васильевич. «Чудо-богатыри, по-пластунски вперед!»

Тесно, ребята. И страшно до промерзания кишок. Зато адреналина — море, хоть жопой ешь этот самый адреналин.

Я проползаю куст, сделав *очень глубокий вдох*. Я задерживаю дыхание. У меня по жизни есть такой навык — могу не дышать целую минуту. Парни проверяли по секундомеру. Здесь я, кажется, две минуты не дышал, или типа того.

«Захочешь жить, еще не так раскорячишься».

И какая же это сволочь так набила мой рюкзак? А? Я сам? Нет! Да я бы никогда!

До чего же тяжело!

Тут прямо на середине тропинки вижу гриб. Крепенький такой, добрый русский

боровичок. Раньше подобных молодцев любили рисовать в детских книжках со сказками. Белый гриб под сосеночкой, белый гриб под березочкой, белый гриб у самой избушечки... так и лезет на сковородочку.

Этот — прямо витязь среди грибов, либо князь пресветлый. Аж по колено мне будет. Прямо из-под шляпки выбиваются у него то ли стручки какие-то — совсем не грибные, — то ли мультяшные богатырские кудряшки. Что за богатырь, в конце концов, с прямыми-то волосами?

Но какого черта он выпер прямо посередине тропинки? Станция Янов — место оживленное, тут часто бродят сталкерские команды. Кто-нибудь да срезал бы его и отволок ученым, либо сожрал с голодухи, хотя лопать выросшее в Зоне — дело стремное.

Скрючившись в три погибели, я добываю из кармана болтик и бросаю его в гриб. Железный друг сталкера чуть-чуть не долетел. Самую малость.

Вот досада! Тянусь за вторым, но на полпути рука застывает. А боровичок-то странно реагирует на мое болтометание.

Невинная шляпка его съехала набок и повернулась в мою сторону, словно гриб — вот хоть руку отрежьте! — говорит мне: «Куды лезешь? Забодая!»

Безобидный смешной грибец.

А на меня холодом повеяло. Будто по кишкам холодный стальной шарик проехал.

Нет, ребята, обличье у этого монстра грибное, а вот нутро его не разглядишь. Оно там — какое угодно, только не безобидное.

Я очень медленно, очень терпеливо ползу назад. Задерживаю дыхание. Морщусь от тяжести рюкзака. Боюсь лишний раз в сторону качнуться. И вылезши обратно, достаю фляжку и досыта хлебную воду. Что-то в глотке у меня пересохло...

А потом навожу АКСУ на боровичок и плавно жму на спусковой крючок.

Между нами теперь метров пятнадцать — двадцать, а до того, как я отполз, было метров десять. И мне повезло, что я испугался, да и попятился. Потому что первая же моя пуля врезалась грибу в шляпку, шляпка раскрылась, что твой тюльпан, да и плюнула какой-то черной дрянью. Очень ловко плюнула, накрыв весь участок тропинки от боровичка до моего носа. То есть до носа метра, может быть, не хватило.

Я нажал спусковой крючок еще раз и жал, пока от гриба даже ключев не осталось. Еще летели мои последние пули, а черные кляксы на траве, на кустах, на тропинке, оставленные плевком боровичка, уже вспыхнули зеленоватым химическим пламенем. Горели они, пока было чему гореть. И только когда исчезла трава, пропало пол куста и вчистую выгорело черное «топливо», я решил ползти вперед.

Чем ты таким был, гриб? Падлой ты был, это точно. А еще, наверное, уродом, в котором срослись генетические цепочки милого, вкусного боровика, какого-нибудь бешеного огурца и неведомой подопытной заразы, выбравшейся из недр военной лаборатории в 2006-м, после Второго Взрыва...

Миновав зазор между «грави» и контактными кустом, я чисто прошел еще метров сто пятьдесят.

Обошел столб, прошелся по лесополосе, добрался до полянки, попытался завернуть налево, чтобы выйти на старый маршрут.

Не тут-то было. Тропинка, по которой мы вышли к электровозу, змеилась в десятке шагов от меня. Вот только выбраться на нее не получалось.

Кто бы из вас, ребята, полез напролом, через «мясорубку» и полдюжины «трамплинов», сросшихся в чудовищный хоровод? Да никто.

Я даже загляделся на эдакую прелесть: вышло нечто вроде аномального «букета»: шесть роз одного цвета (допустим, белых), вокруг одной розы другого цвета (допустим, вишневой). И совершенно бесплатно! Жаль, немногие оценят такой подарок. Я хоть и

оценил, а срывать не полез.

Пришлось вернуться на полянку.

Там под ёлкой прятался абсолютно целый армейский шлем, совершенно мне не нужный. Так что он продолжил игру в прятки, а я сделал вид, будто не заметил его. Под березкой давным-давно оборудовали шашлычное место. Зацените: стол вкопали, сиденья-чурбачки кругом поставили, костровую яму нарыли и по две груды кирпичей — под шампуры — у краев этой ямы сложили.

Финиш! Наша фирма «Еврозона» предлагает вам незабываемые ощущения: тур «Преисподняя-VIP» по местам гибели самых известных сталкеров! Легенды Зоны прямо по курсу! Поиски бесценных артефактов с их последующей покупкой по ценам поставщика в duty free-секторе! Ужин с фольклорными танцами кровососов! Местный специалитет: псевдоплоть средней прожарки под соусом из псевдослизи!

Как раз из кострового места вырастает, подобно диковинному синему дереву, пятиметровая «электра». Большое удобство для быстрого разогрева шашлычков.

От избытка чувств я даже врубил детектор артефактов. Тот выбросил на экран информашку: «Артефакт неизвестного происхождения?» (знак вопроса мигает). Сунувшись в указанное место, я обнаружил изрядную кучу настоящего сталкерского дерьма.

Довольно крупную. Не меньше 0,5 кг весом, то есть на средний артефакт потянет без вопросов. Возможно, оказавшись в поле аномалий, дерьмо приобрело многочисленные драгоценные свойства, и мировая наука аж содрогнется от восторга, положив его под микроскоп, подвергнув жестким излучениям и воздействию электротока. Но я пока не готов торговать дерьмом, тут нужны настоящие специалисты.

Знаете что, ребята? Я всё никак не мог опомниться от страха. И я, как долбаное чмо, нервно заржал над этой кучей, потому что пока я ржал, страха почти не чувствовалось.

А успокоившись, сел, достал полупустой магазин, выщелкнул из него одиннадцать оставшихся патронов, затем вынул рабочий магазин и вбил боезапас в него. Влезло всё — как видно, многовато я потратил на боровичок... Вставил магазин в АКСУ. Более или менее успокоился.

Судя по детектору аномальной активности, лучше мне было выбрать новый маршрут. И легче всего оказалось выйти за пределы аномального гадючника чуть севернее вокзального здания.

Метров пятьдесят прямо на север и тут — единственная серьезная преграда, зато какая! Пятилепестковый, неровный, могучий «грави». С одной стороны его фланкирует откос и глубокая канава, куда я сунусь в последнюю очередь — мало ли какая живность обитает под водой. С другой — лес «птичьих каруселей». И все-таки... все-таки там имелся проход.

Надо только как следует оконтурить болтами два лепестка гравиконцентра.

Ну что ж, обычная сталкерская процедура. Похоже, я становлюсь опытным чуваком.

Недолет. Уже привычно!

Тютелька в тютельку. Ловко это я его.

А теперь чуть левее... чуть... ле...

В кармане больше нет болтов. И очень, очень жалко тот, который достался боровичку на закуску.

Допустим, я сейчас вернусь к обгорелому кусту и сыщу тот самый болт, тоже, надо думать, обгорелый. Спасет он меня? Нет. Тут нужно больше болтов, гораздо больше. Допустим, я даже пролезу рядом с кустом, если проход там еще не закрылся, и найду еще пару болтиков, легших с недолетом по предыдущей цели. Урок мне. Но... даже считая еще один или два, мне все равно не хватит.

Примерно час спустя, после того, как я вернулся назад, к трупу мастера, выгреб из его карманов болты — все до единого! — ползком пробрался туда и обратно мимо горелого

куста, чуть не гробанулся на ровном месте в лесополосе, и спасся, наверное, только тем, что шел с «медузой» в руке, и она не дала меня втянуть в «птичью карусель», сдвинувшуюся со старого места... короче говоря, час спустя я все-таки оконтурил клятый «грави» как надо. С запасом. Без понтов.

А потом пролез, как пролезают в щель между рядом поставленными домами, как проплыли аргонавты — тоже ведь кой бес их понес за этим золотым руном?! — между блуждающими скалами Симплегадами, как Одиссеей со своими одиссеями миновал Сциллу и Харибду... опять не знаете? Ребята, сидите тихо и не выпендривайтесь, вы слушаете профессионального историка, а не какого-то там хрена с горы.

В общем, я пролез.

Я выбрался из поля аномалий.

Пошел мелкий холодный дождь, а я стоял перед ржавой громадой старой электрички, ревел как маленький, и слезы мешались с каплями дождя у меня на щеках.

Я жив, ребята...

Глава 5. Чух-чух вагончики

Am I evil? Yes I am.

Am I evil? I am man, yes I am.

...И я до смерти устал.

Нет, ребята, я не совершал марш-броски. И я ни с кем не дрался. Только пострелял чуть-чуть.

Но у меня на протяжении многих часов адреналин зашкаливал, я смерти в самые зенки заглядывал, и она мне, падалась с косою, зазывно улыбалась. Мол, хочешь ласки, парень? У меня есть. Хиляй со мной, будет весело...

И я так устал, что руки-ноги отваливаются.

А сейчас уже сумерки, цвета померкли, лес стал серым, вокзал и небо — тоже. Или это мне всё только кажется — просто потому, что глаза устали искать аномальные искажения на дистанции в несколько метров? В любом случае сейчас я небоеспособен. Надо отдохнуть. Если свалюсь от напряжения, лучше не будет.

Нужно укромное место, нужна берлога. Где ее сыскать, в незнакомом-то месте?

Я огляделся.

Так. Здание вокзала.

Добротная советская постройка, и сохранилась она как нельзя лучше. Крыша цела, стены целы. Ни копоти, ни брешей. Все те места, где когда-то могло быть стекло, сейчас заложены кирпичом или закрыты железными листами. Еще бы! Зона. Тут не красоту ценят и не хорошее освещение, а безопасность.

Нет, ребята, не пойду я туда. А знаете почему? Здание *слишком хорошо сохранилось*, чтобы там никого не было.

Наверняка его давно заняли. И я понятия не имею, кто именно. Сталкеры? Какого клана? А если бандиты? Военные? Готов спорить, что меня там не примут за своего и даже, может быть, захотят освободить от лишнего имущества. Да, в Зоне надо торговать — это нам все инструкторы говорили. Вот только торговать надо там, где сам процесс торговли безопасен...

Лес. Но у меня ни палатки, ни спального мешка, а дождь понемногу крепчает. Если укроюсь под деревом, завтра лужа будет и подо мной, и на мне. Необычная, скажут, вышла у этого лоха смерть: пришел в Зону, а умер от пневмонии.

Остаются вагоны, стоящие на путях.

А тут их много — выбирай любой, есть на все вкусы. Хочешь в цистерну? Есть цистерна. Черная советская цистерна. Есть насыпняк. Есть обычный товарный вагон — бурый деревянный барак на колесах.

Туда бы я и сунулся, да вот беда: как раз его-то уже заняли, судя по возне за дверью. Нет никакой уверенности в том, что они там будут рады новому постояльцу.

Вагоны на станции Янов стояли в дикой, бессмысленной сцепке. Кто, зачем при эвакуации лепил такие составы, где вагоны всех видов соседствовали друг с другом, как на выставке достижений народного хозяйства? Я же читал, я про всё читал: здесь должны быть два состава на полторы тысячи человек: в 1986-м их хотели набить до отказа при эвакуации, а потом бросили, хрен поймешь почему.

Ну? И где они, эти два состава?

По правде всё не так.

Вон там несколько электрических вагонов зелено-ржавого колера собрались вместе. И еще несколько штук таких же разбросаны по отдельности, в сцепке с какими-то платформами, насыпняками... Стекол нет с 86-го. С тех пор, когда тут хозяйничали местные жители. Ну да ладно, мне стекла ни к чему, мне крыша нужнее.

Аномалий поблизости нет, говорит мне «Суворов». Очень хорошо. По вечерней поре я их в полуметре от себя мог бы не заметить. Иду к вагону, стоящему невдалеке от вокзала.

Входные двери давным-давно кто-то выломал или разнес из тяжелого оружия. В тамбуре — гниющий труп чернобыльского кабана-мутанта. В нем еще и черви копошатся!

Не повезло тебе, свинка. Ты хоть и саблезубая — из верхней челюсти аж три пары клыков растет, да из нижней еще два пары, — а нашлась зверюга посерьезнее...

Прохожу тамбур.

Знаете что, ребята? Тут орудовали какие-то, прости, Господи, тупые говнюки. Ну ладно, добрались они до мертвой электрички, сняли стекла, срезали мягкую обивку с сидений, вырвали электрику, по сдирали всё, что можно сдать на металлолом. Могу понять: ну, бедно жили, ну, прихабариться захотелось, а другого хабара — настоящего — тогда еще тут не было.

Но мать твою за ногу, на хрена они вырывали деревянные железнодорожные сиденья с корнем? На хрена рубили их в мелочь и бросали обрубки прямо тут? На хрена приволокли сюда груды мусора и завалили проходы? Да тут бес ногу сломит!

Обуеть. Я вот когда приму на борт порядочно, тоже не подарок. Но отчего-то меня пьяный кураж не клюет в жопу, мол, дай-ка расхреначу вагон электрички!

Загадка, короче.

Сунулся в другой вагон: та же картина. И в третьем. И в четвертом.

Может, разобрать завалы на одном, конкретно взятом пяточке, лечь, какой-нибудь широкой доской укрыться, да и не отвечать? А? Избаловался, что ли?

Да нет, ребята, я парень простой, мне много не надо. Но если я тут примусь клятый мусор ворочать, чтобы гнездо себе устроить, такой грохот поднимется, что сюда сейчас же явится погостить и справиться о моем здоровье вся благочестивая округа...

Наконец мне повезло: нашелся пассажирский вагон. Настоящий купейный, какие до сих пор бегают по дорогам нашей родины. Металлическая лесенка откинута, будто приглашает: ну, дружок, здесь тебе и стол, и дом...

Так, теперь зацените: ступенечки у той лесенки не сплошные, а... из такой мелкоячеистой сеточки, и прямо сквозь эту сеточку пророс цветок. Я, ребята, не ботаник. Во всех смыслах, а стало быть, и в буквальном. Но, по-моему, когда-то цветок был васильком. Или в предках у него водились васильки. Одна беда: очень высокий и черный. Как уголь-антрацит, аж поблескивает. Угораздило же его прорасти сквозь сеточку на самой

середине лесенки. А?

Как мне теперь: рядом с мутантным цветком пройти? Прямо по цветку? Над цветком?

А помните, еще недавно был у меня в биографии грибочек. Очень аппетитный на вид. Вы вот не говорите мне, что у меня от полной фигни очко играет, и правильно, что не говорите. Представили себе — и у самих небось очко заиграло?

А в вагон зайти очень хочется. Чует мое сердце, есть там хорошее место для ночлега.

Извини, брат цветочек, не стоило тебе попадаться сталкеру на пути...

Достаю тесак свой из рессорки и косым ударом подсекаю черный василек у самой земли. Лезвие как надо заточено — без звука стебель расчикало. Потом аккуратненько снимаю верхнюю часть и отбрасываю подальше.

В финале с недоумением разглядываю тесак. Хорошая вещь испачкана странной жидкостью, совсем не похожей на обычный растительный сок. Во-первых, густо-синяя. Во-вторых, тягучая, словно мед.

Прости и ты, старый друг. Резать тобой хлеб и накалывать на тебя консервированное мясо я больше не стану. От греха подальше...

В коридоре, идущем мимо дверей купе, такой же срач. В смысле, картина маслом: мы с пацанами грабанули дачу, а чтоб городские вонючки не задавались, насали им в сахарницу, разбили все пластинки и сплющили умывальник домкратом. Мы же говнюки? Говнюки. Даже унитаз выворотим из вагонного сортира и бросим посереде коридора. Такие парни, как мы, на футбольный матч без бензопилы и канистры бензина не ходят, смысла нет...

Вижу, что тут им проявить себя было негде. Тесно, неудобно. Не размахнешься как следует. Поэтому и только поэтому я все-таки нашел парочку почти целых купе. Без стекол, понятно. Зато в них не было мусора, а на некоторых лежаках даже сохранилась мягкая обивка.

Я с наслаждением сел.

Какой кайф, ребята!

Просто посидеть...

И я, разумеется, не собираюсь тут засыпать. Тут надо следить за обстановкой в оба. Сейчас консервную баночку разделаю, хлебца отрежу, водички хлебну... Красиво жить не запретишь.

Еблысть!

Автомат бьет меня по ноге.

Вскакиваю. Где? Что? Хватаю автомат. Распрямляюсь. Стукаюсь башкой о верхний лежак. Тру башку.

Заснул, придурок. С автоматом в руках. И даже на шею его не повесил!

Теперь — всё, шабаш. Буду бдеть до утра. Хоть снотворным обколите, хоть что! Я теперь как железо, глаз не сомкну...

Разбудил меня страшный грохот за окном. Продирая очи, я вспомнил: сон у меня вышел беспокойный, какая-то дрянь всё время бахала, бухала... Выходит, стрельба на станции не прямо сейчас началась, выходит, она уже идет какое-то время.

А в том, что это именно стрельба, а не прибытие вертолета, строительно-ремонтные усилия или бешенство какого-то психа, лупящего арматуриной по рельсам, меня убедил еще один выстрел гаусс-пушки. Я его слышал... на полигоне под Москвой. Целых три раза. И уши заложило после первого же. Прямо как сейчас...

За окном били длинными очередями из автоматов, долбали одиночными... Кто-то бросил гранату.

А этими басами изъясняется ручной пулемет, и явно не РПК — звук совсем другой. Хеклер-унд-коховский MG-4? Похоже, но тут я, ребята, не спец, тут я жалкий любитель, а спец я по ножам. Палили густо, патронов не жалели. Стволы захлебывались свинцом.

Но грозное «даг!» гаусс-пушки всё перекрывало. А работали из нее чуть ли не у меня под носом.

Гаусс-пушка — дитя гаусс-винтовки, сконструированной в Зоне после Второго Взрыва. Когда нам инструкторы орденские про гаусс-винтовку рассказывали, мы все — что парни, что девки — сидели, рты разинув, и страстно желали такое оружие заполучить.

Принцип ее действия основан на разгоне пули под действием электромагнитных сил, а не пороховых газов. Аккумулятор у нее работает от капсулированной частички артефакта «Вспышка». Гаусс-винтовка — лучшая снайперка в Зоне, да чуть ли не во всем мире. Сверхточная, со сверхвысокой дальностью стрельбы и колоссальной убойностью. Недостатков у нее всего два: низкая скорость перезарядки и дикая стоимость боеприпасов. Но они вчистую перешибаются достоинствами.

В Зоне жизнь течет быстрее по сравнению с миром «цивилов», любую толковую идею тут развивают очень быстро. В конце концов, хитрые умельцы из клана «Чистое небо», сведенного почти под корень, сработали на основе гаусс-винтовки гаусс-пушку, тоже ненормально дорогую по части боезапаса.

Но это — пока. Такие вещи имеют тенденцию с течением времени дешеветь. Гаусс-пушка — мобильный вид вооружений, из которого стреляют с переносного станка или с турели. Она посылает на дальние дистанции снаряд калибром 47 мм с фантастической точностью. И сейчас тем, по кому лупят из гаусс-пушки, приходится несладко.

Кто там свои? Кто там чужие? Кого мне вообще можно считать в Зоне «своими»? Разве только бойцов из нашего Ордена... Для прочих я — мишень. В лучшем случае живая вешалка для имущества высокой стоимости.

Может, реально безбашенные пацаны и ломанулись бы разбираться, кто кому пытается чан расколоть, а самые безбашенные, наверное, к кому-нибудь присоединились бы прямо посреди боя. Ну а безбашенные из безбашенных попробовали бы сунуться к мертвым телам и навели бы резкость на вопрос, что там с них можно снять по-настоящему ценного.

Но я-то не безбашенный. Я нормальный человек, ребята, я не берсерк. Я не жру мухоморы — от них бывает мигрень. А значит, у меня самоконтроль не отключается при звуках стрельбы.

Конечно, можно влезть в драку. Есть шанс отличный от нуля, что те, к кому я присоединюсь, потом помогут мне выйти из Зоны. Ведь лишний ствол тут всегда высоко ценится. Да вот беда, скорее всего я не успею ни разобраться с выбором стороны, ни присоединиться к «правильным ребятам». В ночной темени прихлопнут меня без вопросов — либо те, либо эти. И когда прихлопнут, мне будет совершенно всё равно, кто пустил пулю: «правильный парень» или хрен с бугра.

Не стал я высовываться.

Наоборот, сел на пол между лежаками — так меня хоть снайпер не выцелит — и направил автомат на дверной проем. Я вам всем тут чужак. Но вы меня не трогайте. Просто не трогайте меня, пройдите мимо. Мне наплевать, кто вы там такие, просто идите своей дорогой...

Устроился поудобнее. Как знать, сколько мне тут просидеть придется?

Не знаю, как там, за пределами вагона, шли дела. Сначала вроде волна палбы покатила в сторону вокзального здания и там какое-то время кипела, дойдя до апогея. А потом пошла назад и куда-то в сторону от меня... к лесу, что ли?

Не могу понять. Стреляли реже, гранат больше не бросали. И гаусс-пушка умолкла. Сколько времени прошло, после того, как я проснулся? Четверть часа? Полчаса? Час?

В отдалении время от времени татакали автоматы, плевались одиночными винтари, но постепенно становилось тише. Всё. Кажется, по мою душу никто не придет.

Не знал я, ребята, что в Зоне народ целыми армиями сходится. Ведь тут человек

пятьдесят палило. Ну, минимум сорок. Целая банда стрелков реально штурмовала вокзал, и оттуда этим стрелкам задали перцу...

Ничего мне инструкторы на этот счет не рассказывали.

Я как думал? В одиночку... за артефактами... ну, или маленькими группками... Иногда свинцом плюнуть надо, конечно, но это ведь лишь в виде исключения... А тут прямо армейская операция в полный рост!

Нет, ребята, одиночке вроде меня, без особой, хорошо оборудованной берлоги тут засыпать не стоит. Во сне прибьют, не пожалеют.

Тут надо смотреть в оба. Спички в глаза вставлять, щипать себя, в рожу самому себе кулаком засвечивать, но только не спать.

А кому это не ясно — хилайте в клан мертвецов.

Глава 6. Орден

Take you out to kick some butt,
Work you over screw you nuts.

Дымка.

Туман.

Скрипы, стоны... или это ветер?

Ходить в Зону — круто.

Знать Зону на уровне навыка — еще круче.

Но круче всего, ребята, понимать Зону на уровне глубинной истины, которая в нее вложена откуда-то извне...

Не проперли? Ну, я и сам с первого раза не пропер. Перед тем как я клятву на верность Ордену давал, мне инструктор по прозвищу Генерал четко все эти дела разъяснил. Орденские ходят в Зону, чтобы познать мудрость Зоны. А всякие там артефакты, это так — «сопутствующее товары». Жить-то как-то надо.

Главное — мудрость. Артефакты — не главное.

Ну и все равно нас дрючили на полигонах, как Сидоровых коз.

Как отличить один неглавный артефакт от другого такого же неглавного артефакта. Как мутанта уделать... или как от него смыться, если уделать не получается. Как учителей слушаться. Бес-пре-кос-лов-но. «Тренируйтесь в этом тонком искусстве за пределами Зоны, братья, тогда в Зоне будет легче выжить». Вкурили?

А еще давали нам «теорию». Какая-то у меня дымка в мозгах вместо всей этой теории... клочки, клочки...

«История Зоны как история благородного безумства ноосферы...»

«Вся жизнь сталкера — приготовление к моментальному познанию истины, которая мелькнет перед его мысленным взором подобно...» чё-то там «молнии»... э-э-э... какой-то там, хрен вспомнишь... о! «подобно алмазной молнии или разбрасывающей искры колеснице».

Я вот пока не просек фишку, как мне из Зоны мудрость черпать. Может, на более высоких уровнях... натаскают... Ну, понятно.

Как-то они нас хреново учили. Половины того, что надо, я не знаю. Своей башкой дотумкиваю. Да и то начинаю понимать некоторые вещи только из-за того, что сам читал много вне курса. И видеоматериалы смотрел часами. Иначе гробанул бы враз.

Разок ну такая ерунда вышла... ох... всплывает у меня перед глазами лицо одного невзрачного субъекта... остроносый такой, глаза маленькие, лоб высокий. Замухрышка:

тощий, росту в нем — метр с кепкой, двух пальцев на левой руке не хватает. Волосы жиденькие и сединой припорошенные. Парню всего-то лет двадцать пять, ну, как мне, а ему уже килограмм соли на башку высыпали.

Нам сказали тогда: «Это мастер Лис, один из лучших сталкеров Зоны. В познании ее сокровенных истин он превзошел многих. Слушайте его, как отца родного, и тогда ваши шансы на выживание резко увеличатся».

Когда он вел наши занятия, в комнате, да и на полигоне всегда присутствовал мастер Шрам или мастер Медведь... или еще какой-нибудь другой мастер. Странно. Зачем? Однажды вел инструктор Лис занятие по тактике борьбы с мутантами, а мастеру Шраму, который был тут же, позвонили.

Он вынул трубу: «аллэ!», «аллэ!»

«Не ловит здесь... Ну, полминуты подождите!» — сказал нам и вышел.

Как только дверь закрылась, Лис негромко так сообщает нам: «Бегите отсюда. Вы все сдохнете ни за грош. Не говорите никому про то, что я вам сказал, иначе они мне...» — тут вошел мастер Шрам, и Лис с полуслова перестроился на чернобыльских кабанов-мутантов. Такая штука вышла.

Тут размышления мои как-то сбились, хрен его знает... о чём это я вообще?

Зачем-то мне очень нужно стать мастером. И зачем? А ведь так чесалось — в мастера... Никак не могу припомнить — зачем...

Мастерское звание в Ордене присваивают только после рейда в Зону. Причем только после удачного. Вроде последнего экзамена: выйдешь с хабаром из Зоны, и тебе на следующей неделе устраивают ритуал посвящения в мастера.

Правда, при мне ни разу такого не случилось, но кто-то мне говорил: вот, мол, недавно как раз посвящали одного молодого. Реально ходит теперь с мастерским знаком: артефакт «пустышка» на дубовом листе. Очень красивый знак: горячая эмаль, алмазное напыление, серебро 925 пробы...

Лис... он... что же, он один хотел нас вытащить, один был человеком, а другие орденские — и не люди вовсе, а потроха сучьи?.. А этот один добра нам хотел. И ведь трое после этих его слов выписались из Ордена, спас он их.

Потом пропал куда-то. Ущучили его или сам свалил? Не помню. Башка у меня нынче — ну, как в тумане. Мыслей нет — одни картинки с ватой вперемешку.

Полигоны, занятия в классах... общие торжественные трапезы... оплата счетов, выдаваемых бухгалтерией Ордена... всё перемешалось у меня в один пестрый ком. Бабла пришлось назанимать, вы себе не представляете.

Мне самую малость не хватало до окончания курса, и вдруг вызвал меня к себе мастер Шрам — самый большой авторитет во всем Ордене. Разговаривали мы с глазу на глаз, в классе больше никого не было.

— Вот что, парень, — говорит он мне, — ты знаешь, я на похвалы скуп. Вам в Зоне похвалы мои не понадобятся. Но один раз, полагаю, можно... Ты — лучший в группе. И даже лучший из всех подмастерьев, какие обучались у нас последние года полтора.

Он помолчал, словно раздумывая, стоит ли ему делать то, что он сделал через пару секунд, и протянул мне руку. Самому Шраму руку пожать — лучший знак отличия, какой только можно получить в Ордене. Лучше даже, чем мастерский знак...

Восторг! Пир духа!

А он продолжил:

— Капитул, знаешь ли, принял важное решение относительно подмастерья Дембеля. Мы предлагаем тебе досрочный выход в Зону, а затем, по результатам этого выхода, — досрочное присвоение мастерского титула. Пойдешь с отборной группой. Старшим — мастер Молот. Считай, удача вам улыбается, ребята, — всем, кто пойдет в этой группе. Такому

наставнику я бы жизнь доверил без рассуждений. Он своих не бросает...

Странная у меня натура, прикиньте. Другой бы вопил от радости, а у меня и радость вроде бы затрепыхалась, и... предчувствие с ней какое-то говенное пополам...

Но, понятно, улыбаюсь я Шраму, благодарю. Интересуюсь:

— К какому дню мне надо подготовиться?

— Ты не понял, подмастерье. Досрочный выход это значит — сегодня. Со всем снаряжением и вооружением, которое тебе выдано со складов Ордена...

Мысленно я его поправил: «Не выдано. Продано. Но, может, он не знает, ему ли думать о таких мелочах?».

— Подготовься так, как вас учили, только очень быстро... Надень зеленый хайратник — знак принадлежности к Ордену, его в Зоне все знают. Сбор — через три часа. Место сбора — пункт два рядом с Лосиноостровским полигоном. Вы там отработывали движение по трассе, провешенной болтами... И учти: ты не имеешь права опоздать ни на минуту. Вы идете за «сонным шаром». А на этот артефакт охотников много, надо спешить. Минута опоздания — и группа уйдет без тебя. Понял?

— Да, мастер.

— Повтори.

Я повторил чуть ли не слово в слово.

Тогда он позволил себе улыбнуться:

— Удачного рейда, брат сталкер. Я уверен в тебе.

Мне страшно жалко пятисот рублей, истраченных на такси. Оно доставило меня к месту, от которого было рукой подать до Лосиноостровского полигона... но что уж тут поделаешь. Странно только, что Зара опоздала, а мы все равно дожидались ее целых десять минут.

Бабы... Что с них взять?

...Снегирев и Зара достают сигареты, я не курю, а Плешь отмахивается, мол, свои не взял, а ваши мне не годятся. Мастер, не торопясь, достает трубочку, набивает табачком, уминает, пускает дымок. Плышет шоколадный аромат табака, сорт «курево для баблистых». Табакур наш затягивается, пыхает, а потом, с ленцой так, отняв трубку от губ, едва слышно говорит:

— Лечь.

Бабах! Мы валяемся на жухлой осенней траве. Одна Зара как-то неуверенно зырит — не проперла. Ну, пропирает чуть погода и начинает медленно-медленно опускаться на землю. Курево бережет, не роняет, жалко ей курево. Мастер, без лишних базлов, лупит ей по ногам прикладом.

— За что? — изумленно спрашивает дура, вынув рожу из пыльной травы.

Мастер затягивается, пыхает, а потом бьет девке ногой по ребрам.

— Еще вопросы будут?

Зара — злая как собака, только что пена изо рта не течет — отвечает:

— Нет, мастер. Я поняла, мастер.

— Встать!

Вскакиваем.

— Лечь!

Падаем.

— Встать!

Вскакиваем.

— Всем прыгать на одной ноге!

Прыгаем.

— Ладно. Мне просто захотелось напомнить: единственный ваш шанс выйти из Зоны

живыми и невредимыми — слушаться меня беспрекословно. Какую бы херь я ни сказал, вы тут же всё так и делаете. Всосали, братья подмастерья? А на любой вяк у меня один ответ — пуля. Один сдохнет, зато остальные выживут.

Прыгаем. Мастер приказ свой не отменял. И он не торопится отменять его.

Нас крепко вышколили на орденских полигонах, ребята.

— Стой!

Мы стоим с красными рожами, дышим тяжело. Если кто не понял — вы хоть знаете, сколько весит походная выкладка у сталкера?

Мастер вычищает трубочку, пакует ее в чехольчик, оглядывает нас иронично... на лице его читается: «Неужели и я когда-то был таким же ходячим помётом, как эти вот?»

— Всё, пошли.

На Лосином острове диггерских мест нет. Ну, или я их не знаю. В смысле, не знал до того самого дня. Вроде совсем недалеко от трассы — слышно, как шумит шоссе. Вроде мы даже до полигона не дошли...

А вот те, бабушка, и хренов пень. Привел нас мастер к старому хозбару самого затрапезного вида. Хуже бывают только жестяные гаражи времен поздней Империи, ржавые насквозь, мятые, грязные — как из Зоны. Меня чуть не вырвало. Я такие места не люблю. Я вообще не люблю, если кто-нибудь что-нибудь тупо загаживает. Например, загаживает землю говенными домами.

В советские времена в Москве понастроили кучу невнятных «служебных помещений». Заполонили город кирпичными нарывами хрущевки и бетонными гробами «брежневок». И всё это чудовища, притворяющиеся домами. А потом пришли стеклопластиковые сараи «бизнес-центров» и «торговых комплексов», похожие, за редким исключением, на ларьки-переростки. Меж ними по ночам мерцают болотные огоньки казино. И вся эта нервная, лихорадочная неонка — вроде яркой помады на губах восьмидесятилетней старухи.

А я родился тут. И я точно знаю, что в Москве сейчас две Москвы. Одна — вот такая, безобразная, размалеванная иллюминацией, одетая в витрины бутиков, раззолоченная тяжеловесной банковской роскошью... Дерьмо в гламурном фантике. И вот его, это дерьмо, приезжие так часто принимают за настоящую Москву... А ведь *эта* Москва — гнусь, самозванка, фальшивка.

О настоящей Москве следует говорить другими словами: без похабства, а только с нежностью и любованием.

Это город бесконечных бульваров. Чугунные оградки, скамеечки, собаки, чинно прогуливающие хозяев... Дамы в интеллектуальных очках, листающие Цветаеву, Брюсова, Гумилева... Фотовыставки в застекленных стендах, рестораны в обличье старых трамваев... Пары влюбленных, шествующие с томным промедлением к любимым кафе... Фасады театров в черемуховых картушах, младенцы, плывущие над тротуаром в колясках под сенью ослепительной сирени...

Это город старых парков, больше похожих на леса. Когда-то Москва славилась садами, а ныне редок стал на ее просторах яблоневый цвет и бутылочная зелень крыжовника. Но за пределами центра дышат в ровном ритме травяные ковры, реют стрижи над соснами и тополями, сплетаются тропинки и речки, а с горбатых мостиков дети разглядывают самоцветные мозаики ручейной гальки.

Есть в московских парках заповедные пространства, погруженные в волшебство. Там на дорожках, среди полутора-вековых лип, еще чувствуется сказочная власть усадебных хозяек, боярынь и княгинь — дам незаурядных, затейниц, упрямцев, стремившихся сделать этот мир несколько удобнее для себя и несколько красивее для всех. В таких местах всё пронизано... ожиданием кавалера.

Там ожидание звучит, как натянутая струна, к которой прикасаются сновидения.

Откуда-то извне — из-за стен, из-за башенок ограды, — побеждая шум городских магистралей, доносится почти неслышимая мелодия отклика. И старые, кованые ворота, и утиные державы на прудах и каналах, и обветшалые, но высокородные усадьбы напоминают о существовании сада всех садов, давным-давно, в затуманенном изначалье, покинутого людьми, но не забытого ими и манящего вернуться когда-нибудь... когда души станут чище.

Это город величественных монастырей и маленьких церквочек. Звенит малиновая медь в Данилове, откликается ей басовитая чистота Донского, доносятся кружевные переливы Коломенского, тянет мелодию строгий тенор Николо-Перервинской колокольни. Кипят благородным узорочьем храмы, выстроенные еще при Алексее Михайловиче или сыне его, Федоре.

Это город дворянских особняков времен Империи, да еще стоящих неподалеку причудливых порождений купеческого модерна, щедрого на чудачества. Здесь всякий дом стоит руки в боки, нарядившись наособицу — то в горделивый гвардейский мундир, то в шитый золотом барский халат, то в одеяние допетровской старины, воскрешенное по воле благоверного коммерсанта из Щукиных, Карзинкиных или Третьяковых.

Есть красота на свете!

И над теплым асфальтом в летние дни дрожит до самых сумерек марево мечты. Склоняется над городом щедрое серебряное солнце, заботливо глядя его огненными ладонями, не обжигая, но лаская, грея...

А вокруг — море домов без лиц. Хаос безликости.

И вот после этого всего я честно признаюсь: терпеть не могу ту самую дикую застройку, слепленную из рук вон плохо и поставленную как попало, которая страшно замусорила Москву.

В общем, вошли мы как раз в такую кирпичную хибару. С ее стен давно слезли три слоя краски — зеленый на розовом на буром. Крыша продырявилась не позднее царя Андропо, трубы проржавели, всюду какие-то бумажки, стекляшки и, понятно, кучки бомжового говна.

Нас учили: Зона — на Украине, вокруг города-призрака Припять. Но умные люди наловчились устраивать порталы в Зону из дальних мест.

Здорово?

Очень здорово. Но мне от такого портала хочется блевать.

Не врубился, ребята, как открывается тот хитрый люк, через который мы проникли в подвал. А там, внизу, совсем другая фишка: всё чисто и аккуратно.

Были тут в прежние времена какие-то канализационные коммуникации, но теперь тут всё очень аккуратно. Освещение, и ниоткуда не каплет крутым парням на макушки. Рельсы и шпалы — метров на двести, а то и на триста, причем на полпути к финишу от центральной линии отходят еще два железнодорожных полотна — такой же длины.

В самом начале поставлена дрезина с электродвижкой большой мощности. В самом конце... в самом конце — смерть, ребята.

Я бы не заметил, *они* ведь ни в полумраке, ни во тьме, ни при полном свете не видны (ну, почти), если б мастер нам всем поочередно специальные очки не дал. И пояснил: «Из Зоны вещь, тамошние мастера смастрячили»...

Святые угодники! В самом конце каждого из трех путей красуется «воронка». Роскошная, как жопа телезвезды, если взять ее крупным планом.

Это если кто еще до сих пор тупит про такие дела — аномалия, одна из самых опасных в Зоне. Выходит, эти гниды вынули сущую погибель из Зоны и притащили к нам, прямо в Москву!

Ну, трепать твой бубен, умники альтернативно-талантливые! За «воронками» сложено по несколько ортопедических матрасов, связанных шпагатом. Видно, это такая «подушка безопасности», — чтобы, значит, физиономии в мягкое уткнулись, если дрезина в тупик

въедет. Тогда уж точно ни у кого фасад не погнется...

Вот только смысл-то какой в этих матрасах, если сначала надо через «воронку» проехать. А это стрём без вопросов, как в воздушно-десантный день пойти в парк и обзвать «голубых беретов» клоунами... Заценили?

— Не бойтесь, — бросает мастер. — Вы со мной.

Видит по нашим рожам, что мало нам такого ободрения. И добавляет:

— Братья подмастерья, этим маршрутом я сто раз ходил.

И была у меня тогда мысль: в сущности, что мне мешает прямо сейчас смыться? Вот прямо из подвала, послав на хер и Орден этот, и мастера, и славных бойцов сталкерского фронта, и «сонный шар»...

А? Я один решаю, я один выбираю. И вот как-то, блин, ощущение, что выбираю маршрут прямиком смерти в пасть, всё глубже и глубже. На каждой ступеньке чувствуешь: вроде всё правильно, верным курсом иду, товарищи. А в целом посмотреть — чушь какая-то: вонь усиливается да жар добавляется, будто бесы меня в самый ад тянут, а я с ними добровольно прусь и вроде как доволен...

Страшно мне орденских послушаться? В Зоне — да, страшно будет. А тут у меня и мыслей про страх нет никаких — ну, орденские и орденские, ну, какая-то там клятва мной дадена, ну, общие трапезы.

Но за всё же мои бабки плачены, и я им тут ничего не должен. Так, да? Нормальные вроде ребята, разве что странные малость, но до сих пор вроде интересно было с ними. Только малость давят на мозги, а я так не привык.

Я не обязан никому подчиняться. Вы поняли?

Ну, положим, власти есть, дикие у нас власти, но всё же люди... пока. Законы там, порядки, это я понимаю. А вот если простой какой человек или даже куча народу скажет мне: ты, козлина, обязан подчиняться! Я им что?

Они мне не хозяева. Хоть бы и сто раз мастера. Могу уйти. Не боюсь ни рожна. Вот сейчас, пока не Зона еще никакая, могу уйти. И на хрен мне сдались их грёбанные артефакты, я и без того мужик — умею же заработать!

Чует мастер, колебание между нами пошло. И начинает говорить ровно, без матерка и грубости, ну, как преподаватели в универе говорят:

— Вот что, ребята. Я иду вместе с вами. И я как представитель Ордена обещаю вам, что вы, став мастерами, сможете понемногу проникать в истины другого мира. Ведь Зона — другой мир, и содержащиеся в нем истины выше, таинственнее и прекраснее всего того, что вы можете познать здесь, в нашей реальности. Сначала вы научитесь выживать. Потом начнете понимать символы и тайны Зоны. А проникнув в это знание, сможете увидеть истинное будущее и для той действительности, в которой живете вы, в которой живу я, в общем, для нашего общего пространственно-временного континуума...

«Складно заговорил. Даже странно, что недавно на полигоне в четыре этажа нас обкладывал», — подумал я.

— И напоследок, полагаю, стоит напомнить вам главное: либо вы хотите остаться теми, кто вы есть, либо вы хотите стать чем-то другим, чем-то большим. А последнего нельзя добиться без отваги, без веры в учителей и без желания воскреснуть для новой жизни, умерев для старой. Вы должны переступить определенный барьер. Вам кое-что надо сломать в себе. Иначе рывка вперед и вверх не получится. Распрощайтесь со всеми страхами прямо на этом месте и идите за мной. Или ступайте своей дорогой, вас никто не заставляет идти по пути Ордена. Истина — колючая вещь. Вы свободны, вы сами решаете, нужна ли вам истина.

Что-то тут было не так. Но он, ребята, купил нас всех, дав нам полную волю. Мы скоро станем у него вроде как холопы на привязи, но для начала у нас — полная воля. И полной воле мой ум сопротивляться не умеет. Полная воля — это вроде как хорошо, да? Что в ней

Повалаетесь в нокауте и отойдете, фигня, — поясняет мастер.

Только среди нас почему-то еще и Галка. В тяжелой сталкерской снаряге, с рюкзаком, с АК-74 на ремне. Я лежу, хлопаю жабрами, а она уже пришла в себя, причепуривается, красится даже... в Зоне-то! Обалдела?

Как она тут очутилась? Что за фигня?!

— Ты... чего тут делаешь, зайчонок?

Она улыбается и отвечает мне:

— Я просто хотела посмотреть, слабак ты или настоящий мужик. Понимаешь? Мне нужен такой самец, чтобы я дрожала в его присутствии. Чтобы волосы на спине поднимались. Ясно тебе? Вот я и решила посмотреть.

У меня сами собой вырываются совсем не нужные, совсем не крутые слова:

— Ну и как я тебе?

Настоящий мужик, по идее, никогда не спрашивает, крут ли он. Он и без того на все двести процентов знает, что крут без ограничений.

Она морщится и...

Скрипы, стоны... или это ветер?

Туман.

Дымка.

...И тут я рывком просыпаюсь!

Галка! Ну какого фига непременно надо доказывать, что я — настоящий мужик? И... где ты?

...Совсем просыпаюсь. От неудобной позы все мышцы болят. Холод собачий. Сырость.

Купе.

А? Как же так, ведь тут спать нельзя... одиночке... вроде меня... смотреть в оба...

Даже зло взяло.

Расслабился? Вздремнул? Хорошо тебе, зайчик? Ну, давай, не торопись, сиди тут на жопе, жди, когда за тобой очередной серый волк придет.

Или ты вышел из одной ловушки, и тебе показалось, что ты знаешь Зону как свои пять пальцев? Ну-ну. Ты помнишь, сколько от тебя до Периметра?

Надо уходить отсюда.

Срочно.

Глава 7. Припять-пес и припять-кот

This one's for those who are crazy!

Но для начала стоит пожрать.

Достаю хлеб, достаю банку мясных консервов, вскрываю ее с помощью «танто», стараясь произвести поменьше звуков — уж больно весело тут было ночью. Не стоит шуметь.

И через несколько секунд обнаруживаю, что банка уже пуста. Ловко это я ее... О, и полбатона вместе с ней!

Чищу нож, сую его в чехол на поясе и слышу... не разобрать... какое-то тихое цоканье в коридоре. Не врубаясь. Человек не может бесшумно идти по завалам. Человек так шуметь будет, что мама не горюй. А тут... шаги... или не шаги... сопение...

На всякий случай — береженого Бог бережет — тянусь за АКСУ. Далековато он от меня, на второй лежанке. Почему я туда его положил? А идиот, вот почему. Тянусь... и застываю на месте.

Из-за полуоткрытой двери показывается безобразная морда. Припять-пес!

Я не успел испугаться, ребята. Если бы испугался, он бы прикончил меня в одну минуту. Не такой он был и сюрприз для меня — припать-пес.

Видел я его на видеосъемке. Хотя и было от чего потерять голову... Конечно, грудь шире, чем у обычной собаки, и на этой груди сплошь бугрятся мышцы. Конечно, вокруг шеи опять же мышцы толщиной в руку под кожей перекатываются. Конечно, глаза у гадины мясными складками закрыты, вместо глаз — гноящиеся отверстия, хрен разберет, есть ли там вообще глаза. И — чисто бешеный зверь, аж пена из пасти идет...

Накатила брезгливость. Как же он вонял! Хуже свиньи. Всё тело — в язвах, струпьях, гниль сплошная, пакость. На ходу разлагается.

Он — ко мне, а я одним движением... нет, не за автомат — возился бы с автоматом, так, наверное, и перекусил бы он мне глотку: очень быстрая зверушка и очень здоровая! Я обеими руками за дверную ручку схватился. И — надо же! — дверь купе резво поехала в пазах и прищемила твари башку!

Вышел у нас с собачкой пат. Я со всей дури жму ей дверью на шею. Убрать голову она не может, хрипит полу-придушенно и правой лапой норовит дверь от башки отжать. А я дотянуться до оружия не могу. Нет у меня такой возможности: только-только хватку ослаблю, псина живо в купе вскочит и вцепится в меня.

Так...

Он ведь не освободиться хочет, гад. Он грудью вперед толкается, до мяса моего добраться хочет. Оголодал, твою мать...

Может, ножиком его? Одной рукой удерживать дверь, другой быстро рвануть «танто» из-за пояса, и в глаз мутанту? А?

Как-то забыл я, ребята, что зверюга — телепат. Хоть и слабый, а на меня способностей хватило. Только я о ноже подумал, как псина чуть присела и морду ко мне повернула. По глазу хрен теперь попадешь... А если попытаешься в пасть лезвие просунуть, неизвестно, чья возьмет. Коли пес быстро пересилит одну мою руку, тянущую за дверную ручку, то, скорее, он мне другую руку с ножом откусит, чем я ему пасть изрежу. По горлу бить — безнадега: такой мышечный плотняк, без правильного замаха, второпях...

Хана, что ли?

А?

Нет. Не может такого быть с эволюционной точки зрения. Не сожрет меня тупая псина. Она — собака, а я — человек. Я же круче! Жаль, ей об этом почти ничего не известно.

Тем временем начали мои руки уставать. А собака — что твоя живая сталь! Напирает. Ох, как трудно удерживать. Пальцы трещат!

Собака? Кинь собаке палку, так она за палкой побежит и принесет хозяину. Может, кинуть ей гранату?

Должен же у зверя сработать рефлекс! Ну или генная память, называйте как хотите! Он бросится за ней рефлекторно, цапнет и понесет обратно. А у меня тут — захлопнутая дверь. А у него там — р-раз! — башка в один конец коридора, а жопа — в другой.

Зря подумал. Теперь псина знает. Надо было сделать не думая. А ну как не понеслась бы тварь за «лимонкой»? Тогда ее осколками бы, да взрывной волной... Не убьет, так от меня отвадит.

Пятьдесят на пятьдесят. Либо я смогу удержать дверь одной рукой, пока другой вытащу гранату и приведу ее в боевое состояние, — зубами, а что? Либо не смогу удержать, и тварь грызть примется. А усики разогнуть и чеку выдернуть зубами — это, я вам скажу, тот еще аттракцион с непредсказуемым результатом...

Пятьдесят — лучше, чем ничего.

Нет, прикиньте, реально больше!

И уже совсем я решил было сыграть в «принеси, собачка, палочку», как вдруг понял:

телепат она — так ей же хуже. Читает она мои мысли — так на тебе, мутантша немытая! Понаехала...

Я припять-кот! Хрена, я припять-рысь! Я здоровая злая рысь, у меня от бешенства кровавые круги в глазах. Собака — на моей территории! И я не ручку держу, я когтями рву гадине горло, я ей когти в глаза запускаю, под челюсть, я ей губу калечу! Я ей зубами загривок кусаю! Н-на! Н-на! Сдохни, вонючка!

И, кажется, даже зашипел на тварь.

Пор-р-рв-я-у!

Вдруг эта адская псина заскулила совершенно как обиженная шавка нашего соседа, когда я ей дал пинка под зад. Жа-алобно так. И морду уже не ко мне тянет, и грудью уже не в купе прёт, а всё на обратный ход пошло.

Нет уж, стой, сволочь. Пор-р-р-р-р-р-в-я-а-а-а-а-а-у!

Как она припустит по завалам в коридоре! Т-твою дивизию! Как припустит!

А я уже за ней лезу, хочу напоследок когтями задницу ей располосовать. Зачем лезет на чужую территорию? А?

Ой, что-то я, ребята, никак из образа припять-кота не выйду...

Оно и хорошо, что не вышел прямо сразу. Очнулся я от этого наваждения в купе.

Сжимаю в руках автомат, направляюсь к выходу — догнать, выцелить и порвать, ну то есть пристрелить мутанта. И с некоторым опозданием уже чисто по-человечески соображаю: какая, мать твою, территория? Какого, мать твою, ты стрелять по ней собрался? Тут пальба такая стояла ночью, а ну как горячие парни до сих пор где-нибудь поблизости, так ты собрался привлечь к себе их благосклонное внимание? Зачем?

Говорила же мне бабушка: «Семь раз отмерь, один раз скажи «гоп!»» Или в той поговорке кому-то что-то надо было отрезать? Точно не помню, но звучало мудро.

Всё, хорош. Задержался я на этом месте, давно пора уходить отсюда... Вот сейчас соберусь с духом, и...

Тут, вижу, моя деморализованная собачка проносится мимо окна и, повернув морду в мою сторону, рычит какую-то обидную дребедень.

А приглядеться, не такая уж она и здоровая, тварюга эта. И грудь у нее не такая уж широкая. И мышцы там... ну, не столь уж мощные. Не в руку толщиной, точно...

Вот если бы меня псевдособака посетила, которая от черныбыльских волков происходит, вряд ли бы я отбился. Та — редкий монстр.

Глава 8. Синоптик

They said stop, I said go,
They said fast, I said slow,
They said yes, I said no,
I do the bad boy boogie...

Вопрос на засыпку, ребята: чем хороши покойники?

Кто сказал «Мертвые не кусаются?» Очкарик, мать твою, пиратских приключений насмотрелся?

Мертвец хорош прежде всего тем, что от него можно унаследовать кое-что полезное. А в Зоне вопросы наследования чаще всего не требуют юридических формальностей и выплаты зубодробительных налогов.

Секите фишку: Молот не кусается со вчерашнего дня, и я ему до сих пор благодарен — сколько полезных вещей он мне оставил!

Вот, например, ПДА. Подробная карта местности и единственный доступный для меня инструмент, с помощью которого можно рассчитать маршрут движения к Периметру.

Я эвэйкнул экран и принялся вычислять по карте Зоны, где я нахожусь и как далеко мне до ее границ.

Получалось... невесело.

По соседству со станцией Янов раскинулись обширные развалины завода «Юпитер».

Севернее лежал город Припять, умерший в детстве. Городом он пробыл всего лишь лет пятнадцать, после чего стал частью Зоны Отчуждения ЧАЭС. Зато при жизни он прослыл городом-мечтой, сверхсовременным, сверхуютным...

Я вам как историк говорю: тут людям жилось намного лучше, чем в среднем по Союзу. Квартиру получали без проблем, чуть ли не за год-два работы на ЧАЭС. Ухоженные улицы, устроенный быт. Инфраструктура была продуманная, удобная, дома — сплошь новостройки...

До города-мечты отсюда рукой подать.

Но я туда не пойду ни при каких обстоятельствах.

Потому как более опасное место в Зоне — разве что бетонный саркофаг над Четвертым блоком ЧАЭС.

На востоке — река Припять. Вернее, то, во что превратилась река после Второго Взрыва и многочисленных Выбросов. Она и до взрыва-то была непростой. Болота, протоки, старые русла, резкие повороты течения, острова и островки, изрезанная береговая линия, бесконечные старицы и слепые ответвления, уходящие от основного русла на сотни метров.

Ну а теперь там еще запутаннее.

Например, у Периметра начало возникать периодическое аномальное образование, названное Блуждающий Остров. Маленький кусочек Зоны, примерно десять метров на двадцать, появляется на главном фарватере и плывет к постам.

Если его вовремя не расстреляют, не потопят, не разбомбят, не выжгут, словом, если к нему не применят весь арсенал международного корпуса, блокирующего Зону, плавучий островок минует линию обороны человечества от Зоны и продолжит путешествие в нашем мире.

А вот этого как раз ни в коем случае позволять нельзя. Инструктор Лис отзывался о Блуждающем Острове как о самом страшном порождении Зоны.

«Братья и сестры, — вещал нам Мастер Лис, — псевдоплоти, кровососы, химеры и даже демосталкеры за Периметром не особенно-то страшны. За ними тянется веревочка темной энергии Зоны, которая рвется почти сразу за Периметром. А без энергетики Зоны они быстро развоплощаются, дохнут. Им, стало быть, надо возвращаться назад, если они хотят уцелеть. А вот Блуждающий Остров — это маленькая Зона, не теряющая своих аномальных свойств, даже за пределы большой Зоны! Как свиноматка и поросята: детеныши не теряют свинячьей природы, если убегут от матери. Убить их легко — мать не заступится. Но если хоть один Блуждающий Остров упустят, если он причалит в тихом месте незамеченным, то сразу же начнет расти, и скоро там появится еще одна Зона. А сводить на нет новую Зону, хотя бы и не слишком большую — поначалу-то! — дело долгое, трудное и опасное. Блуждающий Остров — семя Зоны. Не дай бог, он где-нибудь даст росток и люди этот росток не затопчут».

Кто-то из наших спросил тогда: «Ну а не все ли равно? Будет еще одно место, где храбрый и ловкий мужик сможет заработать на жизнь. Мы живем-то каждый день хуже, чем в Зоне, пашем за три копейки и каждая сволочь норовит нас развести».

Лис помолчал, а потом сказал просто: «Глупости, парень, говоришь».

Краткий вывод: на фиг восток. Не надо мне ни к реке, ни к островам — обычным или блуждающим. Как я буду Припять форсировать? Сниму штаны, надую их пердячим паром и полечу на этом воздушном шарике?

Есть, конечно, железнодорожный мост. Очень хороший, хотя и малость обветшалый. Вот только на мосту одиночка, вроде меня, окажется под наблюдением всех достаточно сильных группировок, которые выставили там дозоры. Это Зона. Пристрелят ради пожитков. Имени даже не спросят, просто нажмут на спусковой крючок.

На западе — две трети Зоны передо мной. До Периметра там по-любому больше тридцати километров. Тридцать кэмэ приключений!

На юге — столь же изрядные пространства, населенные доброжелательной живностью и учтивыми джентльменами.

Остается — северо-запад. Карта сообщает мне: если бы я продефилировал по узкому проходу между окраинами города Припять и Радаром, то до Периметра тут рукой подать. За день доберусь.

Лишь бы не вляпаться в резервные пси-излучатели из окрестностей Радара.

Прежде тут был большой Радар, и по нему называли весь уровень. От него просто закипали мозги. Такой поток пси-излучения не выдерживал никто. Но потом самую мощную установку взорвали на хрен, и всем как-то полегчало.

Полезли люди туда, байки пошли, мол, там эльдорадо — целые пустыри, сплошь усыпанные артефактами... Ну, кое-кто реально нашел свое эльдорадо. Но большинство любителей дармовщины так и не вынесло свои кости с уровня: резервные-то излучатели никто не вырубал! Там за пультами сидели упертые и злые члены клана «Монолит», а им поджарить кому-нибудь извилины — самая веселая забава.

Приглядимся. Тут, если я не полный лох, есть какая-то перспектива.

Итак, моя задача — пройти подальше от Радара, но...

А это что тут такое, ребята?

Ого!

Я ведь до этого только с картой возился. А в девайсе еще три оч-чень любопытные опции сыскались.

Самая из них любопытная и самая многообещающая — «вызов транспорта». На иконке нарисован маленький самолетик. Вот, значит, как хотел мастер вытащить нас из Зоны...

Кликаю.

Иногда простое движение пальца, тупое и незамысловатое нажатие на кнопку, открывает адские бездны...

Иконка увеличилась, и под ней появился запрос: «Введите пароль».

Ясно. Хорошо хоть не успел размечтаться: пришлют за мной братья самолет, изымут из Зоны, да еще с хабаром... Да хрен тебе в сумку и два сбоку! На такой, наверное, случай и рассчитано: никто, кроме мастера, то бишь доверенного лица, орденом транспортом пользоваться не имеет права.

Но это всё по большому счету фигня.

Сама иконка — куда как интереснее!

Она ведь, братцы, не с силуэтиком. Она — с маленькой фотографией. И на фотографии не какой-нибудь легкий спортивный аппарат, а «летучее такси» — авиетка-конвертоплан для богатых дачников. Да-да, та самая «мухачка», которая вот уже года три как стала любимым видом транспорта состоятельных людей Москвы.

Мудрые люди давно поняли: автомобиль в Москве — недвижимость. Десять лет назад так шутили со сцены юмористы-профи. Шутка стала былью.

Ну и что такого, что авиетка, спросите вы? А то. Если тут еще остались тупорылые — ну, те, кто до сих пор не врубился, — я поясню на пальцах.

Зырьте, вот пальцы, сжатые в кулак. А вот я разжал... сколько? Один палец. Трепетно бьется исследовательская мысль. А теперь сколько? Опять просекли — два!

В «летучем такси» всего лишь два места. Одно — для пилота, другое — для живого

груза.

Одно, стало быть, для мастера, а другое — для пилота...

Теперь ясно?

Вот оно, блин, орденское братство, солить твой асбест! Отмычками мы были, да и кончен разговор. Ни о чем не соврал мне Клещ, хоть он и сука. Истратил бы нас мастер, гнида подлая, а кого нет — тех бы собственноручно положил. Ведь если в живых оставить хоть одного — хоть дедуню Снегирева, хоть девку, хоть меня, родимого, — есть шанс, отличный от нуля, что выберется субчик за Периметр и пойдет вонизма. А нужна ли Ордену вонизма? Нет, ребята, Ордену трупы наши не в пример нужнее и полезнее.

И аллес гут.

Нет для меня в Зоне своих. Одни чужие.

Выберусь — болт им на прилавок откину, а не артефакты. И молодняку в красках объясню, какое сучье ими пользуется.

Теперь, ребята, мне точно надо отсюда выбраться. Не ради одного меня. Понятно вам? Я, может, обычный парень, но мне, сука, жалко тех девчат и пацанов, которых после меня погонят в Зону на убой.

Другая опция — «Сообщения».

И тут всё просто, но ничуть не менее интересно.

За прошлый день имелось всего четыре сообщения.

Во-первых: «Вы пересекли Периметр. Вы находитесь на территории Зоны Отчуждения». Ну, отфиксировались, и ладно.

Дальше — некрологи.

«15.58. Аноним А-98, клан «Орден». Станция Янов. Аномалия «Карусель»».

«16.02. Сталкер второго разряда Сопля, клан «Орден». Станция Янов. Убит в перестрелке с анонимом из клана «Орден»».

«16.04. Аноним А-99, клан «Орден». Станция Янов. Убит в перестрелке с анонимом из клана «Орден»».

Значит, всё-таки Сопля. Ну да я и сам сообразил. Такую мразь Молотом не назовут — Зона вранья не прощает. Сам Шрам учил меня этому...

Э-э... впрочем, теперь не разбери-пойми кто таков на самом деле этот наш Шрам... И какой еще был настоящий Шрам? Потом поразмыслим, не до того нынче.

Сегодня с утра те же радости:

«5.10. Сталкер второго разряда Лось, клан «Долг». Станция Янов. Убит бандитами».

«5.10. Аноним А-4, бандит. Станция Янов. Убит сталкерами».

«5.10. Аноним А-17, бандит. Станция Янов. Убит сталкерами».

«5.10. Дохляк, бандит. Станция Янов. Убит сталкерами».

«5.11. Сталкер высшего разряда Безбашенный, клан «Свобода». Станция Янов. Убит бандитами».

«5.14. Сталкер третьего разряда Банзай, клан «Свобода». Станция Янов. Убит бандитами».

«5.15. Аноним А-8, бандит. Станция Янов. Убит сталкерами».

«5.15. Аноним А-19, бандит. Станция Янов. Убит сталкерами».

«5.16. Аноним А-5, бандит. Станция Янов. Убит сталкерами».

«5.16. Пшено, бандит. Станция Янов. Убит сталкерами».

Похоже, пока я отсиживался в вагончике, здесь шла серьезная разборка. Да что там разборка: настоящее побоище!

«6.00. Припять, дом культуры «Энергетик». Наличие артефактов «подсолнух», «золотая рыбка», «смерть-лампа»».

«6.31. Сталкер второго разряда Мосол, клан «Грех». Бар «Сталкер». Убит пивной

кружкой».

«6.40. Сталкер высшего разряда Семяцкий, вне кланов. Кордон. Убит туристкой».

О! Кто-то мне рассказывал, что получить извещение о смерти Семяцкого — это к добру. Хорошее то есть предзнаменование. Я, конечно, в такие штуки не верю.

«6.56. Сталкер второго разряда Трифонов, клан «Долг». Бункер ученых у завода «Юпитер». Убит псевдоплотью».

«6.57. Военсталкер Сорока-Цюпо. Бункер ученых у завода «Юпитер». Убит псевдоплотью».

Получается, я оказался в очень оживленном районе...

«7.20. Припять. Магазин «Светлячок». Наличие артефактов «колокол», «мамины бусы», «радужное яблоко»».

Не про меня эта благодать. Смиримся сразу. Тем более что не очень-то и хотелось...

«7.16. Уровень Радар, пруд. Наличие артефактов «ломоть мяса», «серебряная спираль»».

А вот это, ребята, совсем некстати. Если на Радар сейчас ломанутся толпы сталкеров, мне будет уже ой как сложно пройти там спокойно к Периметру...

Третья опция по названию — очень многообещающая: «Связь / Информация».

А информация в Зоне, ребята, если вы еще не в курсе, стоит дороже любых артефактов. Если у вас есть чем за нее заплатить. И если с вами захотят ею делиться даже за самую высокую цену. Мне, например, очень нужна простая информация: как неопытному новичку выйти к Периметру от Янова, да еще с минимальным риском героически сложить голову.

Кликаю.

Открывается трасса «Личный контакт. Синоптик». Это, надо полагать, такой хмырь на том конце трассы, который специализируется на поставках инфы мастеру Мо... Сопле. Самое время поработать ему на подмастерье Дембеля.

Мерцает пояснение: «Синоптик на трассе».

Как начать-то? Не было у меня никогда таких переговоров. Ну, начнем с самого простого. Набираю вопрос:

— Добрый день. На трассе сталкер Дембель. Мне нужна информация. Готов заплатить по приемлемым тарифам.

Ничего. Пол минуты, минута. А потом всплывает надпись, которая для меня... как прикладом по черепу. Это ж надо такое!

— Какой ты на хрен Дембель. Ты аноним А-100 из клана «Орден», если, конечно, считать сборище ублюдочных козлодоев кланом. Нет никакой охоты помогать тебе, мразь. Вы — тупые отмычки, взбунтовались против Сопли, прибили его и сняли с трупа его ПДА. Сопля хоть и гнилой был до самых потрохов, а всё же реальный бродяга, сталкер. А ты — никто, ноль, да еще и мародёр! Короче, иди на хер, Черный Сталкер тебе поможет с инфой. На меня не рассчитывай.

Фигасе, товарищи?!

Можно, конечно, обидеться. Можно послать Синоптика туда же, куда он меня послал. Наглый же, сволочь. Можно даже в сердцах шваркнуть ПДА об пол.

Всё это можно. Вот только шансов на выживание резко убавится. Особенно если этот придурок распространит инфу, что на станции Янов в вагоне отсиживается мародер и убийца сталкера. Синоптик, паразит, видит, где я нахожусь — как минимум потому, что видит, где находится ПДА. Надо с ним ласково, ребята.

«Жить захочешь, еще не так раскорячишься».

— Уважаемый Синоптик! Во-первых, я не убивал Соплю. Я даже до вчерашнего дня не знал, что его зовут Сопля. Для нас он был мастер Молот, второй после Бога в группе. Его убил Клещ — после того, как Сопля его узнал. Клещ вошел в Зону как подмастерье Сопли, а

потом проявил себя опытным сталкером. Они поссорились и Клещ убил Соплю. А я никого не убивал, я неопытный новичок, я один, и мне необходимо выйти из Зоны с возможно меньшим риском гробануться. Я могу заплатить. Если надо — деньгами, если надо — услугами. А имя «Дембель» мне позволили носить в Ордене. По-настоящему меня зовут Тимофей Караваев. Вы можете проверить.

Пауза. Видно, Синоптик обдумывает: ставить на мне крест сразу же, или маленько подождать, разобраться. Наконец вижу:

— Мне тебе проверять ни к чему. Ты для меня никто и звать тебя никак. То, что эти олухи жадные позволили тебя называть Дембелем, это очень борзо и круто. На самом деле нету тебя в Зоне никакого имени. Имя надо заслужить, имя надо получить от реального человека, который за тебя впишется. И вот что я тебе скажу: я именно такой человек. И я дам тебе имя, только не такое длинное, как Тимофей Караваев и уж подавно не такое бурое, как Дембель. Но ты даже имя должен взять ХОТЯ БЫ ЗА ЧТО-ТО, ты даже за имя, никтошка, обязан расплатиться. Так что давай разъясни мне, какой такой Клещ вошел в Зону. С Соплей были четыре отмычки — ты, дорогой мой А-сотый, еще двое — те, кто гробанулся на месте, плюс некий А-сто первый, топающий сейчас, как я могу понять, к бару «Сталкер». Какого беса ты называешь его Клещом? Подумай хорошенько, прежде чем отвечать. Оттого, как ты ответишь, зависит вся твоя жизнь. И ее продолжительность, и качество. Хочешь, я закопаю тебя в Зоне? Мне это — как два байта занулить.

Тут уж задумался я. И не придумал ничего лучше, как рассказать Синоптику в точности всё, что знаю о Клеще:

— Клещ был в Ордене за новичка. Но в Зоне он показал себя как крутой сталкер. Он изменил внешность, и Сопля признал в нем Клеща с трудом. У нас он называл себя Плешь, поскольку лысый. Роста он невысокого, зато плотный, очень быстро двигается. Нос мясистый, на лбу — несколько продольных морщин. Лицо какое-то странное, кожа темная, вся в мелких родимых пятнах. Все время говорил, что он — романтик. У него хорошее вооружение и сверхлегкая экзоброня, которую не видно под камуфляжкой. Он был знаком с каким-то Лодочником, вроде покойным.

— Похож. Только я не понимаю, если это он, тот самый темный сталкер, как же он надолго вышел из Зоны и не стал кучей гниющей плоти? Что-то тут не сходится. Может, это кто-то очень серьезный выдает себя за Клеща... Теперь слушай внимательно. Не ошибись. Мой последний вопрос: зачем Клещ пришел в Зону?

Я придерживался избранной политики: не врать, стараться быть полезным:

— Мы шли за артефактом «сонный шар». И Клещ его взял.

— Где?!

— На станции Янов.

— Это всё?

— Нет. Он сказал, что не собирается быстро выходить из Зоны, у него тут еще какие-то дела.

— Какие?

— Я не знаю. Он не стал болтать.

Длинная пауза. Я уже забеспокоился и даже отстучал Синоптику вопрос: «Так как же с моим делом?»

— Я как раз думаю, пожалеть тебя или нет. Кажется, ты рассказал о чем-то важном. Как бы из этого не вышла еще одна война кланов, парень... Вот только ты не знаешь ни начала, ни конца истории. Я эту инфу продать могу. Но ее цены слишком мало для того, чтобы вытащить тебя из Зоны. Для начала держи имя. Его ты заработал тем, что остался жив и проявил учтивость в разговоре со мной. Ты будешь Сотка. Вырос из анонима «сотый», так и побудь Соткой, покуда не заработаешь чего получше. Я зарегистрирую тебя в сетевом

реестре сталкеров, в низшем разряде.

— Спасибо.

— За это «спасибо» не говорят. Ты заработал, ясно? Про Дембеля забудь. У нас тут трое таких «дембелей» за последний год гробанулись. Плохое имя — понтовитое и несчастливое. Лучше молчи, что ты когда-то называл себя Дембелем. Теперь насчет того, как тебе помочь. Я пока не уверен, что это не ты прикончил Соплю. А твоей инфы мало. Пока я могу за нее дать только два совета. Получи. Во-первых, Сотка, не суйся на вокзал станции Янов. Там до этой ночи была большая сталкерская база, единственная на всю Зону, где ладят кланы «Долг» и «Свобода». В других местах они реально срутся до последнего патрона. Сейчас ее взяли в кольцо бандиты, и чья там возьмет, никто не знает. Тебе бы лучше сваливать оттуда как можно скорее.

«Да без тебя уже знаю. После такой-то пальбы! Грош цена твоему совету, Синоптик. Имя-то какое мне дал дурацкое. Надо от него избавиться при первой возможности».

— Во-вторых, Сотка, у тебя там поблизости — Бункер. Ну, база ученых. Даю координаты. Тебе бы идти туда в самый раз — тамошние помогли бы... вчера. И завтра, если ты доживешь до завтра, тебе там тоже, наверное, помогут. Цивилы, фигли. Но сегодня держись от Бункера подальше: там сейчас гон мутантов, видели даже химеру, а она пятерым таким, как ты, не по зубам.

— А теперь дай мне еще что-нибудь, и тогда я подскажу тебе, куда пойти. У тебя есть артефакты? Я тебе скажу, кому их отдать. Как только ты их отдашь, я дам тебе правильный совет, и ты спасешься с гарантией. Мой человек — тут, недалеко.

«Ох, не верю я тебе, Синоптик... Еще меньше, чем ты мне. Прибьют меня в Зоне по твоей наводке. Прибьют за самый грошовый артефакт. А за «ночную звезду» башку снесут с гарантией сто процентов».

В общем, решил я ему, ребята, ни ползвучка о хабаринках моих не сообщать.

И сказал я совсем другое:

— Друг Синоптик, могу расплатиться деньгами. Выйду из Зоны и отправлю на твой счет сколько надо. Или отдам наличными из рук в руки.

— Да ты дурак, наверное, Сотка. Я тебя не знаю. Я тебя не то что к себе, а и к счету моему близко не подпущу. А главное: выйдешь ты из Зоны, и потом ищи ветра в поле. Ты никому не известный таракашка. А для денежных отношений доверие нужно.

— Хорошо. У меня есть ценная информация.

— Какая?

— Местонахождение дорогого артефакта.

— Насколько дорогого?

— Артефакт «душа камня» — это достаточно дорого?

Вновь пауза. Барыши свои подсчитывает, сукин сын.

— Хорошо, Сотка. Если артефакт не обретается в полностью недоступной дыре, то, считай, мы договорились. Проведем обмен.

Была у меня, ребята, поганая мыслишка... Ушлый парень этот Синоптик — как узнает от меня, где лежит «душа камня», так и прервет контакт. На кой я ему сдался?

Но потом я подумал: вытащить меня отсюда не стоит ему ровным счетом ничего. Он сидит вне Зоны, в теплой квартирке, и набивает себе цену. И он заинтересован в клиентах, даже в таких мелких и невнятных, как я. Авось я ему еще пригожусь. Курочка по зернышку клюет.

Я рискнул:

— На путях возле станции Янов стоит электровоз 2583. У него перед носом прямо из-под шпал выросла елочка. Хабар — рядом с ней. Пройти можно почти до самого конца, а у самой елочки — «птичьи карусели», несколько штук. Я так понимаю, опытный сталкер

умеет разряжать «карусель»)?

— Умеет. Тупой отмычкой вроде тебя «карусель» отлично разряжается... Ладно, Сотка. У меня тут кот клубок по полу катает, и мне на него смотреть очень весело. Он мохнатый, полудлинношерстный. Ну такой кайф! Поэтому я тебе расскажу, что делать. Кота благодари, он меня щедрым делает. Карта в ПДА у тебя форцает?

— Форцает.

— Объект Карьер наблюдаешь?

— Я еще не совсем разобрался.

— Хрен с тобой, кидаю ссылку. Это от тебя — всего ничего. Доберешься без проблем. На Карьере застряла группа ученых под конвоем сталкеров-«долговцев». Их там сильной жадинкой прихватило. И разрядить нечем. Тебе-то, извне, жадинку разрядить — пара пустяков. Знаешь, как жадинка разряжается?

— Нас учили: дополнительным весом.

— Кто учил?

— Лис.

— А. Ну хоть один у вас там в Ордене серьезный человек есть. Вытащи группу из жадинки, тогда у ученых появится солидный повод вытащить из Зоны тебя. Понял?

— Понял. Кот у тебя с клубком — какой из полудлинношерстных?

— Только не делай вид, будто тебя вязание интересует. Меня уже заколебали козлы вроде тебя, которым, видите ли, не по нраву, что мужик вяжет. Если хочешь знать, вязание изобрели именно мужчины. А если хочешь подлизываться или прикалываться, то мне, считай, заранее надоело. Поэтому шел бы ты на хрен.

— Меня не интересует вязание. Меня интересуют коты. Люблю котов. Разве можно не любить котов?

— О! А ты, оказывается, человек. Хочешь, я тебе дам тест, и если не провалишь, будет тебе бонус?

— Хочу.

— Назови хотя бы три полудлинношерстные породы. И я буду знать, что ты не свистун, а реально шарить.

— Сибиряки, мэйнкуны, норвежские лесные. У тебя кто?

— Сибира. Восемь килограммов живого счастья.

— Понимаю. У самого сибира была. Правда, она у меня с характером.

— Да они все — с характером. Вот тебе бонус, Сотка. Хочешь знать, кто такой Клещ?

— Еще бы.

— Если, конечно, это тот самый Клещ, а не подделка. Но только его именем сейчас стал бы пользоваться только дурак или суицидник, а твой, я так понял, точно не дурак.

— Он очень ловкий.

— Ну да. И тот ловким был. Много лет Клещ занимал место одного из самых значительных людей Зоны. Если только считать его вполне человеком. Он возглавлял клан темных сталкеров-полумутантов. Темные живут только в Зоне. Они могущественны, сильны и обладают странными способностями. Например, чувствуют приближение Выброса и знают, когда, где, из-за чего начнется гон мутантов. Но за пределами Зоны им быстро приходит конец. Их плоть буквально протухает и разваливается. Клещ, бывший вожак темных, почему-то не развалился. И это очень странно. Когда-то Клещ лично получал приказания от Хозяев Зоны, вел дела с «монолитовцами», контролировал бар «Сталкер» и сидел на таком обороте хабара, какого у темных после него уже никогда не было. Но у сталкеров свои законы, а у Хозяев Зоны — свои. Хозяева Зоны к людям безжалостны. Они иногда приказывали Клещу сотворить полное беззаконие — против всех сталкерских обычаев и правил. А он никак не мог определиться, кто он такой на самом деле: нечеловек, гнида,

которая только и делает, что пляшет под дудку Хозяев Зоны, или он стакер и к людям ближе. Он юлил, лавировал, хотел и клан сберечь, и Хозяев не разозлить. Зону чувствовал, как зверь чувствует лес. Сильный сталкер, один из лучших. Себя не берег никогда — смелый был до сумасшествия. Но и других не берег, особенно когда речь шла о выживании его клана. В конце концов, его перестали терпеть свои же. Другой темный сталкер, Варвар, встал против него. Клан разделился. Была война, Клещ собственными руками убил одиннадцать сталкеров, но победил Варвар. Он и стал новым главой темных. А про Клеща непонятно — его то ли убили, то ли он сгинул в аномалии. И вместе с ним сгнули самые дорогие долгоиграющие артефакты, которыми владел клан. Поговаривают, Клещ их прикопал в каком-то хитром схроне, но схрон его до сих пор никто не нашел. Если коротко, то после него темные ослабели. Из «Сталкера» их вышибли «долговцы». Их союзники из «Монолита» и вовсе почти все перебиты. Осталась пара-тройка боевых групп, но клана почти нет. Хозяева прежнюю силу тоже потеряли. Сейчас две самые большие силы в Зоне — «долговцы» и бандюки всех мастей. Всё тут решается одним: какие на сегодняшний день расклады между бандами и «Долгом». А с тобой в Зону пришел человек, который может реально качнуть равновесие. Всё, Сотка, я тебе дал больше, чем ты заработал. Этот кот меня жалобит. Передавай привет своей сибире. Счастливого рейда.

— Спасибо, Синоптик. Ты щедрый человек.

Хорошо мы с ним поговорили. Грамотно.

Один только неудобняк, ребята: у меня никогда не было кота. У Галки кот был, настоящий сибиряк, интерчемпион. И от нее я знаю о кошках столько, что хватит на десять энциклопедий.

Своего завести — так у меня столько времени отродясь не водилось. За зверем-то ухаживать надо, возиться, то-сё.

Глава 9. Не жалея патронов

All within my hands,
Take your fear, pump me up!
All within my hands,
Let you run, then I pull your leash...

Я долго и тщательно готовился к выходу из вагона.

На пол секунды высовывал голову из окна своего купе, а потом из других окон: нет ли чужаков на путях? Подгонял снарягу. Проверял обстановку на детекторе аномалий.

Двинулся по коридору крадучись, а в тамбуре взял автомат на изготовку. Металлическую лесенку осматривал с большим подозрением: а вдруг черный цветок, василек аномальный, решит воскреснуть и отомстить мне особо циничным образом?

Наконец выбрался. Никто меня не ждал, никто не готовился сделать из меня лежащую базу снабжения.

Стояло раннее утро — по моим московским понятиям. У вокзального здания чадило сгоревшее дерево. Рядом с ним шевелились люди — не знаю кто, ребята, далековато они от меня были.

На путях валялось два свежих трупа. Один из них был шагах в пятидесяти. Второй лежал прямо под колесами моего вагона.

Вороны бодро перекликались у меня над головой. Щедрое солнышко высекало искру из рельсов. Царило безветрие.

В отдалении, там, где сходились в нерасторжимое целое железнодорожные нитки,

романтически плавали в легкой дымке бетонные коробки Припяти — советского города-призрака.

— Твою дивизию! — с оптимизмом приветствовал я начинающийся день.

Перебравшись через пути, я двинулся в сторону Припяти. Карта ясно говорила мне: если пойти прямо, а потом взять правее, то до Карьера я доберусь быстро.

Лучший маршрут проходил по тропинке между железнодорожной насыпью и лесополосой. Я двигался по нему очень неспешно. Направлял автомат на малейшее колебание листвы, не снимал указательного пальца с курка. Где угодно — хоть в дюжине шагов от меня — мог схорониться отряд бандитов, блокировавших станцию Янов.

Знаете что, ребята? Очень поганое ощущение — когда ждешь, что тебя вот-вот подстрелят. Притом подстрелят просто за то, что ты приперся не в то место и не в то время.

Минут через пятнадцать я сообразил, что под моими подошвами больше нет мокрой травы. И серой глинистой почвы — тоже нет. Вместо тихих, почти бесшумных шагов слышится радостное похрустывание гравия.

Да что за ерунда такая!

Только сейчас заметил: все время меня от лесополосы на железнодорожное полотно сносит... Какого буя? А ведь не первый раз я зашагиваю в пространство между рельсами, и чапаю какое-то время, покуда мозг не повернет меня обратно к тропинке.

Агорафилию подхватил, а? Зона всяко на людей влияет: может, на меня свалилась индивидуальная креза — фанатичная любовь к открытым пространствам...

Опа, вот опять левая нога сама собой, безо всякого хозяйского разрешения пытается переставить меня подальше от деревьев. На такие вещи надо обращать внимание.

Проверил по детектору аномалий — не втягивает ли меня какая-нибудь невидимая пакость в свои объятия? Ничего подобного. Осмотрелся. Может, просто тропинка у меня под ногами неудобная? Да тропинка как тропинка. А вот тревожно почему-то. И эта тревога — вроде сквозняка. Тянет откуда-то из-за череды тополей, а поглядишь, так никого и ничего там нет. Деревья и деревья. Кусты и кусты. Трава и трава.

Стоп.

Тут меня, ребята, крепко пробрало. Аж холодный пот на лбу выступил.

Не могу дальше идти.

Страшно.

И просечь не могу — почему страшно.

Радиация? Ее сколько ни интуичь, а толку никакого. Ни цвета, ни запаха, ни рожна... На всякий случай проверил: фон — чище, чем в иных районах Москвы.

Артефакт какой-нибудь на меня так влияет? Не слышал я что-то о таких артефактах. Но ведь Зона — такая стерва! — никого почему-то не предупреждает перед тем, как из ее недр выпрет очередной целому свету неизвестный артефакт.

«Измененный штурвал», штуку безобидную, красивую и непонятную, вообще видели всего раз двадцать — тридцать, хотя кое-какие артефакты добывали тут тысячами. А «белый излучатель» просекли только после того, как он угробил дюжину ученых и сделал тихим идиотом капитана Станковича из патрульной службы.

Этот хабар брали всего два раза. Вечно теплый грязно-белый булыжник. Ну испускает безобидное магнитное поле, ну чуть радиоактивный, ну красивенький — вроде королевского янтаря...

Да хрена ли моржового, саморезного, в нем нашли? Ничего и не нашли бы, если б он сам не атаковал обслуживающий персонал научного центра на Янтарном озере. Досталось ребятам!

Впрочем, у них там раз в три года происходит очередное вымирание ученых, а потом новое заселение... Камень камнем — артефакт же, не какая-нибудь аномалия и не мутант! —

а раз в девятнадцать часов тридцать семь минут оказывает на живых существ агрессивное и мощное пси-воздействие.

Импульс длится доли секунды. После него вся живность, находившаяся на дистанции одиннадцати метров, начинает буйствовать и суицидничать. Капитан Станкович, как рассказывал нам Лис, попав под атаку «белого излучателя», сначала вообразил себя вампиром, потом гением, потом... лучше не пересказывать. До сих пор трясет, как вспомню слова про бледные, высохшие и съезжившиеся трупы людей, которые пытались ему что-то объяснить...

Я поработал «Суворовым». Ничего артефактного вокруг меня нет. Ни редкого, ни обыкновенного, вроде «пустышек».

А потом покумекал и понял: наверное, кто-то за мной наблюдает. И смотрит этот кто-то из лесу, хоронясь, не подставляясь под выстрел. Этот кто-то скорее всего не мужик со снайперкой. Иначе давно бы я лежал тут, а счастливчик выгружал бы с меня снарягу и хабар, испуская вопли радости. Мечтал бы, надо думать, какие суммы на что у него пойдут.

Всегда думал, что это такая условность из детективов в мягкой обложке — чувствовать на себе чей-то взгляд. Сколько на меня с рождения и до сего дня разных людей смотрело, а ничего я не чувствовал.

Зона обостряет чувства, концентрирует их. Потому что взгляд чужака... или чужаков?... я ощущал теперь так же отчетливо, как ощутил бы пощечину.

И никакой оптики под рукой. Ни прицела, ни бинокля, ни... Хотя на «Таворе» есть оптика. Просто он мне не родной, вот я о нем и забыл. Тяну винтовку с плеча и... останавливаюсь.

Уже и не надо. Ни бинокля, ни снайперского прицела.

Потому что, ребята, метрах в двадцати пяти от меня, у самого низа насыпи, началось какое-то тревожное шевеление. Ну да, спасибо. Спокойно дойти до Карьера они, разумеется, не дадут.

Из лопухов выпрыгнула живность премерзкого вида. Живность невысокая — мне по колено или чуть крупнее, но не намного. Передвигается на задних лапах, подпрыгивая по-воробьиному. Задние лапы мощные, а передние — коротенькие, смотреть не на что. Ребра из-под кожи выпирают до такой степени, что пакость эту ходячую становится очень жалко.

Они ведь, гады, на сталкеров нападают в основном потому, что в Зоне особенно жрать нечего. Натурально. За своим братом-мутантом не погоняешься, он злой. Да и люди-то кусать себя не дают... Дохнет, наверное, половина мутантов от голода или в спячке по полгода валяется.

Морда у зверушки удлиненная и зубастая, глаза маленькие, круглые... На крысиные стати похоже. Воробьекрыса — это юмор как раз в духе Зоны.

Сморит на меня очень внимательно.

Как же эту штуку называют? Крыса? Кролик? Нет, не подходит. А пожалуй что, это черномыльский тушкан. Да. Точно. Он самый.

И бояться его мне не стоит.

Ну совершенно не стоит его бояться. Маленький — сапогом пни и все кости переломашь. Сталкерский юфтевый сапог с армейских складов, да с подковками, — самое то оружие против него.

Чего мне бояться тушкана?

Я совсем уж собрался спокойно пройти мимо, да не тут-то было. Что за дело нам с братом тушканом друг до друга? Я его жрать не собираюсь: мало ли что он сам до этого лопал! Конечно, головами тушканов интересуются ученые, а жиром — барыги (очень, говорят, помогает от импотенции). Но возиться резона нет. Мне надо думать о том, как отсюда выйти, а не о том, как прихабариться.

Он меня, брат мой тушкан, тоже жрать не собирается. Он бы и попробовал, да добыча великовата. Чернобыльские тушканы собираются прайдами особей по пять — десять, а десяток зверюшек я, пожалуй, крепко обижу, даже не применяя стрелковое оружие. Одними сапогами. Пси-способности у них... э-э-э... пси-способности у них... м-м-м... не помню.

Придурак, проспал! Есть? Нет? Не изучено? А? Или они мне на этих курсах орденских так ни хрена и не рассказали про пси-способности у тушканов?

Только я, ребята, призадумался по поводу тушканьего «пси», как начали происходить вещи, заставившие меня вчистую забыть обо всей этой ерунде.

Зверюшка издала писк. Безобидный писк, ничего особенного. Но это она всего лишь голос пробовала. Распевалась.

А потом сложила губы в трубочку и... и... ну вот как это назвать? Скрип? А? Если запись рычащей электродрели, которая всегда найдется у соседа, куда бы ты ни переехал, наложить на запись воющей ножовки, которой активно работают по металлу, а потом воспроизвести всё это громко, протяжно, с фиоритурами, как у оперной примы, мы получим песнь половозрелого чернобыльского тушкана.

Вот только подзывал он не самку и не родню. Точнее сказать, не одну лишь ближайшую родню.

Потому что через мгновение из травы, из-за кустов и деревьев, из каждой малой яминки поперли полчища мелких гадов.

Пять — десять особей, говорите? А сорок не хотите? А шестьдесят?

Аккуратными прыжочками ко мне приближалось с полсотни таких вот мелких манданавтов. И отнюдь не крепкое мужское рукопожатие у них было на уме!

Сообразительные, сукины дети. Научила их Зона выходить на сталкеров не прайдом, а сразу всей гурьбой: тем, кто останется в живых, мясца хватит надолго...

Ладно, ребята, сапожных подковок, допустим, будет недостаточно, а вот свинцовая микстура, кажется, подойдет в самый раз. Я дал одиночный выстрел по ближайшей тварюги, и автоматная пуля снесла ее с насыпи. Но, как видно, тушканы к трудным переговорам давно сделались привычными, а человечину ценили как деликатес, ради которого стоит пойти на жертвы. Вся тушканья банда перешла от маленьких воробыиных прыжков к чудовищным кенгуриным. Иначе говоря, стали подсакивать высоко в воздух — метра на полтора. Ко мне тушканы продвигались ничуть не быстрее, зато пока они совершали свой летательный аттракцион, я не мог как следует по ним прицелиться!

Выстрел.

Мимо.

Выстрел.

Мимо. Мимо!

Есть, одного задел...

А патронов у меня для такой стычки — кот наплакал. Полтора магазина меня не спасут.

Может, сразу дать в гущу этих гаденышей длинную очередь, не считая боезапас? Три-четыре мертвые тушки и грохот милой моей акаэсушки, по идее, должны бы их отпугнуть.

Я выбрал группку поплотнее и выдал очередь на оставшиеся полмагазина, не жалея патронов. Гильзы выплеснулись из автомата и затенькали по рельсам...

«Калашников» — очень скорострельная штука! Пять секунд — и магазин исчерпан. Два тушканчика трепыхаются на насыпи, и они уже не жильцы. Зато прочие задержались ненадолго. Поколебались вроде, а потом опять поперли.

Был бы у них вожак, так я бы ему головешку разбуячил, и все дела. Но... кто из них — вожак? Или вовсе нет у них вожака, а вместо царя они завели себе тушканью демократию?

Плохо? Плохо.

Я начинаю бояться.

Когда, сука, вся эта орава доберется до меня, накинется на меня, то ведь я не успею всем бошки посворачивать — а они будут жрать меня, еще живого, они буду меня грызть, как какой-нибудь столбик мяса, еще не добив!

Я представил себе, как буду умирать под зубастым ковром этого поганого зверья. С-сука!

Но пока голова у меня боится, все остальное исправно работает. Руки вот, например, самым скорым манером — перекрывая армейские нормативы — отщелкивают пустой магазин, рвут из разгрузки полный и вставляют его в автомат. Последний...

Правда, есть у меня трофейные «Тавор» и «Альпиец», но я их в руки взял совсем недавно, обращаться еще как следует не умею... С удовольствием обменял бы всю эту дорогую технику на три запасных магазина, которым цена — копейка.

Боже, пошли мне еще патронов!

А вот, кстати, есть у меня еще кое-что. В самый раз для такого случая. Определенно стоит попробовать... Как же я раньше-то не сообразил!

Я отбегаю на несколько шагов к середине железнодорожного полотна, ложусь между двумя путями. Теперь, пока тушканы не забрались на самый верх насыпи, к рельсам и шпалам, они — внизу, а я — наверху. Держите-ка от меня подарочек, бесовы дети! Авось на халяву и «лимонка» сладкой покажется.

Граната отправляется вниз, туда, где они кишат особенно густо.

Знаете ребята, хоть я и служил, а ни разу в армии не видел, как взрывается тяжелая оборонительная граната. Та самая «лимонка» в просторечии... Но морду я на всякий случай сунул в гравий, а макушку руками прикрыл.

Очень правильно сделал!

Потому что рвануло там, внизу, нехило. Над насыпью поднялся султан дыма. Хор обалдевшего зверья разродился ораторией писков, визгов и завоев. Сверху на меня посыпалась всякая дрянь — тина из придорожной канавы, комья земли... Рядом звонко отскочил от рельса серьезный булыжник. Хорошо, что не от меня отскочил...

В довершение ко всему прямо на задницу мне шлепнулась тушка контуженного тушкана. Этот был цел, штатные лапы-зубы-глаза — на месте. Вот только прыгать ему не могло.

Меня зло взяло. Я брезгливый, ребята.

И я как-то механически, на автомате, взял да и прирезал тварь.

Мне очень хотелось удрать отсюда. Очень. Такая, мать твою, тоска взяла, что удрать нельзя, просто хоть волком вой. Жаль, луны среди бела дня на небе не сыщешь — я б повыл.

Прикиньте: не знаю, сколько их там лежит, под насыпью. Может, много. Может, не очень. Те, кто выжил, еще не очухались. Но что они станут делать, когда очухаются? А?

Ну, врубились, или мама вас придурками родила? Вижу, начинаете мозгой ворочать. Да, я не знаю, что они будут делать. Может, примутся жрать трупешники своей почившей родни и на том успокоятся — харчей-то я им оставил вдоволь. А может, решат догнать вкуснятинку и все-таки устроить себе маленький праздник среди неказистых будней.

И далеко ли я убегу от шайки озверевшего тушканья — с рюкзаком, с оружием, со всей моей тяжелой снарягой и в армейских сапогах? И в какую аномалию с разбегу вклепаюсь?

Нет, ребята, если я хочу выжить, я должен лезть вниз, под насыпь, и добивать там всё, что шевелится.

Поднимаюсь.

Передергиваю затвор АКСУ... Нет, на фиг, пусть поработает «Альпиец»: привычный старый автомат — слишком удобная штука, чтобы его боезапас на всякую дрянь расходовать.

Иду вперед.

И мать его за ногу...

На гравии насыпи, на тропинке, в канаве — семь или восемь неподвижных тел, истекающих кровью. Наверху корчится тушкан, которого, как видно, шваркнуло ударной волной об рельс. В височной кости у него — дыра.

Банг!

Уже не корчится.

А вот еще один маленький любитель человечины: ему рассекло осколком брюхо, и парень находится в недоумении: почему все вышло так нескладно, когда начиналось все так хорошо?!

Банг!

Не люблю слишком умных тушканов.

О, вот и вожак. Требовательно попискивает, сзывая к себе тех, кто еще способен держать зубы настежь. Вокруг него уже собралась группка на полдюжины особой. Из кустов, из канавы сползаются контуженные людоедики. Они еще плохо соображают знатно их оглушило! Но пройдет полминуты, минута, и воинство опять соберется под славным значком тушканьего легиона.

Нет, ребята, так не пойдет. Мы, честные борцы за мир с человеконенавистническими тушканами, не дадим фашиствующим молодчикам развязать новую...

Банг!

В последнее мгновение он меня заметил и подпрыгнул. Это был королевский прыжок — метра на два с половиной! Я даже восхитился. Не зря тварь верховодит своими собратьями... Пуля моя не пропала зря: младший офицер, которого закрывала тушка предводителя, дико заверещал, схлопотав нежданную радость в брюхо.

Банг!

Опять я промазал по вожаку.

Банг!

Опять промазал.

Впрочем, психологически я все-таки выиграл. Главный опрометью кинулся к кустам, увлекая за собой остатки бандформирования. Юркнув в зеленя, через несколько секунд лидер высунул морду и призывно завизжал.

Вот так. Сложно ли было человеку доказать интеллектуальное и физическое превосходство?

Ох, не надо было радоваться, ребята. Жизнь — это такая штука, где тебя обламывают сразу после того, как ты сказал себе: «Ну, есть повод гордиться».

Уши мои хоть и потеряли чуткость из-за стрельбы, а всё же не совсем оглохли. Откуда-то справа я слышал сопение и... клёкот. Не орлиный, нет в Зоне никаких орлов, из птиц тут чуть ли не одно воронье. Больше похоже на индюшачий, если вы, городские упыри, хоть раз слышали, как клекочет сердитый индюк.

Чувствуя, как новая неприятность готовится предъявить на меня права, медленно поворачиваю голову.

И точно. По тропинке, там, где я сам пару-тройку минут назад мирно чапал, топает чудище. Это его испугались злобесные тушканы, а вовсе не моей пушки.

Я против него точь-в-точь как тушкан против меня. Разница в росте, конечно, поменьше, зато по мощи — самое то.

Представьте себе младенца, начавшего прямо в колыбели слегка подгнивать. Сосуды у него под кожей налились кровью, пятна — бурые и синюшные — пошли по всему телу... Но он не умер. Упрямый попался младенец. И наперекор всем законам биологии сделался верзилой двухметрового роста. Или чуть больше.

Мышца разрослась, прямо бугрится. Башка выросла в плечи, а на лбу образовался

настоящий костяной таран: хоть ломом туда тычь, вряд ли до извилин доберешься. Если такой вот жутик с разбегу боднет трактор, трактор покатится по колхозному полю, жалобно гремя всеми жестянками.

Одна пара конечностей у этого исчадия Зоны превратилась в живые столбы, предназначенные для передвижения и поедания добычи. Другая пара атрофировалась. Вон два кривоколенчатых бугорка слева и справа от балды — прямо как раздвоенный колпак арлекина, только из мяса и костей. Это всё, что осталось от второй пары.

Псевдогигант.

Ну за что мне такое наказание с утра?

По ходу, пора бежать, ребята.

Потому что от псевдогиганта мне ни за что не отбиться!

Я же читал руководство. Я всё читал очень внимательно! Этот цыплёнок размером с небольшой танк атакует с дикой скоростью и норовит долбануть по сталкеру черепушкой — так, чтобы потом осталось только дотапывать.

Он людей не любит. Не в радость ему люди почему-то. Где увидит, там и бодает.

Между нами метров сорок, не больше.

Псевдогиганта можно влегкую взять из пулемета. Особенно если это крупнокалиберный пулемет — не чета простому РПК. Его нетрудно угробить из гаусс-пушки. С первого выстрела! Из гранатомета — тоже без проблем. На худой конец вклепать несколько магазинов из «калаша». Говорят, если всадить в погань сотню пуль, она все-таки не выдержит и двинет кони. Говорят.

А у меня всего один магазин.

И руки трясутся.

И никаких пулеметов-гранатометов под руками.

И спрятаться некуда.

Из доселе неведомых глубин души звучит голос: «Беги, кролик, беги!» А я не бегу. Понимаю, тушканы показали мне самый лучший способ справляться с неприятностями: не можешь сожрать — ховайся! Я бы и убёг, ребята, да так, что только пятки засверкали. И рюкзак бы бросил. По фиг рюкзак, когда жизни на десять секунд осталось! Вот только никак не могу отвести взгляд от исполина.

* * *

Это Зона!

Ноги не двигаются. Не могу отвернуться от псевдогиганта. Не могу и все тут. Столбняк напал. Ничего не могу. Может, спусковой крючок еще нажму, а на что-нибудь посложнее меня точно не хватит...

Псевдогигант остановился, посмотрел на меня и набычился. Взрыл ногой почву на тропинке. Или это не нога у него, а рука? Да какая хрен разница!

«Сейчас ты бросишься... Я успею отстрелять магазин. Может быть, успею пару раз пальнуть из «Альпийца». И всё. Кирдык. Либо мне жутко повезет, и я задену что-нибудь жизненно важное в твоей непробивной туше, либо...» — думаю я и не верю, что милая маленькая пукалка АКСУ остановит такой биотанк.

Ладно, ребята, извините, если что не так.

И тут... псевдогигант отворачивается от меня! Я, представьте себе, ему больше не интересен!

Мутант делает несколько шагов по тропинке, наклоняется над ней и ловко цепляет руконожищей трупик тушкана. Как он при этом равновесие держит, я в упор не просекаю. Это ж немыслимая поза: весь перекособочился, стоит на одной опоре, как цапля, и тупо разглядывает убиенную зверушку.

А потом принимается ее кушать.
Не торопясь. Без чавканья. С гурманской деликатностью.
Доев, обсасывает хвост и аккуратно кладет его на землю. Делает еще несколько шагов и поднимает второе «мясное эскимо».

Помню, нам мастер Шрам говорил: «Псевдогигант не трогает мелких мутантов. Они ему ни к чему. Это аксиома...»

Ну-ну. Жрать захочешь, на все аксиомы положишь с прибором.

Только сейчас я начинаю выходить из столбняка. Вертеть головой могу. Ноги, кажется, слушаются меня. И пока эта тварь не доела свой завтрак и не опомнилась, я быстрым шагом ухожу. То и дело я останавливаюсь, проверяю, не решил ли мутант разнообразить свое меню за счет меня, потом продолжаю движение. Очень, очень быстрым шагом. Мог бы идти, глядя назад, так и пошел бы...

За всеми этими страстями я позорно пролюбил поворот к Карьеру.

Глава 10. Куда приводит отсутствие туристической сноровки

I've been looking at the sky,
'Cause it's gettin' me high,
Forget the hearse 'cause I never die,
I got nine lives.

...И еще долго топал бы, забирая влево, если бы ко мне на ПДА не пришел странный сигнал.

Я вообще не до конца разобрался с ПДА мастера Сопли. Времени не было, прикиньте. Оказалось, он настроен на сигнал «комариный укус». Подлый ПДА «колол» меня микроразрядом через одежду, пока я не сообразил, что на это стоит обратить внимание.

Оно, конечно, правильно: ни звука, который могут услышать лишние уши, ни вибрации, которую ты сам замечаешь через раз... Но все-таки... не был ли мазохистом покойный Сопля?

На экране обнаружился рваный текст: «...еды хватит на два дня... воды... меньше... продержимся... нужна...»

Кто-то просил о помощи.

Так.

Я один, я ни рожна не петрю в этой проклятой Зоне, меня самого только что едва не схарчили. Если я попробую кого-то спасти, меня скорее всего без проблем завалят в самом начале процесса. Здравый смысл подсказывает: «Забей и вали».

И все же я попробую выяснить: откуда сигнал, да кто посылает, да где тут дают генеральские погоны МЧС. Я... ну... в таких случаях надо вписываться. Иначе как-то не по-человечески выходит!

Короче, мне повезло. Я четверть часа потратил на ПДА Сопли, но так и не разобрался, как взять пеленг. Или тут вообще не пеленг надо было брать, а какую-то другую фигню?

Мне точно повезло, ребята, я честно хотел разобраться, и я честно не разобрался.

Что тут сделаешь? Это ведь не компьютерная игра, где можно «взять квест», и тебе разжуют до состояния жидкой кашицы: «Пойди туда-то, там найдешь то-то, вернись с ним сюда, отдай то, что нашел там, и тогда в обмен получишь другое, а другое тебе потом очень пригодится...»

Нет, это жизнь, ребята. Она без квестов с однозначными солюшенами.

Я переслал сообщение Синоптику. Может, хоть он пропрет, куда посылать спасателей.

А переслав, огляделся.

Думаете, я был ближе к Карьеру, чем в начале пути?

Ха-ха-ха три раза.

Я просто не понимал, где нахожусь. Поворот направо явно оказался у меня за спиной. Притом так далеко за спиной, что не видать отсюда до горизонта. Слева, в проеме между деревьями, виднелся кочковатый луг, невысокий холм и на нем — бетонное полуциркульное здание.

Что? Не понял, вы правда не поняли, что значит «полуциркульное»? Ну... Это вроде как от стадиона отрезали один из его закругленных боков и поставили отдельно. А если кто опять не понял, то я добавлю ускорения прикладом в рыло. Ага, нет непонятливых.

Еще минут десять я потратил на борьбу с электронной картой. И наконец я выяснил... выяснил...

Это была Градирня — большой промышленный охладитель. В смысле, та бетонная херь от стадиона, полуциркульная. И она стояла точнехонько в противоположной стороне от цели моего вояжа. Какой же крюк я тут заложил!

Я свернул в лес — а тут был настоящий лес, не какая-нибудь лесополоса, — нашел пустую канистру армейского цвета, ржавое колесо, от которого фонило радиацией, как от Четвертого энергоблока ЧАЭС, еще нашел дерево в виде ясеня с листьями тополя и желудями на ветках и... потерял направление. Не всегда что-нибудь находишь, иногда что-нибудь теряешь.

Вынул ПДА и долго вертел его, пытаюсь понять, куда иду. Запутался еще больше. Слава Богу, хоть лес попался реденький — тощие березки да осинки тинейджерского возраста. Ну и ясень с листьями тополя.

Наконец, я понял. Где-то рядом со мной должен быть полустанок.

И точно, нашлась неподалеку груда бетонных плит, как целых, так и ломаных, — вместо платформы. Были еще руины здания: две стены гордо стоят, не сдаваясь натиску времени, третья слилась с лежащим бетонным элементом, а на месте четвертой ржавый частокол арматурин уныло дырявит воздух. Кругом всё поросло бурой колючкой. На подходах к развалинам обозначились две больших желто-коричневых проплешины в траве — верный признак аномалии «жарка»...

Уют и благорастворение воздушной.

Бл-лин, как я сюда попал?

Вот так вот — тупое отсутствие туристической сноровки довело до ручки. Дурень, ты же служивший! Ты же бывший пограничник! Ты же всё это пропирать должен с первой поклевки! А вот на тебе, топографический кретинизм...

В двух шагах от железнодорожной ветки, где обретался полустанок, я набрел на труп.

Не знаю, кто это. Никаких знаков принадлежности к определенному сталкерскому клану. Может, бандит Может, мирный турист, отбившийся от группы. Полюбили в последнее время богатые люди экстремальный туризм. Всё ищут, где им с утра нальют полный стакан адреналинчика без закуси, а вечером оттрахают без вазелина...

Или, может, такой же одиночка, как и я, на свою голову забредший в Зону из высоких побуждений. Долго полз мужик от того места, где в него всадили аж четыре пули. Полз безнадежно, всё равно помер бы. Тянул алый след до этой полянки, и тут ему разбили башку чем-то тяжелым — прикладом скорее всего — избавили от матценностей.

Вот он лежит, босой, изуродованный до неузнаваемости, и мертвое тело его без слов говорит мне: «А ну-ка, хватит волосья на голове рвать. По сравнению со мной тебе повезло, ты, друг, еще жив. Соберись. Перед тобой лежит твое светлое будущее!»

Глава 11. Четверо на острове

Help, I need somebody,
Help, not just anybody,
Help, you know I need someone, help!

Самая тяжелая обуза, которую ты таскаешь по Зоне, — тупая башка.

Страх, жалость по отношению к самому себе, гордость за свою крутизну, мысленный подсчет барышей от тех артефактов, которые ты добыл, — всё это лишнее в Зоне, ребята. Всё это груз, который тянет ко дну. И когда ты устаешь быть тупым, то понимаешь: пока ты в Зоне, мозги тебе надо грузить всего парой-тройкой полезных режимов. Сосредоточенным вниманием к мелочам. Трезвым расчетом. Бесстрашием. Надеждой.

В общем, ребята, я быстро вышел к Карьеру. Но лишь после того, как взял себя в руки, прекратил истерику и начал думать. И мне такому — спокойному, сосредоточенному — Карьер дал себя найти за считанные минуты.

Тут добывали песок. Представьте себе огромную ямину метров на сто или больше в диаметре, с неровными обрывистыми краями. Кустики кое-где, елочки какие-то чахлые, но по большей части место это голое. Песок. Глина. Кочки. Лужи.

Труба теплотрассы в обход тянется, и в одном месте возносится метра на четыре в высоту, образуя металлическую букву «П». Наверное, дом тут был, а теперь после очередного Выброса в землю ушел, вот и вышла вроде как арка из трубы на пустом месте, а под ней тропиночка тянется... На дне Карьера то ли пруд, то ли уже болото с лягушками.

Ну и технику тут побросали... вот не знаю с каких времен. Бульдозер — весь ржавыми волосами оброс, а вот звук от него идет, будто движок запущен и работает. А что, если работает? Это ж сколько он дизеля за сорок лет сожрал? Рядышком два трупа — как видно, хотели угнать исправную технику, а техника возьми и включи защиту от дурака...

В самой середине карьера, на дне, посреди темной заиленной воды — стальной монстр, каких я по сю пору не видывал. Буй его знает, что за механизм такой. Очень здоровый — металлическая башня на мощных гусеницах, две штанги — прямая и косая — на крыше этой башни, а спереди из нее торчит мощная ржавая стрела, к которой крепится колесо устрашающих размеров. На колесе устроены металлические черпалки — одна за другой, несколько десятков штук. И по ним видно, что стальной монстр этот — скорее всего старый советский роторный экскаватор.

Что-то он тут мощно рыл в 1986 году, когда грянула эвакуация. И мрачные советские дяди из обкома решили пожертвовать его духам этого места...

За кормой башни был укреплен пакет бетонных плит — противовес землечерпальному колесу, не дающий всей конструкции завалиться вперед. Там же, видимо, находился и электромотор. Во всяком случае, от стрелы, через передаточные колеса на верхушках прямой и косой штанг, к кормовому противовесу тянутся стальные тросы, заставлявшие когда-то вертеться чудовищное колесо с черпалками.

И тросы эти, наверное, убийственной прочности. Иначе еще на заре Зоны, в 1980-х, местное население, наплевав на радиацию и милицию, срезало бы их и сдало в металлолом. Я уж не говорю о 1990-х, когда срезали всё, что плохо лежит, а потом принялись за то, что лежит хорошо и даже лежит под охраной...

Я добираюсь до обрыва и ложусь на песок. Если кто не понял, ребята, за несколько часов беготни по Зоне я устал как лось.

Смотрю на экран «Суворова».

Оп-па! Аномалий тут более чем. И есть какие-то среди совсем уж непонятные штуки.

Гравиконцентрат — это мне, допустим, понятно. И «электра» — тоже понятно. И

«гравиконцентрат в стадии пониженной сингулярности» не вызывает вопросов — «жадинка», по-русски говоря.

А вот... «магнетик»... и «радарный синдром»... что за синдром? Это уж слишком заковыристо, для спецов. Но ясно, что в воду, скопившуюся на дне карьера, не надо соваться даже под дулом пистолета. Потому что вылезешь уже не ты.

На всякий случай проверяю на артефакты... на арте... ох ты.

У меня за спиной, совсем неподалеку, да просто рукой подать, хоронится невероятная сокровищница. Тут и «подсолнух», и «сонный шар», и... настоящая «смерть-лампа»! А к ним — считай, по мелочи! — льнут «мамины бусы», «звезда Полынь», «плеяда», да еще «пузырь». Целое состояние!

И если мне удастся взять хоть что-то из этого, я выйду из Зоны очень богатым человеком...

Если только выйду.

Эта мысль вернула меня к действительности. Жирный хабар — потом. А сейчас надо заняться спасением людей.

Остров посреди Карьера, судя по детектору, на треть был занят гравитационными аномалиями. Очень серьезными. Одна страшная когтистая «лапа» охватывала низенькую сушу почти по всему периметру, оставив безопасной лишь ее среднюю часть. А там, где периметр был свободен от аномалии-гиганта, скорее всего порожденного сращиванием целого минного поля небольших «грави», островок брали в кольцо гирлянды аномалий-малюток, вполне способных пришибить взрослого сталкера.

Единственная «жадинка» на весь карьер оказалась... над водой. А вот этого, ребята, не бывает. Либо под водой, либо в воздухе, либо над землей, иногда — очень редко — под землей. Но над водой эти аномалии не фиксировали никогда. Ясно? За всю историю Зоны ни единого раза.

Аккуратно снимаю с плеча «Тавор» и выглядываю с обрыва. Оптический прицел показывает мне... ерунду, которую я бы и сам заметил без проблем, если бы разул глаза.

В самом узком месте болота, окружавшего остров, кто-то соорудил мостик, уложив его на две легких пластиковых конструкции. А жадинка, как я мог понять, если бы совместил в башке яркую точку на экране ПДА и реальную местность, образовалась точнехонько на середине мостика.

Аномалии, они ведь не стоят на месте. Возможно, когда мостик сооружали, она и пребывала по соседству, а потом — хлопысть! И пожалуйста бритесь...

До нее всего-то метров семьдесят или восемьдесят... Значит, люди тоже должны быть неподалеку. У них единственный способ выбраться наружу — пройти по мостику. Но мимо жадинки они не протиснутся.

Так. Так.

Ну, точно. В кустах лежат четверо. Я их сразу не заметил только из-за того, что они там замаскировались. Единственный клочок зелени на островке... И какого буя там делают четыре здоровых мужика? Мертвые уже? Нет, копошатся немножечко.

Один вот за мной в оптику снайперской винтовки наблюдает...

Едрить!

Я едва успел дернуться в сторону. Он убил бы меня. Нажал бы на спусковой крючок на полсекунды раньше и убил бы наверняка.

Пуля ударила прямо в «Тавор» и превратила мою штурмовую винтовку в грудку металлолома. Это я потом понял, что ее очень даже стоило таскать на себе так долго, не сделав ни единого выстрела: все-таки жизнь она мне спасла. А тогда — такая досада взяла!

И я принялся кричать:

— Придурок, мать твою! Что же ты, чмо безголовое, делаешь?!

В ответ мне полетели обидные слова. Очень много и крайне маловразумительно. Слова относит от меня ветер. Слышу только: «сунься», «сука» и «бандюга».

Это я-то бандюга? Да я же вас, козлов, спасать явился!

Хотел высунуться во второй раз и объяснить им прямо вот так: «Что же вы, козлы, делаете, я же ваше спасение!». Но вовремя сообразил, что от второй пули могу и не вернуться.

Не сразу я успокоился. Пару минут посидел, костеря их последними словами.

Ладно, попробуем до них докричаться.

— Эй! Эй вы там! Я пришел вытащить вас из этой жопы!

Не понял, что они мне проорали в ответ. Разобрал только два самых простых слова: «Сам жопа».

Походил по обрыву, отыскивая место с нормальной акустикой. Вот тут, кажется, выйдет получше.

— Эй, мать вашу! Не стреляйте! Я пришел вас оттуда вытащить!

«Мать», «падла»...

Я все-таки решил еще раз высунуться... и вторая пуля прошла в сантиметре от виска. Нервная работа — спасать людей. В гробу и в белых тапочках я видел такую работу.

Ну как до них достучаться-то? Даром, что ли, я сюда шел?

Хорошо, попробуем самое простое. Надо написать им записку, а потом обернуть ею подходящий камень и метнуть его на остров. Отсюда, сверху, долетит... скорее всего.

Вот только, ребята... вы же понимаете. Зона — не изобразительная студия для малолетних художников. Фломастеры и карандаши сюда не берут. Я пришел сюда не путевые заметки фигачить. А потому блокнотика у меня нет. У меня только две чужие визитки, да еще две тысячных купюры в карманах куртки.

И что? Как теперь?

Камень я нашел. Ну... пришлось раскровянить себе палец.

Долго и тупо я выводил капельками крови на визитке случайно встреченного в метро одноклассника Борьки: «Я спасатель. Не стреляйте!».

Попутно раскровянил еще один палец, поскольку из первого кровь перестала выжиматься. Подождал, пока высохнет. Вышло криво, невнятно да вообще херово.

Еще одна проблема: визитка, она вам, ребята, не оберточная бумага. Камень в нее не завернуть.

Чем закрепить-то? Соплями? Так насморка нет.

Ладно, отрываю узкий, длинный, кривой как едреный перец лоскут от собственной майки. Привязываю им визитку к камню. Разбегаюсь, отправляю «островитянам» своё письмишко.

Выглядываю. Добросил! Лежат мордами в грязи, руками макушки позакрывали, ожидают, когда рванет.

Да что за хлебать твою муть! А?

Ну, допустим, они в конце концов сообразят, что это не граната и не артефакт «пипец». Ну, допустим, даже сообразят прочесть.

А ответят-то как? Точка-тире-точка-тире из автомата?

Стоп, а если без этой самостоятельности, просто и незамысловато связаться с ними через ПДА? Ну, адресов их я не знаю, но через Синоптика-то мы списаться сможем... разве нет?

Прежде чем пальцы начинают набирать послание Синоптику, в голове у меня всплывает мрачное значение слова «магнетик». Нет, ребята, связи у нас тут не будет никакой. Очень долго. И тот же Синоптик знает о четырех парнях, попавших в ловушку, тоже, по всему виду, от стороннего наблюдателя. То есть группу этот сторонний наблюдатель обнаружил, а вытаскивать почему-то не стал. Ограничился инфой.

Точно. Аномалия «магнетик», редкая и страшно вредная для всякой техники, где используется электричество, вырубил пэдэшную связь.

Приходится мне кровянить еще два пальца. А ради двух предыдущих развязать аптечку. Армия меня научила: можно начать гнить из-за сущей ерунды. А потому не надо ерунде давать шанс.

Любопытно, поймут они там, островитяне эти, слова: «Спасатель, не стрл если понял двойной вздох», — на очередной визитке? Сейчас проверим.

Подказала мне интуиция: выглянь на секундочку, авось увидишь, как твои спасаемые отреагировали на камень с посланием...

Гляжу.

Все четверо, не прячась, стоят у мостика. А рядом с ними на песке очень большими буквами выведено:

СТРЕЛЯТЬ НЕ БУДЕМ! СПАСАЙ ПОЖАЛУЙСТА.

Не стреляют. Ждут.

Хоть что-то стало слава Богу...

Повертевшись у края карьера, я нашел тропинку, узкую, как банзай твою зай, спустился и вышел точно к мосту.

Трое из них были вооружены, один — нет. Но именно этот, безоружный, почему-то выглядел главным в четверке. Невысокий, поджарого телосложения, он носил спецкостюм для защиты от электромагнитного излучения.

Не сталкерский костюм, а какой-то особенный экспериментальный, для ученых, я его видел на экране компа всего-то раз-другой. Лысина ученого была такая же ровная и сверкучая, как хрустальный шар. А обрамляли ее два маленьких сахарных пятна седины. На носу у него красовались очки с линзами в круглой оправе. Мужик близоруко щурился: видно, диоптрий ему не хватало. И еще. Взгляд у него направлен был как будто внутрь него самого.

Не знаю, как сказать, ребята. Этот хрен... он... словно всё время сидел на подводной лодке, а когда требовалось ответить на что-то, исходящее из внешнего мира, поднимал перископ — и нехотя начинал глядеть наружу, а не внутрь.

Для осмотра меня он поднял перископ на несколько секунд, не больше. Он почти не двигался. Стоял, будто памятник — не переступит с места на место, не шелохнется. Кажется, он был из тех, кто не любит возиться с оружием.

Второй — дрыщ какой-то. Чего он без конца лыбится? Может, американец? У американцев есть такая привычка — без конца улыбаться.

Тоже низенький, но с брюшком, и весь такой напонтванный: ходит и руками этак плавно двигает, словно они у него на шарнирах. Когда я учился в универе, у нас препод такой был, мэнээс, то бишь младший научный сотрудник. Редкой подлости человек. Но степенью магистра гордился страшно — как курица первым снесенным яйцом.

У этого мэнээса имелся автомат, и парень укоротил автоматный ремень аж под самую шею. Сразу видно, что он-то оружие любит. Я так и прозвал его про себя — «мэнээсом».

Остальные двое — бойцы. Бойцы с ухватками бойцов, пластикой бойцов, умением правильно взяться за оружие, правильно заполнить разгрузку, правильно сделать всё. Один — высокий широкоплечий парень, очень здоровый. Жгучий брюнет со средиземноморским типом лица. Такие лица можно встретить от Украины до Португалии.

Нос заостренный — мало не клюв хищной птицы. В руках у него энфилдский пулемет L86 с какими-то еще буквами в названии, я не помню. Но, в общем, таскать в Зону добротную английскую машинку весом шесть с половиной кэгэ, если считать с сошками и боезапасом, станет только очень крепкий мужик.

На последнего из четверки я истратил большую часть своего внимания. Ведь это была женщина!

Так, ребята, зацените расклад: Зона кругом, кровь, дерьмо, гильзы грудями разбросаны, лютуют мутанты, мерзость запустения. А в самом центре — высокая стройная длинноволосая блондинка.

Не столько глазами, сколько спинным мозгом я проинтуичил — сероглазая! Щечки-холмики. Холеная кожа. Козлов, которые не знают, о чем я сейчас буду говорить, прошу заткнуться. По-хорошему прошу. Пока — по-хорошему.

Короче, для умных: вот представьте себе, был такой художник Боттичелли, и он страсть как любил рисовать девушек с одним и тем же лицом, но как бы разных. Даже говорят: боттичеллиевское лицо...

В общем, у этой сталкерши было лицо, словно Боттичелли рисовал-рисовал свою излюбленную девицу, а потом рядом с ним появилась лисица. Ну, прибежала лиса из леса, такая наглая. И лисица художнику тоже понравилась. Поэтому выражение лица на картине вышло ужасно лисье. Будто привезли к благородному принцу из диких земель варварскую красавицу, и все считают ее дурой, а она давно разочла и просчитала, как тут всё прибрать к рукам и всех поставить раком.

Женщина была так красива, что мне захотелось отдать ей всё, чем я владею, не требуя ничего взамен. Но потом здравый смысл сообщил мне: у тебя же Галка! Да, у меня за Периметром осталась Галка, и отдать всё я вроде обязался уже ей.

Между нами было метров десять, поганая вода Карьера, мостик над нею и жадинка поверх мостика.

— Я сталкер Сотка, клан Орден. Мне сообщили, что вас заперло жадинкой. Я принял реше...

— Уважаемый... э-э... сталкер Сотка. Не стоит суетиться. — Женщина мило, обезоруживающе улыбнулась, в голосе ее слышался уют разожженного камина, старого пледа и мягкого коньяку, поданного подругой сразу после того как... но снайперскую винтовку Драгунова она не опустила и не забросила на плечо. Ствол ее был направлен мне в солнечное сплетение. — Мы поняли: твоя версия состоит в том, что ты хочешь нас спасти.

— Да, я...

— Мы очень хорошо поняли твое намерение, — улыбнулась женщина. — Кстати, меня зовут Юсси. А это мой напарник Гард. Но прежде чем ты примешься за дело, пожалуйста, давай выясним три вопроса. Прости, парень, но мне так будет спокойнее. Хорошо? Ты не против?

Любопытно, с какой улыбкой она стреляет... С такой же?

Юсси вела переговоры, не интересуясь мнением мужчин. Очевидно, они ей доверяли. Или просто она тут считалась самой опытной сталкершей. Она не говорила «мы», она говорила «я», но прочие соглашались с ее шелковым голосом, нимало не встречая.

— Спрашивай, Юсси.

— Отлично!

Я говорил, что она неправдоподобно красива? И ты об этом не забываешь даже в тот момент, когда она принимается самым незамысловатым способом сажать тебя на крючок.

— Так вот, Сотка. Скажи мне, почему ты до сих пор жив? Или я убила второго спасателя? Ведь я не промахнулась... — Последнюю фразу она произнесла без тени сомнения.

— Стареешь, Баронесса, — с ухмылкой влез мэнээс.

Ни один мускул не дрогнул на ее лице.

— Ты не промахнулась, Юсси, — ответил я. — Ты убила мою винтовку. Очень дорогую.

— Оставляю за собой возможность компенсировать твои потери в будущем. Постараемся как-нибудь договориться, Сотка. А теперь, прости, я вынуждена сообщить тебе

о втором неприятном пункте нашего разговора. Откуда ты узнал про нас?

— Синоптик! Синоптик сообщил! — радостно воскликнул я. Теперь-то все разъяснится.

— Уже лучше. Синоптик — правдоподобная версия, — спокойно ответила она. —

Однако мы не знаем, сколько вас там...

— Я один. Один!

— ...не знаем, сколько вас там, — не заметила она моего бульканья. — И мы не знаем, действительно ли тыходишь в... так называемый клан «Орден»...

— Орден? Пидоры ряженные, — буркнул в сторону мэнээс. И веско харкнул в воду.

Гард лег. Лысый лег. Юсси опустилась на одно колено, не сводя с меня глаз. Мэнээс потоптался и как-то нелепо, медленно, косо встал на четвереньки.

— Извините, я...

— Тихо.

— Я только...

Лысый отвесил ему подзатыльник.

Они застыли вчетвером на полминуты. И только потом трое мужчин позволили себе поднять головы и посмотреть на то место, куда упал плевков мэнээса. Вода там оставалась неподвижной.

— Повезло, — мрачно изрек Гард.

— Продолжим, — ровно, без тени волнения предложила Юсси.

— Продолжим, — вздохнул я.

— В общем, уважаемый сталкер Сотка, мы не знаем, орденский ты или пошлый бандит... извини, пожалуйста... И даже если ты орденский, что тебе понадобилось в Зоне... Пока не убедимся, что с тобой можно иметь дело, мы будем готовы продырявить тебя в любую секунду.

И она еще раз вежливо извинилась.

— Я ждал другого отношения. Но, как видно, из-за своей наивности...

Юсси и Гард вежливо улынулись. Мэнээс заржал. Гард обернулся, коротко засветил спутнику в подбородок, а потом помог ему не упасть.

Она благосклонно кивнула.

— Я ничего не могу вам доказать. Могу лишь заверить, что не имею никакого отношения к бандитам, — сказал я. — А от вас мне нужна услуга, которую, я надеюсь, вы окажете мне в благодарность за мою помощь.

— Чего же ты хочешь? — Голос ее обещал фонтаны рая, лицо — тысячу и одну сказочную ночь, а глаза — расстрел на месте. Она достаточно близко стояла, чтобы я мог рассмотреть выражение глаз.

— Мне надо выйти из Зоны. Как можно быстрее и как можно безопаснее для меня.

Юсси обернулась к Гарду... Легкий кивок. Проигнорировала мэнээса — по нему и без слов было понятно, что он на всё согласен, лишь бы выбраться с островка. Встретилась взглядами с седым.

— Обычная процедура, — бесстрастно изрек он.

Юсси не сводила с него взгляда. Возможно, она не понимала седого.

— Я сказал, обычная процедура.

Баронесса не стала ему перечить.

— Послушай, сталкер, — вернулась она к переговорам, — ты, очевидно, понимаешь, кто перед тобой.

— Два бойца из клана «Долг» и двое ученых из Бункера близ станции Янов.

— Два старших офицера из клана «Долг», профессор Озёрский и его помощник, — невозмутимо поправила она. — Мы не можем себе позволить поощрение уголовщины, даже если на кон поставлены наши жизни. Это я говорю тебе твердо.

— Но как же... — вмянул было мэнээс, однако Юсси молниеносно лягнула его в коленную чашечку, и он заткнулся.

— Жизнь заставляет нас делать странные вещи и зарабатывать не вполне приятными способами, — продолжила она. — Однако убийство человека вне самозащиты для нас неприемлемо.

— Я никого не убивал.

— Хорошо. Так же, как и тяжелые увечья, ограбление, разрушение разума пси-оружием.

— Невиновен.

— Хорошо. Мы проверим это. Мы также не можем тебе позволить вывоз огнестрельного оружия, гранат, боеприпасов и артефактов за пределы Зоны. Я не спрашиваю тебя, с хабаром ты или нет. Я просто объявляю тебе: перед выходом за пределы Зоны ты должен будешь сдать всё запрещенное по законам Украины оружие, и получишь за него компенсацию по минимальным ставкам клана «Долг». Кроме того, если у тебя все-таки завелся хабар, ты тоже обязан сдать его по твердым тарифам Центра аномальной активности Московского гуманитарного университета. Ты согласен?

— Да.

— Превосходно. Что мы ему ответим, Геннадий Владимирович?

Лысый снял очки, устало потер тыльной стороной ладони лоб. Потом сдавил пальцами глазные яблоки.

— Еще одна стандартная процедура. Сделаем молодого человека вольнонаемным рабочим и доставим с образцами за Периметр. Всё равно послезавтра я собирался отправлять вертолет в Брянский филиал... Итог: если готов подождать в Бункере до послезавтра, из Зоны мы его вывезем.

Баронесса посмотрела на меня выжидательно.

— Да, конечно. Послезавтра так послезавтра.

— Подождите, — требовательно произнес ученый.

Озёрский хотел было надеть очки, потом увидел какое-то пятнышко на линзе, вынул белую тряпочку и принялся ликвидировать его. Ни к кому не обращаясь, он сказал куда-то в воздух:

— До чего же спать хочется. Две недели острого недосыпа это перебор...

Осмотрел линзу. Надел. Ништяк ему линза, тряпочка свое дело знает.

— У меня к вам вопрос, молодой человек... Простите, как мне вас называть?

— Сталкер Сотка.

Говорил же! Весь в себе мужик, пока через мегафон прямо в ухо не крикнешь, не воспримет.

— Это кличка, а не имя.

— Тимофей.

— Тимофей... э-э... чеевич?

Далось ему мое ФИО! Что они там, на островке, не насиделись? Хотят продлить удовольствие?

— Тимофей Дмитриевич.

— Это прекрасно! Послушайте, Тимофей Дмитриевич, Юсси — человек добрый, а я — нет. И я не хочу вашей смерти. Поэтому спрошу без затей: вы ведь недавно в Зоне, опыта нет, так вы хоть понимаете, что именно нас разделяет на этом мосту? У меня есть подозрение, что при попытках спасти нашу группу вы сами безнадежно застрянете или нас погубите.

Я уже воздуха в рот набрал, ребята, чтобы послать лысого на хрен... а потом сообразил: он ведь прав. Чем мне как сталкеру гордиться? Тем, как тушканов гранатой разогнал? Как напугал пса-телепата? Как заблудился в трех соснах? Или как в вагоне тушенку трескал?

Поэтому я ответил ему просто:

— На мостике — «гравиконцентрат в стадии пониженной сингулярности». Чтобы разрядить его, нужна дополнительная масса.

Мне показалось, что такому человеку должны понравиться высоконаучные слова.

— Точно, — устало откликнулся проф. — Жадинка. Но вы все равно не понимаете. Поглядите-ка внимательнее, что еще имеет место быть на мостике.

Ну, глянул. Ну, куча песка и камней.

— Не понимает, — с сожалением подтвердил Гард.

Озёрский интеллигентно зевнул.

— Я поясню вам, Тимофей Дмитриевич. Ради доброго здоровья всех нас, здесь ныне пребывающих, не стоит тревожить жидкость, которая заполняет нижнюю часть Карьера. А попытки накидать побольше песка и булыжников неизбежно приведут к тому, что в один прекрасный момент что-нибудь просыплется. Не две-три песчинки, а целая горсть. Или камешек. После этого спасать будет некого. Вы знаете, что такое аномалия с «радарным синдромом»?

— Нет, — честно признался я.

— В радиусе порядка трехсот метров от центра фонового излучения жидкость можно тревожить лишь предметами из металла... Да еще из столь редких элементов таблицы Менделеева, что здесь, в Зоне, их в принципе быть не может. А вот песочек, камушки... да еще, может быть, кто-нибудь от большого ума высморкается... — он посмотрел на мэнэса, — это верная смерть. Нас убьет за несколько мгновений вспышкой мощнейшего пси-излучения, Тимофей Дмитриевич.

— А где тут центр излучения? Может, отключить его, я не знаю...

Мэнэс опять ухмыльнулся.

— Идея не столь плоха, Тимофей Дмитриевич, — ответил Озёрский. — Но, видите ли, только сегодня утром мы сумели собрать данные, позволяющие в самом общем виде описать природу и режим активности «радарного синдрома» в Карьере. Где концентратор излучения К мы еще не знаем.

У Гарда лопнуло терпение:

— Долго возмись, проф. Просто скажите ему, мол, пусть отойдет, а дальше...

— Я хочу, капитан, чтобы молодой человек действовал с полным осознанием ситуации, — сказав это, Озёрский повернулся ко мне и продолжил разъяснения: — Мы набросали вот эту кучу вчетвером. Неужели вы думаете, что четверо физически здоровых людей не сумеют набить жадинку до упора хоть за полчаса?

«Действительно странно», — подумал я. На роже у меня, надо думать, эта мысль отразилась.

— А потом кидать стало некуда. Еще бросок — и песок просыплется. Поэтому я запретил разрядку жадинки. И вам запрещаю. Лучший из всех возможных вариантов, поверьте, таков: отойдите шагов на двести от обрыва, там аномалия «магнетик» перестанет глушить связь, и дайте сообщение о нас... — тут он громко и внятно продиктовал адрес, а потом еще раз громко и внятно продиктовал адрес.

— ...И за вами просто пришлют вертолет, — закончил я.

Баронесса улыбнулась мне лучезарно. Мол, хоть ты и безмозглый упырь, да еще и, может статья, бандит, а искра разума в тебе все-таки светится. Но вдруг лицо ее помрачнело.

— Геннадий Владимирович, вертолет работает на Затоне. С гостями.

— Я помню, Юсси. Ну, лишний час. От силы — два. Да хотя бы и полдня. Не вижу особой проблемы.

— Да просто сидеть тут достало, — подал голос мэнэс.

Никто не обратил на него внимания.

Юсси заметила:

— Вы правы. В техническом смысле. Но обстановка может измениться, если Гуня приведет свою шайку. Или если Пшено явится со своим черным батальоном.

— Пшено мертв, — перебил я Баронессу.

Она, даже не поинтересовавшись, откуда я знаю про смерть бандита, отмахнулась:

— Это не играет роли. Один, другой, третий мертвы, еще дюжина имеет все шансы прийти сюда. Мы — завидная мишень на этом острове.

Озёрский ответил коротко:

— Я это понимаю. Конкретные предложения?

Гард опередил Юсси, обратившись ко мне:

— Крупный металлический предмет. Любая болванка. Вопрос жизни и смерти, парень, чтобы она была чистой — никакого песка, никакой глины.

— Хорошо. Сначала я свяжусь с Бункером. Затем я попытаюсь отыскать металлический предмет потяжелее.

Эти люди вызывали симпатию. По большому счету они крепко вляпались. Но вели себя с достоинством — все, кроме одного. И не обещали за свою жизнь больше того, что могли дать. Общаясь с ними, я стал говорить так же, как они и... как-то иначе думать. Ко мне вернулось обычное мое спокойствие.

Юсси кивнула мне благосклонно. Она, в сущности, ничем не обнадежила меня. Просто кивнула и легонько улыбнулась.

Пришлось заставить себя вспомнить про Галку. Вот так она выглядит, когда сердится. Вот так она смеется. Вот такое у нее родимое пятнышко под правым ухом. Вот такой у нее голос...

Я разобрал «Тавор» и скормил жадинке несколько чисто металлических деталей от него. Ноль эффекта.

— Что ж, стоило хотя бы попытаться, — ободрила меня Баронесса. — А теперь постарайся в точности выполнить всё то, о чем мы здесь говорили... сталкер Сотка.

* * *

...Я шел прочь от Карьера, пока связь не начала работать. Вызвал спасателей. И начал прикидывать, где тут бойкий парень может разжиться центнером ценного металла.

Всей ржави на обозримом пространстве располагалось всего две штуки. Штука номер один — роторный экскаватор. Штука номер два — бульдозер. Обе явно подошли бы. Но обе малость великоваты: пупок развяжется дотаскивать.

Что мне оставалось?

Мегаэкскаватор выглядел как стальная скала. Такую грозную махину лучше не трогать. Ну а, допустим, от такой старой рухляди, как бульдозер, можно и отломать солидную железяку... Там небось половина внутренностей — чистая труха.

И я направился к бульдозеру.

Но не успел пройти и десятка шагов, как за спиной у меня послышалось:

— Я бы тебе не советовал, салажонок. Костей не соберешь.

Глава 12. С Клещом в тайник

Come on, come on, lovin' for the money,
Come on, come on, listen to the money talk.

Что ему сказать-то? Дяденька, отпусти?

Я больше не буду?

— Не дергайся. Руки за голову.

— Клещ... Да тут целый Клондайк артефактов! Тебе хватит на всю жизнь, Клещ... Возьми их, на что я тебе сдался?

Слышу за спиной смех. Противное такое суховатое хихиканье, похожее на кашель.

— Да на хер мне тебя убивать. Стал бы я тебя от верной смерти спасти, если бы уложить хотел?

— От верной смерти, говоришь? — спросил я.

— У меня нет никакого желания убивать тебя. Но я продырявлю тебя в секунду, если вздумаешь лезть на рожон.

И тут меня пробил нервный ржач. Какие разные люди, а какое сходство намерений, мать твою раком!

Стою, руки за головой, ржу, никак ржалка не унимается. Аж багровые пятна перед глазами пошли.

— Что с тобой? — спрашивает Клещ и в его голосе слышится неподдельная тревога.

Хочу ответить, а выходит какое-то гребаное хрюканье.

— Совсем с катушек съехал, — с горечью констатирует он и пинком укладывает меня на песок.

Пока я катаюсь с боку на бок, Луплю ладонями по песку, захлебываюсь хохотом, он деловито срывает с меня АКСУ, вынимает мой нож и вытягивает мой пистолет. Минуты через полторы я, наконец, успокаиваюсь.

А теперь прикинем здраво, что у нас тут произошло. Я лежу на спине, рюкзак мой упирается в песок. Мой старый знакомый сталкер Клещ сидит напротив меня, навесив на плечо АКСУ и расставив по разгрузке прочие мои игрушки. Прикуривает.

— Хочешь?

Мотаю головой.

— Я бросил.

— А я вот никак не могу. Каждый день курю самую последнюю. Штук по десять самых последних. Дурь какая-то: и не накуришься толком, и от курева вроде не избавился.

Молчу. Все козыри у него на руках.

— Клещ, тут есть тайник с артефактами, и я...

— Я в добром настроении, сынок. Поэтому объясню тебе что к чему, прежде чем ты поможешь старику с кое-какой мелочишкой. Для наглядности говорю: посмотри-ка на детектор... Где нынче тот тайник?

Смотрю. Ни хрена...

— Клещ, он на той стороне Карьера... Ерунда какая-то. Только что был здесь, совсем недалеко...

— Теперь перевернись на правый бок.

Перевернулся.

— Молодец. Еще раз посмотри.

Ёмана... Тайник с артефактами переместился на островок.

— Клещ, он теперь вообще...

— Да знаю, салага. Это не тайник. Это обманка.

Он затянулся с такой жадностью, с какой человек, два дня не имевший хлебной крошки во рту, вцепляется в кусок колбасы.

— Обманка?

— Заткнись и послушай. Я очень добрый человек. И мне очень хочется стать обычным тупым цивиллом, отвыкнуть от душегубства. То есть спокойно коптить небо в собственном маленьком домике на природе. Может даже, бабу найти нормальную... Да где они там,

нормальные? Выпускать нормальных перестали, наверное...

Он тяжело вздохнул.

— Поэтому нет у меня ни малейшего желания кончать тебя, сынок. Хоть ты и растрепал, что Клещ в Зоне, так?

Киваю.

— Ну да по хер мне твой треп, темные все равно почували меня с первой секунды...

Этого я не понял. Может, потом прояснится.

— Я даже не стану отбирать твои манатки. Я даже пукалки твои тебе отдам. Потом, конечно, не сейчас. Ты мне понравился потому что. Ты честно выполнил договор — там, на станции Янов. И если сейчас сделаешь ровно то же самое, просто исполнишь договор, тогда всё у тебя будет зашибись. Ты мне нравишься. Ты нормальный: у тебя нет психоза сначала жать на курок, а потом думать — зачем?

И опять Клещ затаился на треть сигареты разом.

— Я тут посматривал за твоей стрелкой с этими щенятами из «Долга»... Зацепила тебя девка? Хороша девка. Если кто-нибудь взбрешет, мол, имел ее, не верь. Она с нами, грязной, не якшается. Ни с кем. Даже с напарником своим, Гардом. Хочешь, помогу тебе вытащить их? Помогу, не сомневайся. Мне не жалко, хотя «долговцев» я за падаль держу. К бульдозеру не лезь: не знаю, какая там смерть, зато знаю, что всякий, кто сунется в кабину, живым не выйдет. Шесть пацанов на бульдозере гробанулось. Или больше — может, я кого не знаю. Да и ни к чему тебе бульдозер. Щенки-то с профом попались не из-за тупой жадинки, а из-за радарника. А я «радарный синдром» могу отключить... Посчитай на пальцах, салажонок, сколько тебе выходит пользы от старого человека.

Еще одна затяжка, и бычок, выкуренный едва ли не по самый фильтр, корчится в песке.

— Чего ты хочешь от меня, Клещ? Ты на моих глазах убил Зару. По душам у нас с тобой не получится. И тебе наше братство на хрен не нужно.

— Какое братство, сынок? Ты что, еще не врубился? Ну ты даешь... — Клещ сказал это очень спокойно. И его тон отрезвил меня. Правду сказать, ребята, ну какое у нас братство? Пшик, а не братство. Мастера... мать твою. А что Зару пристрелил, так жалко девку, конечно. Но она же бешеная, всё равно стала бы мстить за мастера своего...

— Этого, допустим, мы не знаем.

— Я с тобой пробую по-хорошему, парень. А ты борзеешь. Я старый усталый человек, у меня нет ни времени, ни охоты возиться с тобой. Либо ты мне поможешь и будешь жив, либо я тебя пристрелю... Да хрен бы с ним, просто звездану по черепу, брошу здесь и всё сделаю сам. Я и один справлюсь, только возни до хрена. Ну?

Передо мной сидел старый, усталый, смертельно опасный человек. Надо же! Матерый хряк, секач клыкастый, а возится со мной, поросенком, не режет на месте почему-то... может, и не такая он мразь, какой кажется?

— Ладно. Чем тебе помочь, Клещ?

— Тяжести потаскать, уважаемый сталкер Сотка... Синоптик небось такое погоняло тебе дал?

— Да, он.

— Синоптик всегда был редким придурком... Бьюсь об заклад, ты уже сто пятидесятый, кого он Соткой назвал... Смнил бы ты его поскорее на приличное погоняло... А вообще пора идти.

Может, ребята на острове ждут от меня каких-то активных действий. Может, наоборот, Бога благодарят, что я не трепыхаюсь и сижу тихо. В любом случае выбор я свой сделал, вариантов нет.

Верхний край Карьера где-то поднимался, где-то опускался почти к самому дну. Клещ привел меня к самой высокой точке. Здесь, на холме, укоренилось дерево. Давно высохшее,

оно все еще оставалось крепким. Дерево, как и многое в Зоне, было искалечено радиацией. Скрючившись в три погибели, оно тянулось не вверх, а в сторону Карьера, горизонтально. И узловатый ствол его фотогенично застыл над пропастью.

Заканчивался он в метре от кормы роторного экскаватора.

Клещ шел легко. Плевать ему было и на тяжесть рюкзака, и на тяжесть двух стволов. Он двигался, как железный. Будто сама Зона подпитывала его энергией. Старый... усталый... Может, он в голове своей — усталый, а вот в мышцах у него никакой усталости нет.

Мы добрались до дерева. Зацените: я, молодой, еле жив от натуги, а он, курильщик, ничуть не запыхался.

— Оба рюкзака прикопай здесь, в песке. Не бойсь, мы за ними вернемся, — говорит Клещ и сбрасывает свой.

Пока я разгребал песок, Клещ вешал:

— Я тоже был когда-то восторженным щенком вроде тебя. Ах, Зона, ах, чудеса, ах, новые знания, мудрость... Даже братство у меня свое было. И братство я чтил свято, как ничего другого не чтил... А, ладно, потом.

Тем временем я прикопал рюкзаки и посмотрел на него вопросительно.

— Теперь что?

— А теперь, салажонок, мы отправимся за сокровищем, круче которого ты ничего в этой жизни не видел. Одному человеку этого хватит на всю жизнь. Мне — хватит. Я не жадный. Ты вот тайник с артефактами мне обещал, и я тебе признаюсь, как на духу: есть он тут. Мой. Вернее, того клана, который меня, своего отца и брата, продал и предал, а значит, этих сокровищ он больше недостоин. Ты просто поможешь мне артефакты достать. Полезай-ка на дерево.

И сам он полез, притом даже не обернулся, чтобы удостовериться в моем послушании. Вот сука, хорошо людей знает. Что тут сказать, ребята, я полез за ним...

А потом сообразил. Ох, едрить твою налево!

— Стой! Стой, Клещ!

— А?

— Клещ, ты это... у Юсси снайперка.

— Молодец, салажонок, не сдал меня, старика. Я знаю про снайперку. Только нет на островке места, откуда Юсси меня может снять. Вот это угробище нас от нее загораживает, — и он показал на экскаватор. — Лезь давай.

Мы забрались на узловатый ствол и поползли по нему над обрывом.

— Не бойсь, орёл. Подстрахую на посадке... — сказал Клещ и сорвался птичкой-ласточкой с сука.

Ловко у него вышло. Приземлился за ограждением на бетонные плиты в кормовой части экскаватора, как кот, на все четыре. И стволы, и всякая снаряга на нем — ничего не тенькнуло, не динькнуло.

Зар-раза.

А я, ребята, малость замандражировал. Тут ведь чуток не туда ногой дрыгнешь, и приплыли. Внизу тебя ждет волшебная водичка со всеми ее радостями.

— Давай ты, мать твою! Застрял! — подбодрил меня Клещ.

Я подобрал под себя ноги, перестал цепляться за ветви, отходившие от ствола во все стороны, и прыгнул.

...Когда я шипеть перестал, растирая ушибленные ребра, Клещ сказал мне:

— Ма-ла-дец. А теперь вынь ножик свой, с трупа снятый, и вскрой банку, — оказывается, он успел из рюкзака тушенку вынуть и где-то в разгрузке ее припрятать. — Давно жрал?

— Вчера.

— Рубай половину. Мне твои силы понадобятся.

Открыл, срубал. Стесняться, что ли?

— Посиди чуток. Пусть харч усвоится.

Посидели.

И он повел меня вниз, из кормовой части в рубку управления. Полазили по металлическим балкам, нашли люк, фигакнули пару раз по ржавой кремальере...

— Смотрю, залезал сюда кто-то недавно.

Озираюсь. Ни следов, ни хрена. Грязь кругом да мочой воняет, ну да это обычное дело. Забирался кто-то в экскаватор до нас — это наверняка. Но почему недавно?

— Вижу, не понимаешь. Ну, новичок ты в наших делах, сталкер Сотка... хе-хе. Глянь на приборную панель... видишь — торчок, из которого какую-то круглую хрень явно вынули?

— Вижу.

— Ну так вынули оттуда здоровый штурвалище. Им вся эта греботень управляется. Направо там, налево... Много лет назад он изменился. Светиться беленьким стал. Ну, мало ли, какая гнилушка в Зоне светится... Потом ученые реальное бабло стали шинковать за измененные штурвалы. Они тут бывают... в разных местах. Такой вот новый артефакт. Нашему брату сталкеру он на хрен не нужен, а вот ученые нашли в нем излучение с... вот запомнил же точно: «упорядоченной дискретностью». — Клещ подошел к дверце в задней стене рубке, рванул одну кремальеру... сдвинулась легко.

— Теперь всё расшифровывают эту самую упорядоченность, — продолжал он. — И за каждую штуку измененного штурвала стали платить как положено.

Клещ дернул вторую кремальеру. А вот хренушки. Она не сдвинулась ни на миллиметр.

— Приросла, сучка... ох, как давно я тут не был!

Ударил сапогом. Раз, другой, третий. Кремальера не поддавалась. Клещ вытащил откуда-то монтировку устрашающего вида и, не смущаясь, продолжил разъяснять про штурвал:

— Вольные бродяги, понятно, сразу вспомнили, что здесь такая фигня водится, влезли и свинтили... а она опять через одиннадцать дней выперла.

Дзанг! Кремальера стояла на своем.

— ...И с тех пор выпирает регулярно.

Дзанг! Ноль эмоций.

— Я сто лет на Зоне не был, но все тутошные новости знаю.

Дзанг! С тем же успехом.

— ...И не помню, чтобы новость появилась, мол, не прет больше драгоценный опенок штурвал из такого роскошного пня, как эта приборная доска.

Дзанг! Дзанг! Дзанг! Разозлился он, что ли?

— ...Прет он, прет. И срезают его регулярно — кто первый наскочит. Погоди-ка. Тут же был еще...

И вытаскивает лом. Причем и монтировка, и лом припрятаны были, не на виду заложил тут Клещ свой инструмент для грубой работы...

Дзубр-р! Жажимаю уши — очень уж громко.

— А значит, были тут гости не больше, чем одиннадцать суток назад. И хабар привычный они подобрали. И еще поржали, мол, «радарный эффект» в соединении с измененным штурвалом и «магнетиком» такую роскошную обманку тут поселили — всем мультёны мерещатся...

Дзубр-р! Дзубр-р! Дзубр-р! И-и-и!

Нервно взвизгнув, кремальера поддалась.

— Не зря меня Клещом прозвали — если уж вцепился, это надолго... В общем, поржали, да и свалили, а реальные мультёны лежат-полеживают, знатока дожидаются. Просто

эффект такой — искажает работу детектора на разные лады. Заходи, сынок.

За дверью располагался мужицкий хламовник. Пространство было завалено катушками провода, кусками брезента, бутылками с горючкой, деталями старых механизмов, аккумуляторами, беспорядочно разбросанными припасами электрика, глыбами застывшего гудрона, проволокой, изоляцией.

— Выгребай всё отседова, — велит Клещ. — Стеллажи по стенкам не трогай, а остальное выгребай.

— Куда?

— Да прямо в рубку.

Помаленьку выгреб.

В центре хламовника — массивная металлическая плита с четырьмя приваренными ручками. Вот ее-то нам и тащить.

— А что, Клещ, если бы ты меня не встретил, ты бы в одиночку с плитой возиться начал?

— Угу.

— Да тут одному никак. Хоть с экзоброней, хоть без.

— Вот именно.

Он сосредоточенно копался в хламе, который я минуту назад выкинул в рубку. Вынимал какие-то валики, шкивы, металлические уголки... о, тросик ему металлический понадобился.

— Врубаешься, салажонок?

— Пока нет.

— Ты по образованию кто? Уж больно нелепо ругаешься, сразу видно, что вуз заканчивал.

— Историк.

«Это я-то нелепо ругаюсь?» — обиделся я, но виду не подал.

— Ну да, гуманитарий... Этим всё сказано. А я вот в прошлой жизни учился на инженера. И кое-что помню из элементарной механики.

Клещ приспособил тросики к двум скобкам на плите и принялся соорудать какой-то механизм, то и дело бормоча себе под нос: «плечо рычага»... «барабан»... «передаточное»... «ага, усилим...»

Соорудил. С каждой стороны барабана, на который наматывался тросик, торчало по большой металлической ручке.

— Видал? — спросил Клещ горделиво. — Теперь только налегай, сама пойдет.

Мы налегли всем весом на ручки. И — точно! — пошло легко. Весь агрегат начало медленно, но верно подтаскивать к плите. Плита, разумеется, с места не сдвинулась.

— Ёшкин кот, закрепить же как-то надо было, — растерянно пробормотал Клещ.

Взгляд его метался по стенам, полу и потолку, отыскивая какие-нибудь драгоценные выступы, скобы или хрен его знает что — чтобы зацепить механизм с барабаном. Если бы я подошел к Клещу сейчас и огрел монтировкой по кумполу, он бы отбросил копыта, не заметив этой мелкой подляны. И последняя мысль у инженера Клеща, наверное, была бы: «Дайте мне точку опоры!»

Но я не стал вредить ему. Не знаю, как оно случилось, но во мне не осталось ненависти к этому юродивому.

— Инженер, говоришь...

— Инженер, — вздохнул Клещ. — Давай уже... это самое. Еще раз.

Он плюнул в сердцах, положил под барабан деревянный брусок и взялся за ручку. Я пристроился к той же ручке.

Уйюахтыгробинама-а-а-а-ать.

Еще раз.

Айахтыт-твою-ё-о-о-о-о...

Еще раз.

Даетит-т-т-то-с-с-с-с-у-ка-н-н-н-н-на!

Еще раз.

Еще раз.

Падла железная...

Ну что, ребята, нет такой падлы, какую русский мужик не осилит. Мы сдвинули плиту, хотя в процессе едва не родили.

Не сняли, еще раз тупым разжевываю, а именно сдвинули. И через открывшуюся дыру, пожалуй, можно было брюхо протащить! Клещовское брюхо вряд ли, а вот мое худосочное — точно можно.

У Клеща глаза засверкали, пушку свою он схватил и на меня наставил.

— А теперь лезь туда, парень. И без выкрутасов там. Некоторым башню срывает от одного вида ценной вещи. Вот я тебя и предупреждаю: я реально помню, сколько там чего, и я реально тебя пристрелю, если забалуешь. Пошёл!

Протискиваюсь в отверстие.

— Высоко там?

— Нет, — отвечает мне Клещ. — Там вообще безопасно. Просто темно.

Ну, безопасно не безопасно, а коленом я крепко звезданулся.

Клещ подсветил мне фонариком.

Меня обступали со всех сторон тесные недра того царства, где монархом был механик-водитель. Не дай бог, лишний раз резко повернуться. Либо балдой о железяку стукнешься, либо рукой-ногой в электрику въедешь, а она тут, в Зоне, как это ни дико, частенько до сих пор подпитывается.

Чем подпитывается? Темной энергией Зоны, само собой.

Вон лампочки мигают, и гуденье заунывное стоит. Всё работает, ребята! Может, мне и за Периметр выехать на этом монстре? Какая аномалия его остановит?

— Электричества стерегись, сынок. Долбанет — мало не покажется... Глянь-ка, справа от тебя сиденье должно быть, а под ним стоит ящик, покрытый брезентом. Есть?

Брезент в руках расползся. А вот и ящик — с коробками какими-то, свертками.

— Глянь-ка, Клещ, этот? — приподнимаю ящик. Тяжелый, зараза.

— Он самый. Держи так, я его тебе освобожу.

Клещ лег на живот и принялся вытаскивать наружу свое барахлишко.

— Всё! — кричит. — Можешь опускать ящик!

Опустил. Взмок как мышь!

— А теперь, — говорит Клещ, — очень внимательно. Не туда, куда надо, пальцем ткнешь, и мы с тобой на воздух взлетим. Понял?

— Чай, не дурак. Жить хочу.

— Вот и хорошо. Помнишь, в сети шухер был, когда Радар распистонили и весь клан «Монолит» положили?

— Ну, вроде.

— Так вот, они тут второй Радар монтировали. Только ослабели что-то. Ими же Хозяева Зоны управляют, «монолитовцами». А Хозяевам Зоны самим досталось, когда по Радару вдарили. Не те уже силенки. Короче, некому теперь второй Радар отстраивать, перещелкали «монолитовцев» как клопов. Как и моих придурков. — Клещ вздохнул. — В общем, часть аппаратуры работает. Работает в десятую долю проектной мощности. И вспышки иногда бывают, это тебе проф объяснил. Вот и весь «радарный синдром».

— Это я понял, Клещ. Но только давай я сначала наружу вылезу, а потом мы с тобой за

жизнь потрындим.

— Нетерпеливый ты, салажонок. У тебя за спиной должен быть щиток. Ну, распределительный щит.

— Вижу.

— Ничего не трогай. Я тебе сначала объясню, куда жать, а потом уже жми. Осторожненько, парень, осторожненько. Не спеши. Там есть кнопка, жми на нее.

Короче, жму.

...Все остались живы.

Гудение смолкло. Лампочки погасли. Запах даже как-то изменился — раньше пахло изоляцией, а потом запахло озоном.

— Спасибо тебе, Черный Сталкер, — бормочет Клещ.

Подает мне руку, мол, цепляйся да вылезай.

С кряхтением тянусь наверх.

Молчу. Иногда лучше молчать, а то еще скажешь что-нибудь.

Клещ, не торопясь, распаковывает свертки из коробки, расставляет добытые оттуда предметы по полу и что-то бормочет себе под нос.

Он закончил свою работу, полюбовался ею, подправил пару косо поставленных предметов ногой. Отойдя на пару шагов, он принял позу художника, любующегося только что завершенным полотном. И сказал:

— В общем, сынок, поздно я понял, но понял твердо, на все сто понял: ничего нет в Зоне, кроме хабара. Хабар дает силу, власть, богатство. Иначе говоря, парень, он дает свободу. Больше сюда ходить незачем. Пришел, добыл, продал — и живи, в ус не дуй. Больше ничего.

А потом рукой вновь показывает мне на свои эти штуки, добытые из мехводовской преисподней — полюбуйся.

Ну и задает вопрос:

— Ты хоть понимаешь, что перед тобой? Такого ты больше никогда и нигде не увидишь. Пареньку вроде тебя раз в жизни выпадает случай увидеть такое... Ну, брат сталкер, мать твою во все дыхательные и пихательные, назови мне их. Можешь?

Смотрю.

О!

Он был прав. Такого я никогда не видел и, надо думать, вряд ли увижу. На секунду у меня перехватило дыхание. Передо мной лежали вещи абсолютно чужие — как с другой планеты! — опасные, но... странно красивые.

— Ну... «Мамины бусы» и «пузырь» я знаю. Ведь вот те кривые зелененькие яички... ну, не яички, а такие пустые штуки, ну... как будто они...

— Да, салажонок, это самые настоящий «пузырь».

— А светящаяся линза, она... э-э-э... «подсолнух», да?

— Верно.

— Но от него же радиация какая должна быть!

Клещ усмехнулся:

— Для лопухов и «подсолнух» вреден. А знающий человек всегда сообразит, как его обработать, чтобы он не фонил.

— Так. Ну, за «сонным шаром» мы к электровозу ходили, так что его описание у меня в голове намертво врублено. А как ты его сюда...

— Тот у меня в рюкзаке. Ты глянь, какая красивая штука!

Я заворуженно кивнул. Фиговина и на самом деле вызывала у меня детский восторг. Блестящий шарик из сине-белого металла правильной формы и размером со средние елочные украшения — только сразу видно, что очень тяжелый. Весь он окутан мерцающей дымкой, в

которой проглядывают размытые образы: люди, деревья, непонятные животные, дворцы, храмы...

— Насчет остальных я не знаю.

— Про них вообще мало кто знает. Это «звезда Полынь», а это «плеяда». Встречаются крайне редко. И только в тех местах, где водится старая техника, советских еще времен. «Плеяда» вообще попадает только в кабинах советских вездеходов, его иначе как на кладбищах радиоактивной техники, брошенной в 1986-м, нигде и не находили. Известно всего две штуки, это третья. Знаешь, что при определенном воздействии он за пределами Зоны обеспечивает нуль-транспортировку?

У меня слов не было. Я сначала кивнул впечатленно. Мол, фигасе!

Потом покачал головой с сомнением.

Придурок придурком, иначе говоря. Но кто бы тут не офигел?

— «Звезда Полынь» малость чаще попадает. Известны пять экземпляров. Ты видишь шестой. При активизации может сделать из идиота сущего гения. На год примерно...

Они были чем-то похожи — «звезда Полынь» и «плеяда». Обе хабаринки приковывали к себе взгляд, притягивали ум.

Я смотрел на них неотступно. И было мне тоскливо. Как-то они добрались до моих потрохов и развели там дикую тоску. А потом вдруг на месте тоски рванула бомба веселья. Да нет же, всё будет хорошо! Всё устаканится, как надо! Работай, и мы всё преодолеем!

На меня вновь накатила приступ истерического смеха.

Клещ беспощадно охаживал меня по щекам.

— Эй, ты чего?

Он поморщился и хмыкнул.

— Очухался... молоток. Второй раз вижу, чтоб «плеядой» так зацепило... Хлипкий ты, пацан. В общем, не смотри на «плеяду» в упор. Рехнешься.

— А вон та... ну... три маленьких арочки как бы из слоновой кости, а из них такие цилиндрики... ну... как фонарики маленькие торчат... Вот, которая как резиновая, а в то же время как резная, твердая... ой, да ты ее на вдвое больше растянул... это... это... что?

— Это «смерть-лампа». Не бойсь, она сейчас в «спящем режиме». Но убивалка, конечно, очень эффективная. Аж из Зоны выносить страшно.

— Так не выноси!

— Да поздно уже, есть она у военных... И потом, она еще и от рака лечит, если применять правильно. В общем, смотри кому продать.

Секунду я думал: стоит ли ему сказать пару ласковых? Ведь я и вправду жив лишь из-за его причуды... А потом все-таки решился:

— Клещ, ты хочешь вынести и продать хер знает кому штуки полезные и опасные одновременно. Ты в курсе, что ими потом будут делать? Ведь не из-за рака у тебя ту же «смерть-лампу» купят. Ты ведь сам понимаешь, не из-за рака... Неужели тебе бабло так позарез надо? Ты же не нищий!

Клещ ответил мне просто, без затей. Думаю, ответил он чистую правду:

— Всё это в сумме — большое богатство. Моё богатство. А богатый человек живет спокойно. Его не беспокоит мысль, что он будет жрать через неделю, когда последние бабки выйдут. И ему плевать на то, что он может вылететь с работы. У него есть бабки и, значит, о некоторых вещах в этой жизни голова у него не болит. Запомни, сынок, запомни на всю жизнь: богатство дает кайф покоя. Оно еще много чего дает, но эта вещь — самая драгоценная. Что, по роже твоей вижу, не разделяешь моих идей?

— Нет, Клещ. Не то что не разделяю, просто жизнь такая мне не нравится, когда всё через бабло меряется... А артефакты мне твои нравятся. Смотреть на них приятно. Они... необычные.

— Много ты понимаешь в жизни, салажонок... Я так мыслю, ты столько денег, сколько сейчас перед тобой на полу валяется, в жизни не видел. Тем более в руках не держал. И ты просто не понимаешь, как это: стать состоятельным человеком, у которого на всю жизнь до гробовой доски спокуха на лице, а потом взять да и вышвырнуть свое состояние в мусорку, Зоне подарить. Нет, брат сталкер, ты еще щенок по жизни, ты еще много чего не понимаешь.

Уж больно долго он говорил. Словно сам себя уговаривал. Типа «я боец старый, я свое заработал, а мне салажня голову своей этикой морочит» — вот только сам старый боец как-то себе не нравится. Что-то не так у него в жизни, как он сам хотел. Это ж видно.

А насчет того, Клещ, сколько я денег и матценностей перевидал на своем веку, так лучше промолчу... Своих у меня отродясь много не водилось. А вот начзаставы мой, майор Солодов Михаил Васильевич, очень даже солидные бабки контролировал.

Я не помню точно, то ли в 2017-м, то ли в 2018-м русско-казахскую границу наконец-то закрыли. То есть начали ставить там заставы, погранстолбы, провели контрольно-следовую полосу, учредили визовый режим переезда туда-сюда-обратно.

Но там, ребята, был такой трафик, что ключи от этой границы живо купили местные «бароны». Милицию, прокуратуру, суды, армейских командиров, да всех. Иногда сдавали немного герыча, чтобы их корешам из ментовки было чем отчитаться перед своим начальством: мол, так и так, службу несем, ловим наркоторговцев...

И была еще борзота, которая на свой страх и риск перла героин через все кордоны, палила по всем, кто совался к ее грузу, наводила ужас на местных, но жила вне системы. Так вот, начзаставы наш выслал как-то тревожную группу — преследовать грузовичок, тупо переехавший контрольно-следовую полосу и обстрелявший наряд.

Наши разозлились, пристрелили шоферюгу, положили бойцов и взяли грузовичок со всем грузом. А груза там было ни много ни мало два центнера чистейшего афганского героина...

А? Прикиньте! Хоть всю жизнь из Зоны артефакты таскай, а столько бабла не отхватишь, сколько стоит двести кэгэ неразбодяженного герыча. Прикинули?

И вся застава знает: на хоздворе золотой наркоты — немерено.

Выстроил нас майор Солодов на плацу и сказал... не помню точно, но как-то так: «Мне уже позвонили и ознакомили с приказом, кто, когда, на чем всё это доброцо у нас заберет. По закону я должен его отдать. Моя работа — пресечь нарушение границы, а притрагиваться к конфискату я не имею права. Но если я его отдам, то он отправится в наши города, и там от него сдохнет полно наших людей. Ведь всё уже купили эти суки, товар просто хозяина поменяет... Я приказываю вам, ефрейтор такой-то, вам, ефрейтор такой-то, и вам, младший сержант такой-то, оттащить за баню и спалить всю эту дурь на хрен. Перед тем как жечь героин, приказываю надеть противогазы. Если кто-нибудь при исполнении занажит хоть жменю, пристрелю вот этой рукой. Ясно? Выполнять приказ. А теперь ко всем остальным обращаюсь: прощайте ребята. Просто они там должны знать — на каждое их дерьмо обязательно найдется хоть один сумасшедший русский офицер, которому Бог велел жить по правде... А теперь ты, Васильпетрович, — говорит он зампобою, — командуй разводом. Не забудь, пару людей отправь в боксы — порядок навести».

Майора Солодова быстро куда-то отозвали, потом вместо него назначили другого майора, потом офицеры заставы неделю ходили мрачными и собирали деньги для вдовы, а потом я ушел на дембель...

Но как тебе это рассказать, Клещ? Какой у меня резон всё это тебе рассказывать?

— Что-то морда твоя мне не нравится, — говорит Клещ. — Очень мне не нравится твоя морда, сынок... Небось о красивеньких ребятах думаешь, о чистеньких таких ребятках, вроде Юсси с Гардом. Да? Честные «долговцы», хабар ученым по твердому тарифу сдают, из Зоны к цивилам зло не выволакивают, зарплатой не гнушаются... Мол, раз эти жить могут как

люди, то и другим быть чистенькими не влом и не запахло... Да? А знаешь, сколько на них душ висит? Знаешь, что у обоих руки в крови аж по локоть? Знаешь, что оба не дураки деньгу зашибить, и только потому Зону топчут? Баронесса любит меха. Без чернубурой лисицы ей не жизнь. В свет не с чем выходить, если манто лисье на плечи не положит! А Гард содержит арабского жеребца в частном клубе и ходит в часах за сорок тонн. Они ребята не простые. Обожают, чтоб ты знал, японскую гравюру коллекционировать.

Про Юсси с Гардом я и думать не думал, но Клещу я отвечаю, спокойно так:

— Раздвоенный ты какой-то человек, Клещ. Тебя вроде как двое. И то один, то другой высунется.

— Вот ты сейчас думаешь, что много знаешь, много видел, что я не прав и что в жизни есть вещи, которые мое понимание просто в пыль сносят... Так? По морде твоей вижу, сынок: всё именно так. Только послушай, что тебе старый дурак скажет: ты сам — раздвоенный человек. Хочешь одного, делаешь другое. Ты добряк, у тебя речи книжные, у тебя нутро от вида дерьма кривится. Теперь ответь мне: на кой хрен ты тогда пришел в Зону?

Сейчас надо финалить дело с ребятами на островке. Я говорю ему:

— Потом расскажу. Если в двух словах, то мне за Периметром холодно.

— Что?

А я и сам понять не могу — что. Само собой сказалось. Всплыло откуда-то. Почему холодно? Отчего я так ему сказал?

— Клещ, — говорю, — долгий разговор. Ну чего нам теперь тут... Все равно каждый при своем останется.

Он качает головой невесело. Ерунда у нас с ним какая-то получилась. Вчера вроде поубивать друг друга хотели, сегодня вроде скорешились. Но сейчас вот снова заговорили на разных языках.

Клещ принимается собирать артефакты да складывать их в какой-то резиновый мешочек. Всякий раз, когда в мешочек ложится новый артефакт, он вроде растягивается, а потом опять делается маленьким, будто туда ничего не клали. Такая вот странная вещица у него.

— Что глядишь? Никогда прежде гибкого контейнера не видел?

Поджимаю губы, мол, ни фига не видел.

— Чему они вас только в Ордене учат?! Тут принцип работы на использовании двух артефактов построен. Один — в виде мелкой крошки, а от другого — отвар... Опять же наши умельцы из Зоны наладили.

И объясняет-то Клещ как-то уныло. Будто куском дерьма по наждачной бумаге пишет: не столько разъяснить, сколько быстрее разъяснение закончить ему хочется.

Смотрит на меня с печалью и досадой.

— Всё, парень, я с тобой расплатился. Кранты «радарному синдрому»... Так?

— Так. Всё по-честному.

— А теперь будем выбираться отсюда.

Глава 13. Химера

I'm a rolling thunder, a pouring rain,
I'm cornin' on like a hurricane.
My lightning's flashing across the sky,
You're only young but you're gonna die.

Клещ ушел тихо, никаких ссор затевать не стал.

Оставил мне и рюкзак, и оружие, повернулся спиной и зашагал прочь. Не колебался ни секунды: стреляй — не хочу.

Появилась у меня сердечная симпатия к этому душегубу. Хрен его знает почему. Безо всяких причин... И я крикнул ему вслед:

— Куда ты, Клещ? Может, вместе из Зоны выйдем?

Он поворачивается и говорит:

— Чует мое сердце, мы еще встретимся, салажонок, еще поспорим о важном за стопкой чая. Зона — она человеческие споры любит... Но сейчас нам с тобой не по дороге. И тебе надо держаться подальше от меня.

— Ты думаешь?

— Я же темный сталкер, ты забыл?

— Ну, темный. И хрена ли?

— Я многое чувствую заранее, так сказать, авансом... Например, сейчас я чувствую, что человек, за головой которого я пришел в Зону, идет ко мне. Он не один, и он уже близко. Он так же хочет убить меня, как и я его. Но все-таки прикончу его я. По святому закону мести... В общем, не до тебя мне сейчас, радиоактивное мясо.

Мне вдруг вновь стало его жалко — такого старого и такого злобного.

— Мечь? А нужна она тебе — эта мечь? Может, ну ее на? Ты же богатый человек теперь!

— Ты не поймешь, сынок. Некоторые вещи нельзя забыть. И простить тоже нельзя.

— А вдруг — можно?

Он сплюнул вяло так и говорит:

— Наверное, можно... Но зачем?

Я растерялся. Что ему ответить? Тогда я не знал. Это сейчас мне кажется, что знаю.

Для того чтобы накормить жадинку досыта, понадобилось килограммов пятнадцать песку. Жадная оказалась жадинка. Гребли с обеих сторон — молча, сосредоточенно.

Юсси миновала мостик первой. Подождала остальных. Потом объявила:

— След в след. Первой иду я. Вторым — Чебыш, третьим — Сотка, четвертым — вы, Геннадий Владимирович. Замыкает Гард. Быстрым шагом, общее направление на аномальную рошу. Верно, Гард?

— Верно. Либо южнее, либо севернее, только не через Янов.

— Двести шагов вперед, марш!

Меня ни о чем не спросили. Просто поверили или, может быть, по каким-то своим датчикам поняли: «радарного синдрома» больше нет. Что всё это моя заслуга, я пока не говорил, скромность меня заедала! А что вызов на указанный адрес отправлен, это я им сказал...

Они были спокойные, уверенные в себе ребята.

Юсси:

— Всем: стоять. Подтянуться ближе ко мне. Гард, подойди: есть связь. Надо прикинуть маршрут.

И они негромко заворковали в сторонке, мол, нужно видеть обстановку, мол, как бы не нарваться на бандитский заслон... чего-то гон продолжается... чего-то безопасней запросить...

Профессор Озёрский обратился ко мне:

— Пока специалисты совещаются, как им лучше довести нас до Бункера, а задам вам, Тимофей Дмитриевич, один чисто дилетантский вопрос. Вы, я надеюсь, не против?

— Пожалуйста, профессор.

— Превосходно. На мой взгляд, вам кто-то помогал найти и отключить нечто — я даже представления не имею, что это было, — создававшее «радарный синдром» на территории

Карьера. Между тем, по вашим словам, других спасателей здесь нет. Во всяком случае, они не решились показаться нам на глаза. Но... вы там изрядно пошумели.

Геннадий Владимирович Озёрский — очень вежливый человек. И, как видно, очень хорошо приученный Зоной к состоянию неубывающей тревоги. Он задал вопрос самым спокойным тоном. Но по глазам было видно: я его пугаю.

Я.

Зацените: я, новичок со стареньким автоматом, чем-то до жути пугаю человека, знающего Зону лучше иных бывалых сталкеров.

Но что во мне, собственно, такого? Чего бояться?

— Ну да, мне помогли. Мимо проходил один бывалый сталкер, помог мне и отправился по своим делам.

Озёрский позвал Юсси.

— Извините, я вынужден прервать ваше совещание, но...

— Я слышала. Правильно прервали.

И оба смотрят на меня. Нет, не двое. Все четверо. И крайне нетерпеливо.

— А что тут, собственно, такого? И чего бояться?

— Кто это был? — Юсси задала вопрос очень тихо и очень отчетливо.

Вы бы, парни, видели ее зрачки в этот момент...

— Темный сталкер Клещ.

Мэнээс вскочил, как ужаленный. Гард на одном рефлексе встал так, чтобы прикрыть огнем, в случае надобности, направление от нас до роторного экскаватора. Профессор покачал головой и пробормотал: «Мы еще не выбрались». Юсси молча протянула мне ПДА.

— Где сейчас Клещ?

Важная птица — мой знакомый. Во второй раз убеждаюсь.

На экранчике я увидел сообщение от регионального штаба «долговцев»: «В ответ на ваш запрос о пребывании живой силы в радиусе 500 метров от группы Озёрского сообщаем: 2 метра удаления — сталкер третьего разряда Сотка, клан «Орден». 370 метров к северо-западу — банда Репы: сам Репа, Ваню, Лобан, Санитар, Слоны и двадцать четыре анонима. Двигаются на сближение. 440 метров к северо-востоку — темный сталкер Варвар, темный сталкер Маг, темный сталкер Арлекин, темный сталкер второго разряда Гомонай. Двигаются на удаление. 495 метров к северо-востоку — аноним А-101, клан «Орден»».

— Синоптик, значит, не продал еще свою инфу...

Трое смотрят на меня с удивлением, а вот Юсси сообразила сразу:

— Синоптик — хитрован. Но нам до него дела нет. Кто из всех? Не тяни, времени нет.

— Сто первый из орденских.

Гард аж присвистнул:

— Клещ в «Ордене»? Поверить не могу. Среди этих...

«...Ряженных пидоров!» — договорил я про себя за Гарда.

— Нет. Уже нет. Да и числился-то у нас исключительно для маскировки.

Юсси спокойно осведомляется:

— Ты его друг?

— Вряд ли. Не знаю. Но он мне точно не враг.

Мэнээс как заржет:

— Ха-ха-ха, хорош новичок, ха-ха-ха, ты во всей Зоне, выходит, один, ха-ха-ха, кому Клещ не враг...

— Ладно, потом разберемся, — с досадой морщится Юсси. — Его намерения? Зачем он вышел на нас?

— Не на вас. Вы тут вообще ни при чем. Он вышел на меня.

Гард, Юсси и проф обменялись недоверчивыми взглядами. И Геннадий Владимирович,

пристально глядя мне в глаза, начал задавать какой-то мудреный вопрос, смысл которого от меня ускользал, поскольку за спиной у профа началось смутное мельтешение. Он говорил что-то о странных совпадениях, о неправильно понятых намерениях, об опасности... А я смотрел ему за спину и понять не мог: что за на фиг?

— Что там за херь?

В сущности, что я, ребята, видел? Невнятное шевеление. Будто воздух мреет над горячим асфальтом. Только мреение — оно более или менее неподвижное, а эта штука... или... пятно... в общем, ребята, оно двигалось!

И пятно это вдруг оказалось в пяти шагах от нас. То, что происходило потом, сохранилось у меня в памяти не целиком, а отдельными картинками.

Гард успеваешь выстрелить.

Больше никто не успел. Куда он палит?

...Мэнээс падает с разодранным горлом, кровь хлещет из него. Тело мэнээса странно размывается, я вижу его лицо, его руки, его одежду будто сквозь пелену. Блеклый силуэт ползает по мертвому телу, рвет его. Тут у меня начинает просыпаться понимание того...

...успел поднять автомат, выставить его вперед и даже разок выстрелить. Слева бьет из «драгуновки» Юсси. Справа — Гард скачет, пытаюсь прицелиться так, чтобы не убить меня. Огромная, почти невидимая лапа вышибает у меня из рук АКСУ...

...куда-то в сторону...

...кровавая клякса расплывается прямо в воздухе в шаге от меня...

...медлит...

...оба стреляют, стреляют...

— Химера! — орет профессор. — Прозрачная химера...

...рессорник у меня в руке. Никакое оружие против химеры...

...начинает терять прозрачность. Все бока в крови. Но она никак не бросается на меня. Я вижу зубастую пасть, вторую маленькую, деградировавшую голову сбоку от главной, «рабочей». Химера встает, как дикая кошка, на задние лапы и странно перебирает в воздухе передними. Нож разрезает воздух. Мимо...

...Медлит. Почему она медлит? Почему она медлит и никак не прикончит меня?..

...пляшет перед самым носом, уворачиваясь от пуль. Гард попадает. Или Юсси? Еще. И еще раз...

...замах ножом. Не могу попасть по ней. Верткая! Опять промах...

...где?..

— Ушла, — с перекошенным лицом констатирует Озёрский. — Так не бывает. Первый раз вижу, чтобы раненая химера ушла, не попытавшись убить. Таких случаев не зафиксировано. Не понимаю. Эта тварь на компромиссы не идет.

Гард еще пытается выцелить прозрачную химеру — четыре больших алых розы с невероятной скоростью несущиеся над землей метрах в сорока от нас. Четыре пули мы вбили в нее, а ей по хер.

— Какого буя она меня не убила? — спрашиваю я.

Впрочем, это только мне кажется — спрашиваю! На самом деле шепчу еле-еле. Никто меня не слышит.

У моих ног валяется труп мэнээса. Голова почти отделена от тела, держится только на двух лоскутах кожи. Сколько крови! Он, наверное, высох изнутри.

— Плохо, — говорит Юсси.

Да уж чего тут хорошего! Человека убили, раненая тварюга в двух шагах... Но Юсси, оказывается, совсем не мертвого мэнээса имела в виду, когда сказала «плохо»... И даже не монстра!

— Очень плохо. Засветились. Репа знает, где мы. Его ребята нас уже выцеливают.

Готовьтесь к бою.

Наверное, я по жизни такой медлительный. Не очень понимаю, как так можно: мужику только что горло разорвали, а мы и думать о нем не думаем, просто переключаемся на новую тему... Но пока у меня в башке отстаивается недоумение, пальцы сами шарят в траве, ищут АКСУ. Вот он, родименький, провонял пороховой кислотой. Ну да я тебя и такого люблю.

Как только я поднимаю автомат, точь-в-точь на этом месте пуля вышибает фонтанчик земли.

— Ложись! — кричит Юсси.

А L86 Гарда выдает длинную очередь.

Кто по нам палит, мать вашу, я не вижу никого, да драть вашу фишку...

Ищу глазами врага, и тут прямо передо мной земля вздымается в воздух. Рот, глаза, нос, уши — всё заляпано грёбаной глиной, я лечу с копыт и хрюпаюсь башкой оземь.

Проф ловко тянет меня за ногу с открытого места к низинке. В голове у меня ритмично звенит: «Уйом! уйом! уйом!»

— Наконец-то, — произносит Озёрский.

А что — наконец-то? Чему конец?

Переворачиваюсь на брюхо и вижу какое-то движение за две сотни шагов от нас. Выдаю в ту сторону одиночный выстрел. Еще один. Больше для собственного успокоения, чем в кого-то там конкретно.

Вдруг меня накрывает огромной тенью. Вскидываюсь и вижу: этот дурацкий «уйом», оказывается, звучал не только у меня в голове. Над нами висит старый добрый Ми-24 с ракетной подвеской.

— ...уками закро... — орет Озёрский.

— Чего закры... — вижу, как он падает в траву, сжав ладонями виски. Но сам не успеваю последовать его примеру. Прямо над головой раздается рёв-рёв-рёв-рёв!

А, мать твою так! А-а-а!

Падаю рядом с профом, зажимаю уши, но уши, по-моему, насмерть убиты, там пустота, там серая вата — аж до самого центра мозга...

— ...икро!.. — Голос Юсси.

Кто-то ловко цепляет меня и забрасывает внутрь вертолета. Секунду спустя поверх моей тушки распластывается Озёрский. Юсси лезет в салон, а за ее спиной Гард отстреливает по гадам весь магазин одной чудовищно длинной очередью. Потом запрыгивает сам и вопит летчику:

— Еще разок! У них там может быть пэзэрка! Богатая банда!

Толчок! Мы катимся по полу... Взлетели? И справа опять раздается рёв-рёв-рёв-рёв! Мне, с заложенными ушами, слышно лишь, как срываются с подвески ракеты класса «воздух — земля».

— Там был Ваню, Баронесса! И я его зацепил! — орет Гард с довольной рожей.

— Получил своё! Был нормальным парнем, стал бандитом! — отвечает Юсси.

Пуля влетает в салон, рвет обивку сиденья, с визгом рикошетит и успокаивается... не пойму где. Но мы взлетаем. Мы взлетаем, ребята. Мы живы.

Проф неторопливо слезает с меня.

— Перевяжи меня, — спокойно обращается он к Юсси, выставив правый локоть вперед. По руке его течет кровь. — Очень некстати. Очень не вовремя. График экспериментов летит к чертям собачьим...

Баронесса тянется к рюкзаку — за аптечкой.

— Покажи-ка свой нож, — просит меня Гард.

Я вынимаю рессорник и машинально протягиваю его «долговцу», но потом, вздрогнув, отдергиваю руку. Всё лезвие до самого острия приобрело премерзкий химически-синий

оттенок, в норме лезвиям не свойственный.

Гард говорит мне:

— Говорят, есть такое мутантное растение, черная гвоздика...

— Скорее, это был черный василек, — вспоминаю я.

— Спрячь-ка его назад. А то мне как-то неспокойно.

Прячу. У Гарда в глазах стоит удивление:

— Как же ты сообразил мутабой сварганить?

— Мута... что? — переспрашиваю я.

Вместо Гарда отвечает профессор:

— Мутабой. На сталкерском сленге — очень редкое оружие, отпугивающее любых крупных мутантов и абсолютно смертельное для них. Достаточно одной царапины, и псевдогигант содохнет за пять секунд. У-у! Осторожнее, Юсси...

— Я стараюсь.

— Так вот, чтобы изготовить мутабой, нужно вымочить лезвие в соке, — тут он сказал нечто на латыни, а потом, увидев моё лицо, снизошел до пояснения: — Короче говоря, в соке черной гвоздики. Правда, мелких мутантов эта штука скорее притягивает, и тут есть свое неудобство...

Он сжал зубы, чтобы не застонать, и все-таки застонал. Лицо — белее простыни. Но всё же продолжает говорить:

— Меня очень радует, что у нас есть возможность исследовать подобный предмет. А где, простите за назойливость, произрастает...

— Простите, Геннадий Владимирович, не сейчас, — перебивает его Гард. Юсси с удивлением смотрит на напарника. А тот снимает с ремня флягу и протягивает ей:

— Надо помянуть Чебыша. По обычаю, Баронесса.

Юсси отрывается от перевязочных дел, принимает в себя глоток и говорит:

— Хороший был водитель. И поисковик неплохой.

Гард сам делает глоток.

— Один раз он меня отговорил лезть в заваруху, из которой я бы точно живым не выбрался. Теперь вы, Геннадий Владимирович.

Профессор прикидывает к фляжке.

— Вы знали его в основном по Зоне... То есть с худшей стороны, потому что сталкер из него никакой. Поэтому добрых слов о нем слышно маловато. Что ж... Понимаю! Вы честно вспомнили о нем всё, что могли, и на том спасибо. А я вот знал Чебыша как специалиста. И поверьте, он не зря попал сюда. Его, кстати, рекомендовал мне сам Михайлов...

Вижу почтение на лицах.

— Из Чебыша с течением времени мог бы получиться серьезный ученый... Систематизатор он был от Бога. И это он, кстати, предсказал, что мы когда-нибудь найдем «сонный шар». Понимаете? Теоретически предсказал существование артефакта, который до того никому из сталкеров не попадался. Вы понимаете это? Ни рожна вы не понимаете...

Фляжка перешла ко мне.

— Он не побоялся работать в Зоне...

Водка напильником прошлась по нёбу. Возвращаю флягу. Приняв ее у меня из рук, сталкер обращается к Юсси:

— А теперь вот что. Парень два раза спас нам сегодня жизнь. Во-первых, если бы Репа отыскал нас в Карьере, то перебил бы, как тараканов. Во-вторых, если бы не его нож, химера всех бы нас могла положить. Проворонили.

— Проворонили, — подтверждает Юсси. — Детский сад, штаны на лямках... Прямо стыдно. Ты хочешь за него вписаться? Я правильно поняла тебя, Гард?

Кивает.

— Но он ведь добрый знакомый Клеща? — напоминает она с некоторым сомнением.

Гард пожимает плечами, мол, всякое бывает. Мало ли кто чей знакомый?

— Хорошо. Я впишусь вместе с тобой.

Тогда Гард объявляет мне:

— Во-первых, регистрируем тебя второй категорией. Во-вторых, дадим нормальное имя вместо этой издевательской кликухи. Юсси, ты лучше понимаешь в таких делах. Дай ему имя, как положено.

Баронесса задумалась всего на секунду. И сказала:

— Тимофей... Зачем кличка с таким редким и красивым именем? Тим. Ты будешь — Тим. Ведь всё гениальное просто.

Я смущенно зарделся. Так сильно, что даже от себя такого не ожидал.

«С редким и красивым именем...»

Не знаю, как вам объяснить, ребята... Пробрало меня. Два серьезных человека только что сказали: «Ты кое-что заслужил. Ты не так уж плох, сталкер».

И это настоящие сталкеры — не такие, как я, и не такие, как мастер Шрам... Или как его там на самом деле. В общем, сильный момент в моей жизни.

— Чего лыбишься? — спрашивает Гард доброжелательно.

— Радуюсь. Мне просто крепко повезло несколько раз за сутки. С утра меня чуть не прикончил псевдогигант... Потом едва не растерзала химера... Потом едва не расстреляли бандюки. А вчера на мою жизнь покушался небезызвестный Клещ... И еще много чего другого. Я — никто. Я — пыль под солнцем. Но я счастливая пыль. И я испытываю чувство благодарности судьбе за то, что она дает мне ощутить это счастье... А вы... вы такие хорошие люди, что даже... даже имя мое цените!

Гард впечатленно жмет мне руку, смотрит в глаза и говорит:

— Счастье — это правильная реакция, сталкер. Ее не следует стесняться! Просто иди по жизни как идет... И не подведи нас, Тим.

У Юсси крепкое, неженское рукопожатие. Она улыбается... как-то теплее... на полградуса. Лучше бы я ей руку поцеловал. Убила бы она меня или нет?

Профессор тоже дает краба. Но я не успеваю пожать ему руку — он теряет сознание, и голова его бессильно откидывается назад.

Глава 14. В Бункере

I hate phony ass people,
And I hate having no dro,
And I hate bitchy-ass clubs that don't
be havin' no bitches that break
it down to the floor

Когда мы стали снижаться, я увидел маленькое пирамидальное строение и металлический стержень антенны, торчащий прямо из земли рядом с ним. Строение накрыто было маскировочной сетью, и под ней, по плоской крыше с метровым бетонным «фальшбортом», расхаживали часовые при полной боевой выкладке. Узкие горизонтальные окна больше напоминали бойницы дота.

В эту хатку, если очень постараться, можно было набить человек десять. Ну а если обалдеть от усердия и впихивать туда ученых пинками под зад, влезло бы человек пятнадцать.

Сели.

«Долговец» попросил меня: «Помоги». И мы осторожно взялись за Озёрского.

Юсси отчаянно рисовала какие-то круги и восьмерки ладонями, обращаясь к охране форта. Ну, это, допустим, понятно: явились с чужаком, подают условные сигналы в духе: «Всё нормально, нас не ведет контролер, нас не держат под прицелом».

И... я глянул и обомлел: небольшая круглая башенка со спаренным крупнокалиберным пулеметом, подчинившись пассам Юсси, аккуратно въехала в стену. Ее тут же загородила бронеплита...

Похоже, на эту халабуду потрачены миллионы...

Как только мы покинули Ми-24, птичка снялась с площадки и взяла курс на юг.

От нас до солидной бронедвери было не больше сорока метров. Но пройти их оказалось не так-то просто. Окрестности Бункера покрывал ковер из мертвых мутантов.

Пришлось протащить Озёрского над металлической штангой ветряка, вырванного из земли. У самой двери нас поджидал джип.

— Гон, — спокойно прокомментировал Гард.

— Он самый, — безмятежно откликнулась Юсси.

Еще позавчера меня тошнило бы от вида обезображенной плоти. А сегодня — сегодня я не испытывал ни-че-го.

Дверь захлопнулась за нами.

Началось «шлюзование».

Юсси скороговоркой сообщила мне:

— Ты должен закрыть рот, зажмурить глаза и по возможности не дышать с пол минуты.

Без вопросов.

Не задавать вопросы ведущему я научился еще в Ордене.

Нас окуривали с головы до ног холодным дезинфицирующим составом. Потом разогнали состав горячим вихрем.

Вошли.

Да-а-а... Серьезное место.

Три подземных этажа, большой грузовой лифт, дизель, солидный арсенал, две лаборатории, столовая, склады, дежурка, больничка, спальные помещения человек на двадцать, если не больше, и компьютерной техники наворочено — мама, не горюй.

Строили наши — просто, быстро, безобразно и офигенно прочно. Иными словами, именно так, как делают свое дело военные строители РФ, когда их держат на прицеле спецназовцы РФ.

Вот и бабуля меня учила: «Не красна изба углами, а красна сроком сдачи...»

Озёрского сразу же утащили в медотсек.

А нас повлекли на кухню — как были, в полной снаряге. Просто сначала спросили: «Прямо сейчас или терпите до завтрака?» — и никто не согласился терпеть. Горячая жратва — это счастье. Незамысловатые макароны по-флотски, обычные жидкие щи и клюквенный кисель — всё это счастье. Ясно вам?

Предложили отдать барахло и рюкзак на просушку. Мне стало лень. Само просушится. Мои вещи умеют сохнуть сами, вдалеке от чужих рук — это я еще со времен срочки помню...

А вот от душа я не отказался и от мыла — тоже. Рядом с душем обнаружилась стим-кабина — паровая баня, по простому говоря.

Да у них тут настоящий спа-салон! Роскошно живете, доценты с кандидатами! Мое барахло лежало рядом со мной, пока я мылся.

По соседству с душем я открыл для себя два унитаза (один из которых, впрочем, при ближайшем рассмотрении оказался биде)... Вот это очень кстати!

И еще: у меня отобрали оружие.

Нет, пожалуй, не еще, а главное: мать вашу за ногу, ребята, У МЕНЯ ОТОБРАЛИ ОРУЖИЕ!!!

В Зоне я к тому времени провел всего-то сутки с лишним. Но как-то само собой выросло и укрепилось ощущение: если ты без оружия, ты — голый.

И вот, оружие у меня конфисковали. Почти всё.

АКСУ дежурный военсталкер в пирамиду поставил и замок навесил. «Альпиец» в сейф угодил. А старый мой добрый самодельный рессорник они реально заставили меня продать. Ну, правда, и цену дали приличную — за частицы сока черного василька, оставшиеся на лезвии. Так что без обид.

А вот насчет второго ножа они как-то недотумкали, и остался «танто» у меня. Вот только пришлось его спрятать в рюкзак, а значит, под руками не осталось ничего удобного для смертоубийства. Ну такая тоска и тревога на меня от этого навалились! Вы не поверите, ребята...

Впрочем, других вариантов никто мне не предложил. Просто подошли два военсталкера, первый приставил пистолет к виску, а второй сказал: «Если всё будет нормально, потом заберешь своё оружие», — и деловито стянул с меня автомат.

Отвели меня в какой-то закуток, показали пружинную койку, две табуретки, дали два полотенца — «ножное и рожное», как пояснил провожатый, — а потом оставили в покое.

Я только не понимаю, почему нельзя было выдать полотенца перед душем, а не после него?

«Хочешь — дрыхни, хочешь — пляши, только не высовывайся, пока тебя на завтрак не позовут или к начальству. Ясно тебе?» — но запирать не стали.

В Бункере вообще с дверями был напряг. Нормальные двери с нормальными замками, которые можно запереть изнутри или снаружи, имелись только в комнатах ученых, на продскладе, в лабораториях, оружейке и коллекторе артефактов. При унитазах также имелись двери со шпингалетами.

А с остальными местами, как видно по причине косо-кривого финансирования, тут поступили без лишних затей: голые дверные проемы, даже без дверных коробок... С другой стороны, ну и что? Я что, жениться тут собрался? И супругу некуда отвести для первой брачной ночи? По фиг — есть двери, нет их. Даже дизайном попахивает современным, мегаконцептуальным. Типа как дверь в форме отсутствия двери.

В общем, стал я устраиваться поспать. А чем еще заняться? Книжечку любимого поэта я как-то не прихватил — на сон грядущий почитать. А телевизоров в Зоне нет...

А что? Хороший выдался день.

Сколько раз мог сдохнуть и не сдох!

Сыт, обут, одет, своего не растерял, никем не обижен... Ладно, пора массу втопить...

Однако стоило мне задремать, как появился Гард. Пришел — медведь медведем, цапнул табуретку, сел. Цапнул другую — пузырь поставил.

— Местный специалитет, — поясняет, указывая на бутылку. — Водка «Слеза Комбата». И колбаса «Сталкерская особая», из щупалец молодого кровососа. Это самое хорошо поднимает. Впрочем, толку с того?

Пока Гард философствует, я глаза продираю с целью сказать ему, чтобы он шел лесом. Что, мол, устал я, сплю.

Но вместо этого вежливо говорю:

— Как дела, дружище?

Гард тяжело вздыхает:

— Да тоскливо мне чего-то. Компания нужна... Будешь?

Я чешу в затылке.

— Буду. Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким умрет.

— Тогда первую — за встречу.

Опрокинул. И меня так долбануло, что глаза из глазниц едва не вылетели. Хренасе!

Что я Гарду вкручивал, пока он мне в пасть кусок колбасы из кровососа запихивал, я не то что воспроизвести, но даже и вспомнить не могу — слезы градом из глаз катились.

А потом вдруг стало хорошо. Спокойно. Уютно. Будто прямо во мне какой-то тумблер переключили. И не в Бункере посреди Зоны я сижу, а у себя дома.

И сидит напротив меня не сталкер Гард, с которым я только сегодня познакомился, а давний мой друг, самый лучший, мы с ним двести лет вместе. И шла бы эта вертихвостка и манипуляторша Галка подальше со своими требованиями крутизны и оголтелой самцовости, как-нибудь и без нее проживу...

— Ты фэнтези любишь? — спрашивает Гард.

— Я... ну... больше как-то боевики. А еще больше — историческое.

— Историческое я тоже люблю. Давай-ка вторую — за литературу! — Он поднял рюмку.

Выпили. И опять у меня искры из глаз. Да что ж такое!

Зато на душе — радуга разлеглась, птички поют, цветы благоухают.

— А чего ты, — вдруг у Гарда спрашиваю, — не привел Юсси-то свою. Ну, телку?

Он вздыхает:

— Мы как брат и сестра скорее. Или как два брата... Устал объяснять. Каждому рылу, понимаешь ли, Тим, объяснять приходится...

— Я ж ничего плохого не имел в виду.

— Не имел, так подумал. В общем, не «своя» она мне, хотя и очень хорошая. Да и не пьет она — потому что хатха-йог! В общем, чувствую, третья у нас будет — за любовь...

— Ты не части! А то я с непривычки сейчас с кровати упаду. Да и вообще, в питейных делах нужно иметь рассуждение и блюсти обычай...

Он в ответ морду кривит. Типа, ладно, хочешь блюсти обычай — будем блюсти, но как по мне, то тоже просто нажраться иногда полезно для изнуренной Зоной психики.

Тогда я вспомнил, что у меня вопрос к ним обоим как раз был:

— Гард, ты зачем в «Долге»?

— Не понял? — Гард посмотрел на меня с нажимом.

— Извини, не хочешь отвечать — не отвечай.

— Отлично, Тим, — отвечает он. — Не отвечу.

Ага, стало быть, имеются там обстоятельства.

— Ну... вот, говорят, там, за Периметром вы с Юсси — богатые люди. Ты, говорят, коня породистого содержишь в придачу к гоночному автомобилю, а она — одевается исключительно от-кутюр, живет шикарно, хоть и не замужем...

Ой. Что-то я не то брякнул... Как же эта «Слеза Комбата» гвоздит-то крепко! Пока извилины напряженно пружинили, отыскивая правильную формулировку, Гард сам меня поправил.

— Конь... да, есть у меня. А она — да, любит пожить на широкую ногу... Но это разве плохо? Это — хорошо! Бабло — оно же всегда побеждает зло, так?

В третий раз меня словно бы кувалдой по черепу оформили — такая была эта водка. Помню, как в мою берлогу заходила Юсси. Она погладила меня по головке, выпила капельку и ушла.

Но и дюжий Гард, которого она тоже вроде бы погладила по головке, оказался пьян как сапожник. Что-то бубнил про то, что красота спасет мир.

— Плохо это... нажираться до упаду... прямо... в Зоне... Но с другой стороны... хоть и плохо... а так приятно!

— Я вот еще что хотел спросить, — расхрабрился я. — Если вы с Юсси так бабло

любите, почему вы в «Долге», а не... ну... как бы... ну не в «Свободе»? Там же реально больше бабок...

А Гард — он совсем уже никакой. Здоровый бугаина, а зацепило его конкретно. Еще и посылней, чем меня. Только вот он качается на табуретке и улыбается, а сказать ничего не может. Онемел.

Зато пришел какой-то хрен с бугра, налил себе нашей «Слезы Комбата», продышался, сел на жопу и принялся пояснять:

— Как вы элементарного не понимаете, юноша? Обычный сталкер за Периметром — чистый уголовник. Артефакты продавал? Продавал. Людей на Зоне валит? Валит. Оружие незаконно хранит? Да он уже забыл, как можно жить без оружия. И люди рядом с ним такие, что негде печать ставить — все в статьях УК. А вот сталкер из «Долга» — другое дело. Он что? Не продает хабар, а сдает ученым по твердым тарифам. Не валит людей, а выполняет задачи прикрытия и борьбы с вредным элементом. Ему и на оружие в случае чего бумагу выдадут будьте-нате. Так что «долговец», брат, — уважаемый член общества. Что неясно-то?

Тут Гард расклепался ненадолго и говорит:

— Да ни хрена. Я просто хочу сделать мир чище и лучше. Путем... преобраз... за-вания! Зла в добро! Пот-тому... пот-тому — «Долг».

И опять завод у его языка кончился. Хочет добавить что-то, видно же, но вытащить из себя не может. Да чего там, я и сам скажу:

— Четвертая... у нас пдет... за сам процесс.

А дальше не помню. Но вроде не бил никого. Очнувшись, выходил отлить, через кого-то перешагивал, а потом на этом месте уже никого не лежало.

Эх, ученые, студенты, сталкеры — с кем ни пей, а все пьянки одинаковые. Видел одну — считай, видел все.

Глава 15. Галка и ее «настоящие мужчины»

All the little boys and girls
Living in this crazy world,
All they really needed from you
Was maybe some love.

— ...Бросила его, когда он сломал ногу.

— Почему?

— Потому что перестал быть мужиком и начал ныть. «Моя карьера в спорте закончена... хорошее тренерское место днем с огнем...» Ноешь — делай это подальше от меня. Я таких не люблю. Если я захочу занять сыночка, я его себе сама рожу.

— А рокер?

— Понимаешь, некоторым мужчинам железяка заменяет член. А иногда и характер. Пока они рядом с железякой, пока они верхом на железяке, они — нереальная круть. Аж всё ноет внутри от одного вида. А вот чуть железяка сломалась или ты взял да и пошел на работу, ну... на обычную работу, без понтов... и с железякой обниматься у тебя уже нет времени... Что будет? А всё опадет. Был мужик, стал тряпка. Обычный тупой пивохлёб. Разжирел... Жирных не люблю. Ненавижу!

— А тот из десантуры? Это ведь ребята, которые многое повидали...

— Десантник ломал меня через бедро. Он вообще был хорош. Я его боялась. Ты представь себе: я... я! — боялась...

Высокая, стройная, спортивная. Волосы цвета полуночи. Стерва и ведьма. Но до

умопомрачения привлекательная.

— Разве можно любить и бояться?

— Детский какой-то разговор. Конечно, можно! Десантник мой был самой что ни на есть няшкой... Но пил запойно. И бил меня. Ну, если это немножечко, если это только постельная игра такая, то это может быть даже интересно. А вот если... в общем, надоело синяки тональным кремом замазывать! Как жить, когда он чуть что — фигак! — засветит мне не по-детски, без всякого реального повода? Ты, говорит, пялилась на официанта в кафе. Ну а мне что, глаза себе вырвать? Ну, был он такой молоденький, весь такой персик, по типу рыцаря Юки из манги одной... Но я ж глядела-то чисто на автомате, ну, я виновата, что он сам там подошел, спросил, какое мороженое я больше люблю... А он фиг-гак! Дуболом голимый! Две недели с синяком ходила! В общем, это было слишком... Но в остальном я любила его. И сейчас, наверное, чуть-чуть люблю...

Мне почти совсем не хотелось с ней разговаривать.

Мне не хотелось с ней строить планы на будущее.

Мне не скучалось по ней, когда она была сама по себе, а я — сам по себе.

Просто она — она была вроде приза. Роскошного приза, который, ребята, надо обязательно взять, чтобы можно было сказать себе: «Да, как мужик ты кой-чего стоишь!»

Я вроде бы и без нее это знаю: да, я мужик, да, стою кой-чего. Но когда она появлялась рядом со мной, мне почему-то до ужаса хотелось еще и еще раз это всем доказывать. Ну и влекло меня к ней как к женщине — чего там...

— А может, Галка, стоит теперь разыскать его и самой ему разочек — фигак! В табло ему засветить! Или, хочешь, я ему засвечу? Просто так? В качестве урока на будущее?

— Не смей меня, Тима! Интересно, конечно, было бы... но... он ведь тебя размажет. Реально размажет! Он бешеный вообще. Вот почему вы все, мужики, такие глупыши? Вы такое ощущение, что вообще взрослеть не собираетесь. И жить в реальном мире — тоже. Вам бы лежать на кровати, щупать толстожопых коров, которые на вас смотрят с обожанием, жрать пиво литрами и ни хрена не делать... Вот так лежать, неделями смотреть в потолок, лучше всего еще там мишень нарисовать, чтобы каждый раз в одну и ту же точку целиться приходилось, все ж развлечение какое-то... А в перерывах между плевками жрать чипсы какие-нибудь... А по праздникам водить баб в ресторан «Макдоналдс», потому что на другое маней нема... Вам бы трепаться с корешами, какие вы реальные кабаны, а на самом деле вы не кабаны, а просто свиньи. Свиньи в домашней грязи по уши... и это самое не тверже свиного хвостика. Откуда же хвостуку быть твердым, когда вы из-за компьютера не поднимаетесь...

— Ну, не все такие.

— Не все? Да, не все. Но ты — ты, Тима, такой... Или почти такой... Когда-то был ты пограниц, реальный мужик... Но потом сдал, а сейчас, я знаю, меня не обманешь, в качалку ходишь максимум раз в неделю, да и то не во всякую неделю... Охреневших от безделья старперов липовыми подземельями пугаешь за мелкий прайс... Вот и всё твоё мужество. Вся твоя крутизна... Я твердости в тебе не чувствую. В тебе мужик-то еще перегорать не начал?

— Что ты плетешь, Галка?! — взвыл я. — И главное — почему прайс мелкий? Квартиру снимаю. Жратву покупаю. Цветы тебе... Подарки... — Я правда начал заводиться.

— Ну вот, хоть рявкнул разочек. — В голосе Галки послышалось неожиданное одобрение. — А то всё блеешь да сюсюкаешь, барашек мой... Мамочкин любимый сыночек... Понимаешь, мужик должен быть как сталь двадцать четыре часа в сутки. И так — до пенсионного возраста. Иначе это не мужик никакой, а так, одна видимость.

Галка моложе меня на четыре года. Совсем еще девчонка, а у нее уже в глазах сплошная истина про мужское население мира — от первого козла в летнем оздоровительном лагере до последнего в моем, надо полагать, лице. И я знаю: если я не отвечу на этот вызов, я буду

чувствовать себя как последнее чмо. Я реально говорю, ребята. Такая вот в бабе смертельная аномалия!

Она тем временем продолжает свои откровения:

— Я по мужикам эксперт. Я видела всяких мужиков. И я очень редко позволяю кому-нибудь из них владеть мной. Потому что меня надо заслужить. А заслужив — удерживать. Как чемпионы какие-нибудь каждый год первое место удерживают. Хрипят, стонут, тренируются до упаду, а потом р-раз — и опять первое место. И не надо никому знать про их хрипы и стоны. Надо только, чтоб у них в груди сталь, а на груди — золото. Короче, чтоб полная гарантия: вот, девочка, реальный мужик, и ты даешь себя реальному мужику, а не размазне, не маменькиному сынку, не алкашу. Понимаешь, Тима, самка ищет самого сильного. А когда он перестает быть самым сильным на ее территории, она ищет другого самого сильного.

— Закон джунглей?

— Про Дарвина слышал? Вот этот ботан мой закон и открыл.

— Галка, ну на кой тебе Дарвин? Ты ж не борешься за выживание и здоровым потомством не интересуешься. Пока... во всяком случае.

Хмыкает. Типа согласна. Но спорит все равно!

— Это, дружок, гнилая отмазка, чтобы не стараться быть кем-то большим, чем ты сейчас есть. Понял?

— Нет.

— А я думаю, понял. Ты ходишь вокруг меня, как кот вокруг сметаны, уже не первый месяц. Всё в ход пустил, что имеешь. Денег небось назанимал — водить меня по разным крутым местам...

Угадала, упирица. Упирицы, увы, умные.

— ...а дальше поцелуйчиков никак не продвинешься. Встал. Ни шагу вперед. А ты не думал, почему так происходит? Ты вообще-то вычислял, в чем тут фишка?

Конкуренция вокруг тебя большая, вот и весь сказ.

— Думаешь, наверное, парней рядом со мной многовато? Думаешь-думаешь, на морде твоей всё написано. Это я тебя, зайка, торможу. Я! Сознательно. Другие парни — фигня. Забудь о них. Они даже хуже, чем ты. Ты хоть что-то...

Ну да, не десантник, который лупил тебя за стержневой характер, но... «хоть что-то». И на том спасибо! Если бы ты не была мне *так* нужна...

— ...но ты меня не получишь, если и дальше всё будет то же самое. Кафешки, разговоры, подземелья твои... Моя цена выше. Удиви меня. Покажи мне свою крутизну. Еще больше крутизны! Я хочу, чтобы меня забрало от твоей крутизны, чтобы у меня пальцы на ногах занемели! Я хочу смотреть на тебя снизу вверх. На сильного, на безбашенного. Я хочу, чтобы было так: ты делаешь что-то, и у меня от желания тебе отдаться мозги сносит!

Что ей предложить-то? Секс на крыле самолета? Какие домашние заготовки имеются в арсенале? По большому счету ни буя у меня там нет. Ну... можно на археологические раскопки поехать... Но ей же это — как пивко вместо коньяка.

Нет, не проберет.

Ну, мастерская ножей. Мы там делаем красивые вещи. Иногда очень красивые и в чем-то роковые, для крутых мужиков.

Но ей этого будет мало. «Зайка...» Ей надо, чтобы «зайка» отрастил клыки на полметра и загрыз ими попавшегося по случаю волка. Желательно забронировав для нее место в партере задолго до распродажи билетов на волкоцид...

Вот если бы я прямо в мастерской собственноручно сделанным ножом прирезал бы Саню или Ромашина... тогда — в самый раз. Но Саня мне должен три сотни, а Ромашин — тоже хороший парень, поэтому резать их немного неудобно. Опять же посадят.

Может, насчет Ордена ей? Ну да, Зона вялых не любит. Зона задаст вопрос, и ты должен вбить ей ответ так, чтоб она не встала. И вообще Зона — мир плечистых мужчин. Вот только по серьезке я вовсе не собирался туда шкандыбать. Ну, интересно. Ну, ребята хорошие подобрались. Ну, живых сталкеров послушать... Но не самому же.

— Галка, ты когда-нибудь слышала слово «сталкер»?

Фыркает.

— Ну ты прям как младенец! Третий сезон сериал «Комбат против Варвара» идет. Топовая группа «Шняга» песню «Хабар детектед» слабала, так он полгода на самом верху чартов держится... Понятно, знаю. А кто не знает? «Зона задаст вопрос, и ты должен ответить свинцом». Когда Стрелок фальшивым туристам это говорил, мне аж горячо сделалось... Или вот еще: «Зона любит ребят с холодной головой, горячим сердцем и загребущими лапами». В сети самая движуха — вокруг Зоны и сталкеров...

Так.

И вот что теперь? Может, у тебя будет еще один шанс, Тимохин? Какой-нибудь другой шанс? Не будет.

Ладно. Просто есть такие бабы, которых обязательно надо завоевать. Вот хоть трава не расти!

В общем...

— Я войду в настоящую Зону. В ту, что на Украине. Скоро. И у меня будет реальный хабар. За который можно получить реальные деньги, — сказал я веско.

Прикиньте, ребята, секунду назад у меня и мысли не было — торговать хабаром. Но ради ее прекрасного юного тела... Ради этого зноя в ее глазах... Галка посмотрела на меня очень внимательно. Даже с удивлением, кажется.

— А вот это, мальчик, серьезный разговор. Если не разводилово, конечно.

— Сама увидишь, чего там!

Она впечатленно усмехнулась, вынула курево, застыла... и убрала курево обратно.

— Хорошо. Чувствовала: есть в тебе такое... эдакое... от самца. Принеси мне какую-нибудь вещь оттуда. Любую ерунду, но только чтобы по ней было ясно... чтоб сомнений никаких — она из Зоны. И взял ее ты.

— И тогда — что?

Паузы она всегда делала артистически.

— В тот же день, Тима... Мы... будем... вместе... как мужчина и женщина! Даю тебе слово.

Собственно, тогда я и решил, что все-таки попрусь в Зону. И... значок мастера добуду. В то самое мгновение решил.

А потом крепко-накрепко забыл, чего ради я собрался ловить пастью пирожки с битым стеклом.

Правильно говорила бабуля: «Кто старое помянет, тому глаз вон. А кто забудет — тому третий внутрь».

Глава 16. Группа эскорта

Мама, just killed a man,
Put a gun against his head,
Pulled my trigger, now he's dead...

Разбудили меня методом крупноамплитудной вибрации. Я спросонья попробовал дать в хлебало. Военсталкер увернулся, но трясти меня перестал.

— Вставай, собирайся и на завтрак. На всё — двадцать минут. Потом — к начальству, помещение 11. Куришь?

— Нет.

— Значит, будешь жрать на три минуты больше. Не опаздывать.

Есть у меня любимый кошмар, ребята: что какие-то гады решили вернуть меня в армию. Раньше он снился мне часто, теперь — раз в полгода, но чтоб он вот так сбился наяву...

Кстати, похмелья — ноль. И это при том, что ночью, если кто не просек, я был вообще за гранью! А похмелья — ноль. Воздушный поцелуй вам, изготовители «Слезы Комбата»...

Умылся в полный профиль — так, чтобы можно было использовать оба полотенца. Не простаивать же инвентарю!

И всё делал не торопясь. С удовольствием.

В результате, когда я уже покончил с кашей, но еще не принимался за творожную запеканку со сметаной, в столовую вбежал неистовый парень, только что будивший меня проверенными сержантскими методами.

Встал надо мной.

Навис надо мной.

Парню всего-то лет двадцать.

Кушаю. Не торопясь. С удовольствием. Очень хорошая запеканка. И сметана приличная — густая, свежая. Как здорово — хорошенько поесть в Зоне. В ожидании того благословенного момента, когда вертушка доставит тебя в старинный город Брянск...

— Ты ох-хренел, брат?

Молчу.

— Ты совсем ох-хренел?! — шипит военсталкер.

Ох, как же надоело это повсеместное хамство! До скулосведения! А потому отвечаю ему с подчеркнутой вежливостью:

— Одну минутку! Доем, выпью кефирчика и отправлюсь к вашему руководству.

Ребята, я не асоциал, вы поймите меня правильно. Я просто не люблю, когда со мной обращаются как с рабом на галерах.

— А ну-ка бего-ом! — орет он у меня над ухом. И чувствуется, вот-вот попробует стукнуть меня по затылку. Тогда мне очень захочется ответить. Итог я предсказывать не берусь, но поставил бы на себя.

Поворачиваюсь к нему, внимательно разглядываю — оп-па, действительно сержантские лычки — и говорю как можно тише и спокойнее:

— Я своё отслужил. Ты мне не начальство и голос повышать не смеешь.

Он судорожно выдергивает из кобуры «макарыча» и приставляет дуло к моей голове. Как видно, Зона делает козлов еще козлее.

Мне сделалось страшно, ребята. Без дураков. Ведь это псих, и если он по дури нажмет на курок, мелкие брызги моих мозгов без труда спишут на несчастный случай. Или на то, что это я псих, а у него — разумная самооборона.

Мне очень захотелось встать и пойти к помещению 11. Но я пересилил себя. Тогда я отвернулся от сержанта и отломил вилкой еще один кусочек от запеканки. Недостаточно большой, чтобы кто-то мог подумать, будто у меня появились причины торопиться.

— Серега, парень просто не знает. Угомонись, Серега, — услышал я голос Гарда из коридора.

— Да он, по ходу, шизанутый. Он вообще не понимает, куда попал! — обиженно рывкнул сержант.

— Уверен, что он все понимает. Не хуже нас с тобой.

Гард сел за стол напротив меня.

— У меня к тебе просьба, Тим.

— Какая?

— Пожалуйста, глотни кефирчика. Прямо сейчас. У нас тут очень хороший кефирчик, просто захлебись, какой хороший.

Я глотнул.

— Теперь послушай: с тобой не очень-то вежливо разговаривали. Однако у нас есть веская причина поторопить тебя. Без дураков, Тим.

Я встал и вышел в коридор, оставив пол тарелки офигенно вкусной запеканки и полстакана кефира.

* * *

В 11-м помещении меня ждали трое.

Озёрский — с лицом блее бордюра в гвардейской дивизии.

Высокий, тощий (хуже покойного Снегирева!) усатый хрен в военсталкерской форме с погонами капитана. Этот нервно мерил шагами комнату, словно парень, которого менты безо всякой вины запихнули в «обезьянник».

Мужик в белом халате, хлипкий коротышка: скуластое лицо, аккуратная черная бородка, попсовые очки на носу, зато взгляд какой! — яростный, как апперкот сильно раздраженного бойца с восьмиугольника.

Озёрский сонно прикрыл глаза. Из сигареты в его руке сочился дымок, сейчас же растворявшийся в табачном тумане, завесившем потолок. Он сидел за столом, перед ним стояли рамка с голодисплеем, клавиатура, флажки Украины, Белоруссии и России на круглых подставках, десяток чашек с опивками кофе и две пепельницы, наполненных выше крыши.

— Все-таки соизволил явиться, — глумливо, но без злобы бросил мне капитан. Взгляд у него был тяжелее экзаменаторского.

— Тим? — проснулся Озёрский. — Садитесь. Я представляю вам двух других участников нашего совещания. Начальник охраны Международного Исследовательского центра капитан Осипенко Юлий Авангардович. Профессор Гетьманов Павел Готлибович...

Коротышка кивнул.

— У нас есть к вам два вопроса и одно... хм... — Озёрский неопределенно повел в воздухе рукой, начертав сигаретой знак бесконечности.

— ...распоряжение, — сказал за него Гетьманов.

— ...и одно предложение, — поправил его Озёрский.

При этих словах я напрягся.

— Боюсь, вы застали в Зоне не самые спокойные времена...

— Время, Геннадий Владимирович! Вы помните, когда поступил сигнал? — с истерическими нотками в голосе прервал его белохалатник.

Но Озёрский, как видно, был тут за старшего; он поморщился и продолжил столь же спокойно:

— Взгляните.

Маленькой лазерной указочкой Озёрский «кликнул» точку на голодисплее. Высветились «новости Зоны» за прошлый день.

Артефакты, новые свойства артефактов, купить снарягу, продать хабар, пожар в баре «Сталкер» и... я даже присвистнул от изумления. Три десятка трупов за сутки, со вчерашнего утра.

Вот мои старые знакомцы: Чебыщ, Ваню и Санитар. Значит, и впрямь зацепил одного из бандитов Гард. А второго, надо думать, накрыло с вертолета.

— Обратите, пожалуйста, внимание вот на это место.

Увеличение.

Так. У них действительно должны были появиться серьезные вопросы ко мне.

Серьезней некуда.

«17.30. Темный сталкер Арлекин. Город Припять, кинотеатр «Прометей». Убит в перестрелке с анонимом А-101».

«17.32. Темный сталкер второго разряда Гомонай. Город Припять, у памятника Прометею. Убит в перестрелке с анонимом А-101».

«18.22. Темный сталкер Маг. Город Припять, речной порт. Убит в перестрелке с анонимом А-101».

«18.48. Глава клана темных сталкеров Варвар. Город Припять, речной порт. Убит в рукопашной схватке с анонимом А-101».

— Аноним А-101, это, если верить вашим словам, сталкер Клещ, — холодно уточнил коротышка. — Не так ли?

— Всё верно.

— В каких отношениях вы с ним состоите? — гораздо резче спросил капитан.

— Собственно, это наш главный вопрос к вам, — чуть смягчил его Озёрский.

А у меня в голове — полный хаос. Мысли сплетались в узлы, соединялись в самых идиотских сочетаниях...

Мысли мешали думать! Оказывается, так тоже бывает.

«А ну как посадят в тюрьму, не разбираясь, как пособника и соучастника? Ну, Клещ, ну, матерый человечище, ну силён... Озёрского я из Карьера вытаскивал с помощью того же Клеща, у него отношение другое. А вот капитан, наверное, в шоке: чужак в Бункере! А ну как засланец? Хлопнут на хрен, тело бензином обольют, и всё, и вилы. Капитана я ведь из Карьера не вытаскивал. И Гетьманова...»

— Я повторяю свой вопрос: в каких отношениях вы состоите с Клещом? — принялся давить голосом главный охранник.

Скажу как есть, и гребись оно колом.

— Так просто и не скажешь...

— А вы постарайтесь! — нажимал капитан.

— Ну, сначала мы чуть не убили друг друга. А еще двоих, моих товарищей из Ордена, Клещ натурально убил на моих глазах...

— Цель?

— Цель простая — забрать хабар. Потом мы договорились и разошлись мирно.

— Вы договорились с убийцей ваших товарищей? — едко уточнил Гетьманов.

А ведь выходит именно так. В пересказе все еще мерзей, чем в жизни.

— Да.

— В чем состояла суть ваших договоренностей? — это опять офицер.

— Не стрелять друг в друга.

— Что?!

Тут меня зло взяло.

— Вам не стоит так со мной говорить. Вы не следователь, а я не подследственный.

Извольте держать себя в рамках.

— Что?! Да ты, ур-род, у киллера в дружках ходишь. А мне будешь нотации читать?

А?!

И он все-таки звезданул мне в скулу.

Стул отлетел в сторону, затылок поцеловался с полом.

— Юлий Авангардович! Что вы себе позволяете? — крикнул ему Озёрский.

— За охрану объекта отвечаю я! — благим матом заорал капитан.

А я медленно перекатился по полу, хорошенько прицелился и пнул гада сапогом по яйцам. Совещание у них тут, мать твою за ногу!

— У-ы-ы-ы-ы!

Башкой Авангардович въехал в железный шкаф для бумаг. Сверху на него посыпались папки, катушки скотча, прочие канцелярские принадлежности... О, сползает на пол.

— Ур-рою... — выл он, нашаривая кобуру.

В комнату влетел сволочь-сержант при полной выкладке, как перед боевым выходом, и сейчас же намылился лупануть по мне ногой.

— Стоять! — скомандовал Озёрский. — Сержант Малышев, фляжку мне сюда, живо!

Тот содрал фляжку с ремня и протянул ее Озёрскому.

— А теперь кру-угом.

Взгляд сержанта затравленно метнулся к капитану. Но тот лишь выл, не прекращая лапать кобуру.

— Что не ясно, боец? — армейским голосом спросил его Озёрский. Тогда сержант все-таки подчинился. — Шэ-гом арш! За фляжкой зайдете через десять минут.

Озёрский отвинтил крышку, подошел к начальнику охраны и опрокинул содержимое фляжки ему на голову. Тот дернулся, вскочил, посмотрел обалдело.

— Вы что, с ума сошли водкой меня поливать?

— Если бы я ждал, пока сюда доставят иную жидкость, вы успели бы пристрелить молодого человека, я отправил бы вас за Периметр под охраной, а вместе с вами туда отправилась бы бумага, подводящая вас под трибунал.

— На чьей вы стороне, профессор?

— У нас тут нет другой стороны, кроме меня, начальника объекта. Вам ясно объяснили, чьим приказам вы обязаны подчиняться?

— Но это же уголовник... он...

— Сядьте. И вы тоже, — обратился он ко мне. — Отлично. Как получилось, что Клещ оказался вместе с вами на Карьере?

Я рассказал. Получилась неправдоподобная херь. Ни один идиот не поверит.

— Я хотел бы сфокусировать ваше внимание на двух деталях: во-первых, если бы Клещ хотел нас убить и ограбить, он бы нас убил и ограбил — у него для этого были все мыслимые возможности; во-вторых, в то время, когда Клещ уничтожал клан темных, молодой человек уже находился в Бункере, — прокомментировал Озёрский.

Гетьманов дергаными движениями смертельно невыспавшегося человека выщелкнул сигарету из пачки, чикнул зажигалкой и раскурил ее.

Покачал головой. Что-то ему крепко не нравилось, что-то его сильно раздражало. Но он всеми силами старался держать себя в руках. Посмотрел на капитана, но военсталкер отмалчивался. Тогда Гетьманов все-таки заговорил:

— Похоже на правду. В духе Клеща, я хочу сказать. Он за любого щенка в клане стоял горой, это все знают... и в то же время человека убить для него — не вопрос. Одним больше, одним меньше... В общем, я склонен верить Тимофею. Ну и, кроме того, у нас просто нет вариантов. Послушайте, мы до чертиков тянем это дело. Тянем и тянем! А время идет.

Вот про «тянем» я не понял. О чем он?

Наконец главный охранник проснулся:

— Вы не находите, что господина Караваева следовало бы препроводить за Периметр под конвоем и там сдать компетентным органам, Геннадий Владимирович?

— Зачем? Я не понимаю — зачем? — искренне удивился профессор.

— На мой взгляд, это ясно. Ясней некуда. Как свидетеля двойного убийства...

Гетьманов заржал. Он не засмеялся. Он именно заржал! Заливисто, громко, закрыв глаза и не умея остановиться!

Ржач, перемежаясь с нервической икотой, он наплывал на белохалатника мощными каскадами; всякий новый каскад начинался из положения «откинувшись на спинку стула» и заканчивался в положении «скрючившись над столом»; затем всё повторялось. Раскаты его

хохота привели капитана в легкую прострацию.

— Что вас... заставило... — пытался задать вопрос капитан, но Гетьманов при всем желании ни на какой вопрос не ответил бы. Как его только наизнанку не вывернуло!

— Уважаемый Юлий Авангардович, это Зона. Вы здесь всего лишь неделю. Поэтому я объясню вам одну концепцию, которая здесь прочно владеет умами: тот, кто сдаст хоть одного сталкера мен... то есть милиции, станет врагом всех сталкеров. И нас за собой потянет — это я тонко намекаю на толстые обстоятельства, Юлий Авангардович. Если бы сталкер Тим сам пришиб с полдюжины сталкеров, если бы у него появилась репутация злодея, тогда, возможно... подчеркиваю — возможно! — нам бы простили подобный шаг. А сейчас, знаете ли, и речи быть не может. Тут у нас писанные законы не действуют. Совсем. Законы — там, за Периметром.

Кажется мне, капитан уже начал успокаиваться. Ну, точно. По-иному заговорил:

— Хорошо. Меня предупреждали о... некоторых особенностях Зоны, когда отправляли сюда. Хорошо. Как профессионал скажу: такие обстоятельства специально никто не придумает.

— А значит? — Озёрский хотел чего-то более ясного.

— А значит, Караваев скорее всего не врет.

Гетьманов перестал смеяться. Пошлёпал себя по щекам, потряс головой, щелкнул себя по носу, опять потряс головой. Затем пробормотал:

— За двое суток три часа — это никакой не сон. Это полная ерунда...

Пристально посмотрев на меня, он с неожиданной твердостью объявил:

— А теперь, коллеги, момент истины. Ты знаешь французский язык, Тим?

Вот не люблю, когда мне сразу начинают тыкать. Мы с ним вроде знакомы всего полчаса, в папаша он мне по возрасту не годится, ему всего-то лет тридцать, а туда же.

Ну ладно, на ты, так на ты. Только взаимно.

— Знаешь, Гетьманов, никогда не изучал.

А ему по фиг. Мимо ушей пропустил. Может, не в армейских нравах тут дело. Может, он по жизни простой, как австралийские аборигены на вкус, если жрать их без соли. В общем, на меня Гетьманов — ноль внимания, а всем остальным заявляет:

— Придется мне лететь. Вот подарочек-то... Всё, иду собираться.

— Одну минуту, Павел Готлибович. Вы ведь у нас заведуете кадровыми делами...

Он скривился и ответил Озёрскому резко:

— Могли бы и сами, Геннадий Владимирович.

Озёрский пропустил мимо ушей. Тогда Гетьманов вынул из стола папку с какими-то бланками, вынул бумажку и протянул мне вместе с ручкой.

— Официально мы можем отправить за Периметр только нашего сотрудника. Понятно? Киваю.

— Мы обещали доставить тебя за Периметр, и мы обещание сдержим...

Почему у меня при этих его словах возникло предчувствие подвоха?

Киваю. Зашибись, готов хоть прямо сейчас.

Гетьманов:

— Распишитесь вот здесь и вот здесь. Это стандартный контракт проводника по Зоне Отчуждения.

Расписался там и там. Как у него быстро: то он на «ты», а то вдруг раз — и на «вы».

Что-то уж слишком резко белохалатник убрал мой контракт.

— А теперь сообщаю вам, Тимофей Дмитриевич, что вы приняты администрацией Международного научно-исследовательского центра на работу сроком на месяц. После истечения срока контракта вам на карточку будет перечислена соответствующая сумма — по Единой тарифной сетке, действующей в Зоне Отчуждения. В течение этого времени вы

обязаны выполнять все распоряжения администрации МНИЦ.

Я только одно слово не понял. При чем тут месяц? Они же... меня... обещали...

— Месяц?

— Учитывая ваши заслуги перед администрацией МНИЦ, мы готовы доставить вас в областной центр Брянск, не нарушая обговоренные сроки...

Вот и правильно! Давайте, мужики, без обмана.

— ...однако до прибытия транспортного средства администрация МНИЦ имеет право требовать от вас исполнения служебных обязанностей.

Фигасе.

— Проводник? Я? Да это же была формальность... Я ведь Зоны не знаю... Зачем вы... так...

На секунду меня оторопь взяла, ребята. Что он мне говорит? Что за ерунда?

А Гетьманов как взял административный тон, так и наяривает, аж весла гнутся:

— В соответствии со статьей контракта за номером 4, параграф 3, пункт «а», вольнонаемному проводнику в случае столкновения с враждебной группой или мутагенной фауной на территории Зоны Отчуждения вменяется в обязанность охрана имущества и личного состава поисковой партии МНИЦ.

Это он сказал ровно, как автомат. А потом добавил человеческим голосом, но жестковато, на басах:

— Нам нужен твой ствол, сталкер. На сутки, не больше. И у нас есть право потребовать от тебя кое-каких услуг.

— Вам нужен стрелок?

Капитан ответил вместо Гетьманова:

— Начинаешь соображать.

— Но я не хочу!

— А обязан! — нажал голосом белохалатник. — То есть придется через «не хочу»!

А ведь это подляна, ребята! И если я сейчас сделаю хоть что-то для них, да хоть кастрюлю помою, они опять соврнут и опять запрягут меня! Потому что — суки. Везет мне последнее время на них. Как будто весь мир вокруг меня ссучился и протух!

— А если я откажусь выполнять ваше требование?

— Вот Бог — а вот порог. Откроем дверь и выпустим наружу. А если ты случайно выживешь, то там, за Периметром, вкатаем тебе нехилый административный штраф за нарушение контракта. Лет пять его выплачивать будешь, с каждой зарплаты! Проклянешь все на свете!

Ох, предупреждала же бабуля: «Прежде чем что-нибудь подписывать, прочитай и порви».

И опять он на «ты». Нервное это у него, что ли?

Нет, ребята, лучше сдохнуть, чем на вас трудиться.

— Спасибо, что накормили, — говорю. — А теперь отдайте мне оружие и откройте дверь.

— Что? — переспросил Гетьманов.

— Пошел на хер, — вежливо ответил ему я.

Встаю из-за стола.

Тут Озёрский поднял руку с сигаретой.

— Стоп! — табачный пепел упал в чашку с кофе.

Профессор вздохнул и сказал Гетьманову:

— Вот поэтому, Павел Готлибович, я и снял вашу кандидатуру из проекта новой базы в Зимовище. Торопливость рождает небрежность, а небрежность приводит к смертям.

— Вы никого не найдете на это место! — живо откликнулся тот.

— Возможно. Если Михайлов не согласится вернуться в Зону.

— Вы...

— Тихо. Не справились.

И обращаясь ко мне:

— Официально приношу вам извинения, Тимофей Дмитриевич. Я могу разорвать ваш контракт прямо сейчас. И я ничего не стану от вас требовать. Придет вертолет — отправим домой. Ешьте, отдыхайте, набирайтесь сил. Никаких проблем у вас не будет. Даю полную гарантию.

Другой разговор. Как с человеком, а не как с амебой.

— Вы как будто хотите меня попросить о чем-то, Геннадий Владимирович. Я не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь. В Зоне идет война. После того как чикагская фармацевтическая фирма CFA выпустила линейку небывалых по эффективности препаратов, цена всех артефактов на мировом рынке резко подскочила. На некоторые вещи — в полтора раза, на некоторые — в два, а на кое-что — в десять. Зона наводнена бандами. Подавляющее большинство бандитов гибнут, не успев нанести урон. Для Зоны они — легкая добыча. Некоторых, наиболее опасных, удалось обезвредить. Но осталась шайка Репы и синдикат Гуни. Серьезные люди со связями в украинской милиции и чуть ли не СБУ. Их очень интересуют хранилище Центра на Янтарном озере, коллектор нашего Бункера, казна «долговцев» и клана «Свобода», а также любые поисковые партии, у которых может быть хабар. «Янтарники» уже пострадали: там слишком большой объект, чтобы можно было адекватно решать проблемы безопасности, вот их и громят с дурной регулярностью... А начальство со столь же дурной регулярностью восстанавливает центр-переросток в тех же развалинах. Еще раз, Тимофей Дмитриевич: идет война на уничтожение. У нас огромные потери. Только что Юсси, Гард, четверо военсталкеров, механик и военврач отправились вызволять поисковую партию старшего научного сотрудника Никольского. Люди Гуни блокировали ее на улице Курчатова в Припяти. Почти одновременно прервалась связь с поисково-экспериментальной группой доцента Жилко на Затоне. Судя по последним сообщениям оттуда, ими мог заинтересоваться Репа.

Озёрский перевел дух и продолжил:

— У него база неподалеку — на окраине уровня Радар. И были четкие сведения: Репа со своими мерзавцами двигается в направлении Затона, он уже в двух шагах. А мне некого послать. Просто некого. Вот все мои резервы: Юлий Авангардович, который здесь без году неделя, да сержант Малышев, прибывший вместе с ним. Они только по названию военсталкеры, а на самом деле военнослужащие российской армии, отправленные сюда на контракт... Никакой — примите к сведению: ни-как-кой! — сталкерской подготовки у них нет... Да еще профессор Гетьманов, человек невоенный, но хотя бы Зону знает. А там — люди. И что с ними стряслось, мы тут понятия не имеем. Однако их очень нужно выручать. Любой ценой. Понимаете меня?

Чего ж тут не понять?! Русские своих не бросают, особенно если разберутся, кто на текущий момент свои...

Я не мог отказаться. Понимаете? То есть, конечно, мог. Но... вдруг понял: дело чести.

Озёрский выпил кофе из чашки, куда упал пепел от курева. Я не успел его предупредить, но он, судя по его невозмутимости, даже не почувствовал разницы. Стоит ли теперь огорчать человека?

— А чтобы всё это принесло вам хоть какую-то материальную пользу, я велю начислять вам месячный оклад проводника за один день службы по контракту.

— Да я бы и так...

Честно. Я бы безо всяких денег теперь туда пошел. Потому что внутри у меня окрепла

неожиданная уверенность: так надо.

— Возможно. Но какой смысл отказываться от вознаграждения? И не смейте злиться на наших военных. Поймите: в группе, работающей на уровне Затон, большинство — гражданские лица. Мы обязаны их эскортировать, мы обязаны их защищать, мы обязаны... да мы много что обязаны, вот только силенок не хватает.

— Хотите определить меня в группу эскорта?

Озёрский грустно усмехнулся.

— Хочу, как говорят в компьютерных игрушках, дать вам квест.

— Квест принят.

— Дай вам Бог удачи.

Он пожал мне руку.

Малышев выдал родной АКСУ, три дополнительных магазина к нему и легкую наступательную гранату РГД-5. Поколебавшись, вернул «Альпийца».

Капитан сказал: «Давай без обид. Мы тут все как на иголках».

А пять минут спустя Гетьманов отдал команду: «Группа — на выход. Вертолет прибыл».

Осталась ерунда — понять, при чем тут французский язык...

Глава 17. Медаль Михайлова

There are plenty of ways that you can hurt a man,
And bring him to the ground...

...То и дело спотыкаемся о гниющую плоть мутантов. Темно, хоть выколи глаз.

Два светлых пятна, остальное — черные силуэты деревьев, наклеенные на черный картон ночи. Первое светлое пятно это вроде облачко лунного света, размазанное по тучам. А вот насчет второго лучше не спрашивайте меня, недоучку. В упор не помню, какая аномалия испускает романтическое голубое сияние.

Рядом с ней бы прогуливаться под ручку с Юсси... то есть с Галкой. Метров тридцать туда, поцелуй под фонариком, метров тридцать обратно...

За спиной — громада Бункера, точно угольная куча.

Со всего поля битвы, недовольно крича, поднимаются вороны. Поднимаются, крыльями хлопают вяло — обожрались, едва-едва отрываются от земли... Ба! Да тут их не меньше сотни! И все спокойно ужинали, пока мы их не спугнули... Всем хватало еды...

В отдалении тарахтит на холостом ходу вертолет. Среди ночи пилот не рискнул садиться в таком месте. Мы гуськом идем на шум.

Как спа-а-ать хочется, Господи. Сколько же я спал-то? Сушную ерунду. Ведь темень еще!

— И во сколько завтрак? — спрашиваю я спины военсталкеров.

— Это одному тебе, герою, завтрак подали. В полтретьего ночи! По личному распоряжению Озёрского. Как представителю гражданского населения. Остальным сухпай достался, — мрачно откликнулся Малышев, не поворачивая головы.

— Но ты уже целых полчаса как ни хрена не гражданское население! — с шальным весельем откомментировал капитан.

Машинально спрашиваю:

— А кто же я теперь?

— Запланированные потери, — отвечает.

Садимся.

Пробирает сушняк, трубы горят. Делаю пару глотков из фляжки и вижу, как Малышев хлопает себя по разгрузке, пытаюсь сделать то же самое.

Оказывается, свою фляжку он забыл.

Протягиваю ему свою.

Не брезгует, берет, как миленький.

— У тебя, очевидно, вертится на языке вопрос, — обращается ко мне Гетьманов.

— А? Да... Вот ты у меня допытывался насчет...

— ...французского языка, верно?

— Ага.

А сам думаю: да потом, в сущности, разберемся, французский там, турецкий или марсианский. А сейчас вздремнуть бы — сколько мы там минут летим до места? Минут надцать.

— Во-первых, в настоящий момент я для тебя являюсь вышестоящим лицом, изволь обращаться ко мне на «вы». Это ясно?

Да что же они тут все такие заводные...

— Так точно. Только устав обязывает всех военнослужащих обращаться друг к другу на «вы», вне зависимости от звания и должности. Это ясно?

Военталкеры сдавленно хихикают. Знать, любят они Гетьманова Павла Готлибовича глубоко и нежно.

Гетьманов озадаченно молчит несколько секунд, а потом заявляет:

— Это боевой выход в Зону Отчуждения, а ты новичок. А потому для всех будет лучше, если ты будешь беспрекословно выполнять мои приказы.

Тут он, в общем, прав. Без дураков. Прикиньте, ребята: по сути, он тут для всех нас — один-единственный ведущий. Потому что в группе никто, кроме него, не знает Зону как надо.

— Так точно, — говорю. — Я понимаю.

— Вот и ладушки, — сразу повеселел Гетьманов. — А теперь насчет французского языка...

Охранники вырубались в ту же минуту, как и положено нормальным военным людям. Им весь этот вертолетный шум — до звезды, главное — покомарить чуток. Гляжу на них с завистью. Мне еще расти и расти!

Ладно, что он там лепит насчет французского языка?

— Вы... ты понимаешь, что такое внебюджетное финансирование?

«Вы»? «Ты»? Я посмотрел на него внимательно, и он засмутился.

Только сейчас, ребята, я врубился: а ведь это кабинетный ученый, который изо всех сил старается выглядеть крутым начальником, поскольку боится, что его, книжного дядьку, закопанного в цифры, теории и экспериментальные препараты, просто не будут воспринимать всерьез. С ним, пожалуй, и помягче можно.

— Павел Готлибович... давайте на «вы». Как принято в академическом сообществе. Я ведь бывший эс-эн-эс одного провинциального музея...

Он заулыбался, как ребенок. Теперь ему всё понятно. Теперь ему легче стало. Тянет руку, а после того, как я ее пожимаю, мне и самому становится спокойнее. Хорошо, когда рядом с тобой ученый, родная душа, а не жадный злобный упырь!

— А про бюджетное финансирование я так понимаю: это когда днем водят экскурсии и устраивают публичные лекции, а вечером по секрету от большого начальства отдают залы под корпоративную пьянку. И никуда не денешься. Государство дает копейки, на них никто не проживет. Главное, даже не себе в карман, а тупо — на ремонт, скажем, или на освещение нормальное, или на самый простой инвентарь.

— Вот-вот! — оживился Гетьманов. — Вот-вот! Правильно! Государство дает копейки. У нас в Бункере под одной крышей официально находятся аж три учреждения: Центр

аномальной активности — от России, Припятский филиал Черниговского института прикладной ксенобиологии — от Украины и Экспериментальная лаборатория энергетических феноменов Зоны Отчуждения — от Белоруссии. Мы сидим на будущем, купаемся в будущем, творим будущее! У нас каждый опыт может привести к появлению нового направления в науке или технике! Да те же немцы делают сейчас миллиарды на том, что вовремя прочитали статью Озёрского в университетском вестнике, понимаете? В задрипанном издании тиражом пятьсот экземпляров. Мы способны давать те же миллиарды нашим странам — я не шучу и не преувеличиваю! Да мы уже кое-что и дали, собственно... Но... но вы же понимаете, какие там, — он показал пальцем куда-то вверх, — какие там долболобы! Какие чугунные задницы!

— О, это я как раз очень хорошо знаю и понимаю!

Ну да, ведь это как раз те чугунные задницы, которые угробили наш музей. Низкий поклон зажавшимся индюкам. Всех знаем поименно. Отдельный поклон министру культуры.

— Бункер нищ, как Иов. Украина платит зарплату двоим сотрудникам. Белоруссия — троим, да еще иногда доставляет мебель, стекляшки кое-какие, реактивы. За всё остальное платит Россия. И платит она неохотно. Вы понимаете? Оттуда, — он опять показал пальцем в потолок вертолета, — никто не прилетит сняться на камеру прямо в Зоне. А им больше ничего не надо, только деньги и пиар, вы понимаете? Стало быть, инвестиции будут резать, и даже то, что нам дают, не сохранится. — Он безнадежно махнул рукой.

Киваю. Да чего ж тут не понимать? Давно так. Не помню, было ли когда-нибудь иначе. При мне вот не было. Хотя, говорят, раньше...

Да, ладно, ясно же: если хочешь сделать что-нибудь полезное для науки или для культуры, не проси помощи у начальства. Лучше сделай так, чтобы оно тебя не замечало. Иначе обязательно придет и всё испортит.

— В общем, у Геннадия Владимировича есть обширные знакомства в среде зарубежных ученых и модерн-антикваров. Мы им за скромную плату устраиваем экспедиции по Зоне. Это не вполне легально, но... Вы только поймите правильно, мы же не в свой карман, нам же на технику нужно, на снаряжение...

— На освещение, на ремонт...

— Да! Да! Модерн-антикваров центр Михайлова подбрасывает. Знаете, кто это такие?

— Этому нас не учили.

— На Зону их интересы распространились совсем недавно. В сталкерской среде о них знают далеко не все. Представьте себе людей... неприлично богатых людей, которых интересуют труднодоступные предметы из недалекого прошлого. Притом они, предметы оные, обязательно должны являться немymi свидетелями каких-то очень значительных событий.

— Ну, допустим.

— Но просто добыть такую вещь это для модерн-антиквара — слишком пресное развлечение. Им надо нечто более... э-э-э... смачное. И вот клуб сувенирщиков...

— Сувенирщиков?

— Простите, между собой мы их так называем. Род сленга, простите... так вот, собирается клуб сувенирщиков и формирует список «призов». А когда вещи названы и ставки сделаны, за ними отправляются три-четыре команды. Специалисты, проводники и, как бы правильнее выразиться...

Я усмехнулся:

— Головорезы. Подойдет?

— О, вы охарактеризовали профиль их деятельности предельно точно. В прошлом полугодии они охотились за двумя вещами. Во-первых, сборник стихов Николая

Степановича Гумилева «Огненный столп» от 1921 года...

— Сборник стихов? Двадцать первого года?

— Именно. Понимаете, вещь должна быть уникальной, трудноподделываемой и «засвеченной». Иными словами, о ней должны точно знать: она лежит-полеживает где-то в Зоне. Этот «Огненный столп» в принципе невозможно было заменить недавно купленной книжечкой из антикварного магазина: на ней имелась дарственная надпись от одного академика из физиков-ядерщиков, обращенная к довольно известной киноактрисе. Точно знали: книга лежит на антресолях в одной из квартир дома номер 4 по улице Курчатова в Припяти. Там полегло одиннадцать человек, можете поверить?

— Вообще-то могу. Ведь это Зона.

— Зона! — Он несколько рассердился. — Вы не понимаете?

— Чего? Тут убивают, добывая хабар. Модерн-антиквариат — точно такой же хабар, как и артефакты, вот и всё.

Он раздосадованно покачал головой. Мужик, не тяни, давай объясни уже разницу глупому мальчишке.

— Да ведь артефакты могут жизнь спасти больному или раненому! Иногда без них в принципе немыслим скачок целой сферы современной инженерии. А тут миллионерская прихоть! Да, всё в этой жизни идет через деньги, но я ведь не обязан любить и почитать подобное положение вещей...

Я аж вздрогнул. Прямо мои мысли повторяет. Оказывается, неплохой мужик этот Гетьманов.

— Наш мир испорчен. И его испорченность не должна приниматься за норму!.. Извините, я отвлекся... У сувенирщиков всегда бывает «утешительный приз» — вещь «на серебро». Тогда борьба шла за набор печатей, забытых при эвакуации в сейфе дома быта «Юбилейный». Наша Юсси, охраняя каких-то итальянских... э-э...

— ...придурков...

— э-э... не стану спорить... так вот, Юсси получила тяжелую контузию. Неделю пришлось ее выхаживать.

— Но хоть платят исправно?

— Более чем.

— А сейчас за чем будут охотиться?

— В следующем году будут охотиться за кассовым аппаратом из магазина «Светлячок». «Серебряная» вещь — пока в стадии согласования.

— Я имею в виду... *сейчас* за чем будут охотиться?

Гетьманов печально покачал головой.

— Вы, кажется, не осознали... «Будут» — неправильное слово. Охота уже началась. За главный приз вторые сутки идет борьба. Это — бронзовый чернильный прибор с благодарственной надписью от Министерства речного флота СССР передовику производства, капитану какой-то там баржи. А нам под предоставление проводника на Затоне и три дополнительно нанятых ствола французская антикварная команда «Пополь» выдала столько, что хватило на достаточно дорогое оборудование. — Слово «достаточно» он сказал особым тоном. — Так что два соавтора, два блистательных аномальщика, торчат на уровне третьи сутки, разделив обязанности. Доцент Минского университета Ю. Заяц водит с тремя «долговцами» французов по Затону, а доцент Московского гуманитарного университета Ж. Жилко под охраной двух военсталкеров дни и ночи проводит рядом с аномалией Котел. Знаете какие результаты дает облучение Котла ультразвуком в сочетании с температурами порядка полтора-два — двухсот кельвинов? О! Да это бесценно! Я бы им Нобелевку дал авансом. Заяц с Жилко заранее, чисто теоретически вывели возможность таких эффектов, в которые никто поверить не мог. Да что я говорю, их даже представить-то себе можно лишь в

виде ряда формул. Когда такое на самом деле началось, мы с Озёрским глазам сво...

— И?

— Не понимаю. Что — и?

— Второй предмет. Ну, который «на серебро».

— А... Простите, несколько увлекся... Медаль Михайлова.

— Не понял?

— Да-да, самая настоящая медаль, которую Михайлов получил от Путина и натурально посеял в окрестностях станции Янов. Знаете эту историю о конференции «История и культура Зоны Отчуждения»?

Я помычал невнятно... а ведь точно, я помнил про какое-то такое сборище, но... вот хоть хрен в мозги вбивай, а доступ в соответствующую папку долгосрочной памяти вчистую заблокирован... Ржавею? Думать и держать знания в системе разучился? Да как тут не заржавеет от жизни этой диггерской...

— Десять лет назад он ухитрился в вокзальном здании станции Янов устроить натуральную конференцию. Сам когда-то сталкерствовал, добыл приличные деньги... без дураков, это состоятельный человек... но страсть к Зоне деньги ему не отбили. Он ведь по образованию историк. Вроде вас, если я правильно понимаю...

— Абсолютно правильно.

— Он сумел каким-то чудом доставить из-за Периметра двух докторов наук и двух аспирантов. Нас туда вытащил. Смог помирить руководство кланов «Долг» и «Свобода», которые до того готовы были глотки друг другу рвать голыми руками, но на один день, ради такой невидали, объявили перемирие. А потом и вовсе установили две точки «вечного мира» — то самое здание и мертвый корабль «Скадовск» на Затоне. Представляете? Всё это — его работа! Он даже доставил руководителя научного центра на Янтарном озере, хотя у того работы было — выше головы. Десять докладов. И каких докладов! Я как-то с тех пор перестал презирать гуманитариев...

«Теперь дело за тем, чтобы гуманитарии перестали презирать тебя...»

— ...Нет, вы не представляете! Конференция — в Зоне! Удачная! Сильная! Сборник материалов... Подборка докладов разошлась по всей сети... А потом его монография «Нетрадиционные формы самоорганизации социума на примере кланов Чернобыльской Зоны Отчуждения». А?

И тут я ору ему:

— Так, бл-лин, это *тот самый* Михайлов?! Наш? Тот?! Да? Который Дэ-Дэ?

Очень мне хотелось взять Гетьманова за грудки, хорошенько встряхнуть и вытрясти, почему он сразу не объяснил, что вот он, Михайлов, — чума академического мира, я же из-за него на истфак пошел! Это его книга «Материалы для истории Чернобыльской Зоны Отчуждения», это его «Хронология Чернобыльской Зоны Отчуждения в самом сжатом очерке», это его «Мифология ЧЗО и «Кодекс сталкера»». Оказывается, он Зону знает, как любимую женщину...

Я думал: откуда он столько источников собрал? А он тут шастал туда-сюда, годами?!

— Тот самый. Михайлов может быть только один. И это он лишился тут своей медали.

— Отобрали? Медаль-то?

— Да нет, кто у него отберет. Он сам из бывших сталкеров, попробовал бы кто-нибудь у него отобрать! Он хоть и остепенился, стал легендой, а за жизнь такого сорвиголовы я бы не дал и пяти копеек. Понимаете, Михайлов хотя и даровитый человек, но... у всех есть маленькие слабости... он ужасно, непредставимо тщеславен. Представьте себе: вышел вести конференцию в антирадиационном костюме, с противогазом в подмышке и... с какими-то там крестами и медалями. Прямо на животе посадил себе на комбинезон огромную сверкающую звезду не пойми какой просветительской общественной организации районного масштаба.

«Ну а что, заслужил — носи!» — мысленно вступился я за Михайлова.

— Так у него свои братья сталкеры самую главную медаль — знак президентской премии — прямо во время заседания свинтили. В воспитательных, надо полагать, целях.

— Хм... от президентской премии... и что, дорого такая фитюлька стоит?

Гетьманов взглянул на меня с некоторым подозрением.

— А ты что, знаешь?

— Да откуда мне...

— Сезон охоты продлится еще десять дней. Всё это время медаль будет повышаться в цене. К концу сезона, полагаю, за нее отвалят от трехсот до пятисот тысяч у. е. А после окончания сезона цена резко упадет. Всего-то тысяч сто пятьдесят, какая ерунда по большому счету... хе-хе. Знаете, как отреагировал Михайлов, когда обнаружилось, что медаль украли?

— Разозлился, надо думать! Свои же, суки...

— Нет. Совсем нет. Он смеялся. Я сам видел. Я был при этом. Странный человек. Когда он заработал достаточно денег и достаточно славы, его перестало интересовать и то, и другое. Судьба медали как атрибута славы его ничуть не огорчила. Сказал: «Зона забрала, ну, пускай поиграется... Она же как ребенок, умные люди говорят!» Он сам предложил модерн-антикварам сделать из медали предмет охоты, хотя знал, что в этом случае она никогда к нему не вернется. У нас быстро из-за нее шевеление началось. Еще сезон не открылся, а пара человек уже лишились жизни, добывая ее.

Ну да... Если бы только пара! Третий по сю пору братается со шпалами, а кандидат на вакансию четвертого сидит прямо перед тобой, Павел Готлибович.

Мне стало понятно, за какие деньги вся эта антикварная шантрапа в Зоне головы кладет. Вовремя Гетьманов мне это рассказал, слов нет, до чего вовремя. Я сразу понял: малейшая попытка продать медаль, находясь в Зоне, будет стоить мне головы. Прибьют мигом, только высунься. Тут за артефакт на пять тысяч свинцовую карамельку прямо в желудок положат, а... за полмиллиона?! Порвут, не задавая лишних вопросов.

Может, сбить ее за Периметром? Стоит попытаться. Я решил увести разговор подальше от скользкой темы. Михайлов... живая легенда!

— Ни слава, ни деньги ему, значит, не нужны... зачем же он сюда продолжал ходить? Ведь он много раз бывал тут, если я правильно понял, и помимо конференции. Его интересовала Зона сама по себе?

— Не вся Зона. Для Михайлова в Зоне самым интересным были не артефакты, не аномалии и не мутанты. Он всегда больше всего интересовался...

Но тут Гетьманова прервали.

Пилот вертолета заорал, перекрывая могучим басом рокот винта:

— Снижаемся. Под нами Затон. Так что с вещами на выход, цыплятки, бл-лин!

— Через два часа на этом же месте! — приказал ему Гетьманов.

Осипенко с Малышевым уверенными движениями настоящих мачо пытались выдавить песок из неспросыпающихся глаз. Я ожидал услышать глуховатое щелканье предохранителей и раскатистое клацанье автоматных затворов. «Калаш» — довольно громкая штука. Мой АКСУ приводится в боевое положение с характерным звучком, которые у нас в стране отличают от всех других звуков миллионы служивших мужчин.

И точно, военсталкеры заработали пальчиками, но у них звук вышел не в пример тише и... совсем другой.

Пригляделся.

Осипенко и Малышев были вооружены очень короткими автоматами с откидными прикладами и прямыми магазинами. Никакого сходства с «калашом», и не только классическими представителями «калашного семейства», но и всякой экзотикой. Эти

автоматы вообще больше напоминали игрушки, а не настоящее оружие.

— Что это?

— «Вихрь», — коротко ответил сержант.

И в одном этом слове было столько гордости!

В общем, удостоился я чести лицезреть настоящий живой «Вихрь»... С подобной вещью стой стороны Периметра у меня просто не было шансов столкнуться, а я, как и всякий нормальный мужик, такие штуки уважаю.

«Вихрь» — ствол редкий и дорогой. С «калашом» никакого сравнения — да и делали ее не ижевские оружейники, а климовские, а это совсем другой коленкор.

Прикиньте и зацените, ребята: эта железка лупит девяти-миллиметровыми бронебойными пулями, вынося парней в бронежилетах на раз. В ее коротенький магазин влезает двадцать патронов, дорогих и весьма эффективных патронов, не чета гораздо более тупым, дешевым и распространенным боеприпасам другого автомата спецподразделений 9А-91.

На двух сотнях метров малютка хороша, точна и высокоубойна. Посложнее, конечно, чем та простота, которая болтается у меня на ремне, но зато и классом повыше. «Калашки» попытались было ее догнать и перегнать, но рожденная в этой гонке тяжелая дура — автомат «Тис», из которого торчит всё, что не должно торчать при скрытной переноске, — никого в восторг не привела.

Что же, я позавидовал сержанту с капитаном...

И тут пилот принялся ругаться самыми черными матерными каскадами, строя этажи с четвертого на пятый.

Дверь вертолета распахнулась, я выглянул и обомлел. Рядом с нами, метрах в двадцати, стоял другой вертолет.

Мертвый металлический крокодил. Разбитый. Ржавый.

— Вперед, радиоактивное мясо! — бодро скалясь, гаркнул Осипенко. — Что застрел? Хочешь жить вечно?!

И мои подошвы вновь коснулись колдовской земли Зоны...

Глава 18. Затон

If I was in World War Two they'd call me Spitfire...

Шею пронзила дикая, непереносимая боль. Будто осатаневшая от голода металлическая крыса вдруг спрыгнула откуда-то сверху мне на плечо и вцепилась в меня нержавеющей челюстями.

Я упал на землю, вцепившись одной рукой в шею, и завыл (автомат, однако же, не выпустил).

— Руку ему, р-руку, Малышев! Руку от горла оторви! — заорал Гетьманов.

Сержант, шедший рядом, вцепился в меня каким-то хитрым спецхватом, так что в первый момент мне было не ясно: хочет ли он отодрать мне руку от шеи или просто решил сломать ее к такой-то матери?

Вдруг он отшатывается и начинает орать еще отчаянней меня, с привизгом, тонко-тонко, будто его режут во дворе китайского ресторана на мясо по-сычуаньски тупой бамбуковой пилой.

— Оттаскивайте их! Капитан! Не туда! За ноги!

Вертолет, окатив всех нас воздушной волной, резво стартовал. Вольнонаемному парню наши вопли — знак сматываться, ничего больше, просекли?

Меня, как труп, тащили куда-то за ноги, а под черепом пылала, перекатывалась, раскаляя каждый нерв, убийственная боль. Гетьманов, не чинясь, вмазал мне под глаз, потом еще разок — под дых.

Сильный, сукин сын! И это кабинетный ученый, называется! Потом я почувствовал, как он срывает мою флягу, отводит мою ладонь, зажимающую страшный укус на шее, и льет на рану ледяную воду. Стало малость полегче.

— Антидот надо скорее, а так вся кожа спечётся, — бормотал Гетьманов, перебегая от меня к сержанту, которого заламывал Осипенко.

— У меня есть антидот! — ору я ему. — В рюкзаке у меня!

И как могу быстро выпутываю руки из лямок.

— Да тихо же ты, мать твою! Товарищ сержант, я тебе, козлу, приказываю...

— у-у-у-у-у-у-у-у! — отвечал ему Малышев.

Хряск! Хряск! Хряск! Сначала в глаз. Потом — под дых!

Опробованная метода у Павла Готлибовича!

— Где химантидот?! — кричит ученый. — Есть?!

Перед глазами плывет. Судорожно раскрываю шмотник.

Где? А-а-а! До чего же все-таки больно!

Хочется закрыть глаза, сжать шею, сжать голову и вновь кататься по земле, никого к себе не подпуская.

Вот он, родимый.

— Держите! — протягиваю шприц Гетьманову.

Жало, но теперь целительное жало, вновь вонзается мне в шею!

— Половины шприца тебе хватит, — деловито бормочет Гетьманов. — Заживет, не спечется. А половину, уж извините, вкачу сержанту. Если не возражаешь.

— Конечно, не возражаю!

Тем временем мне легчает... Мать твою, и в самом деле легчает! Как хорошо...

Слышу, сержант тоже перестал биться в руках у Осипенко, знать, и ему дозу вкатили.

— Что это было... т-товарищ капитан?

— Чтоб я знал.

— Спешная, непродуманная подготовка спасательной экспедиции, вот что это было. Ну, Малышев, вы теперь по гроб жизни обязаны нашему гостю. Если б не его запасливость, остались бы на всю жизнь калекой. С маху аж в самую «бороду» лицом влетели... Как еще живы остались.

— А? А? — лепетал сержант.

Оглядываюсь.

Точно, с лопасти угробленного вертолета, по соседству с которым мы десантировались, свисает какое-то мочало. Я точь-в-точь рядом с ним приземлился. А сержант, когда мне руки заламывал, харей мог запросто в эту дрянь угодить. В темноте-то не видно...

— «Жгучий пух»? — спрашиваю.

— Вроде того. Пальцами шею не трогайте. В аптечке имеется перекись водорода... Обоим: промыть раны немедленно! А вы, Осипенко, будьте добры, наложите им пластырь.

...Мы шли по каким-то кустам, меж деревьев, казавшихся в ночной темени изуродованными металлическими фермами, шли по лысой земле.

Тут, на Затоне, трава не росла сплошным покровом, она перла из почвы отдельными мелкими кочками. Тут пучок, там пучок, сям пучок... Голая земля разве только не отсвечивала в мертвенном лунном сиянии, как макушка Озёрского.

Боль оглушила меня, я едва соображал.

Не успев как следует очухаться, мы начали движение. Приходилось смотреть под ноги, бдитительно вертеть башкой и стараться не отстать от прочих. Я шел замыкающим. Но куда

меня вели и как долго мы топали, я бы не вспомнил даже под пыткой. Во мне все еще плескалась боль — утихшая, но не умершая окончательно.

Поэтому я сначала наткнулся на спину капитана и только потом осознал, что две секунды назад Гетьманов скомандовал: «Стой! Мы на месте».

Под ногами хлюпала вода. В тысяче мелких луж плавали осколки лунного света. Перед нами стеной стояли камыши или прочая речная растительность. За камышами мерцал свет.

Гетьманов поднес к губам продолговатую свистульку и над водой раздался троекратный протяжный крик неведомой мне болотной птицы.

— Стойте. Подождите, пожалуйста, — велел наш ведущий.

Полминуты спустя из сердцевины ночи раздалась ответные девять жалобных свистков с тремя длинными перерывами.

— Признали... Ну, слава Богу, живы.

Павел Готлибович потоптался на месте, приглядываясь, сделал пяток шагов направо, потом десяток — налево и, наконец, нашел узенькую тропку через заросли. Мы шли один за другим. Сначала воды было по щиколотку, затем вода стала заливать за голенище сапога, — к счастью, совсем скоро Гетьманов вывел нас на сушу.

И тут я увидел такое, ради чего стоило побывать в Зоне.

Над болотом возвышался невысокий холм. Вся его верхушка была разворочена глубокими канавами и бороздами. Словно в недрах этого бугра взорвалась авиабомба изрядных размеров, или оттуда вылезло гигантское насекомое, расправило крылья и улетело, оставив за собой руины земляного жилища.

Над вершиной стояли пять столбов пара, подсвеченного снизу желтоватым сиянием. Столбы время от времени сдвигались с места и медленно дрейфовали то в одном, то в другом направлении... Сказочное это зрелище достойно было поэта или художника.

— Стой, кто идет! — раздалось из кустов у основания холма.

— Профессор Гетьманов, первый заместитель директора Международного научно-исследовательского центра, — ответил ведущий.

— Проходите.

Мы миновали часового.

У самой глубокой канавы Гетьманов остановил нас.

— Что это такое? — спросил я.

— Там, внизу, на дне углубления, — радужная жижа фантастического состава. Такой биохимии не наблюдал еще никто на Земле. А под ее поверхностью плавают аномалии, вошедшие в сталкерский сленг под названием «жарки»... вам известно что это?

— Да, конечно.

— Так вот, «жарки» безжалостно испаряют жижу, а она постоянно появляется вновь и вновь, восполняя потери. Мы делаем замеры в течение года: колебание уровня жижи — не более десяти сантиметров. В течение года. Вы осознаете, что это означает?

У края канавы на тележке стоял металлический шкаф с бодро помигивающим электрооборудованием. Рядом на второй тележке мирно дремало устрашающее стеклометаллическое устройство, похожее на храм, который построили за десять лет, а потом на протяжении еще пятисот лет множество раз перестраивали. В центре нагромождения я заметил баллон с надписью: «Осторожно! Жидкий кислород!».

От нее вниз, к жиже, тянулось несколько шлангов. Глянцевитый бок цистерны отражал разноцветную иллюминацию электрошкафа, но на самом агрегате не горела ни одна лампочка. По соседству немо пялились на канаву два мощных прожектора.

На другой стороне канавы за переносным столиком спиной к нам сидел худощавый парень с короткой стрижкой. Он выщелкивал симфонию на клавиатуре старенького ноутбука, а экран источал бледное свечение. Вдруг парень заговорил:

— Енов, вы должны были поставить последний датчик три минуты назад. Вы что там, решили искупаться? — По голосу я понял: нет, ребята, это никакой не парень, это женщина. И притом достаточно нервная.

Чуть позже я узнал, что носит она простоватую украинскую фамилию Жилко.

— Да, Жанна Афанасьевна... я тут... как бы вам сказать... — донесся чей-то голос из канавы.

— Членораздельно, ефрейтор! Скажите членораздельно!

— Да тут, Жанна Афанасьевна, целое скопление артефактов... Вон там «кристалл», а «мамины бусы» я уже взял...

— Превосходно. А теперь вылезайте оттуда, да побыстрее!

Над краем канавы появились две руки, и в каждой было зажато по артефакту. Потом выплыла счастливая рожа в военсталкерском берете.

— Ыва! — гаркнул ефрейтор Енов, страшно довольный.

Женщина устало вздохнула и спросила у военсталкера из канавы:

— Ну и сколько вы уже служите в Зоне, ефрейтор?

— Десятый день пошел!

— Могли бы сообразить, что нельзя просто так хватать артефакты без разрешения ответственного за вас лица!

— Я ж не себе в карман, я только ради науки! — обиженно прогундосил тот, выкарабкиваясь наружу.

— «Ради науки» у нас свободен один, и притом самый маленький, контейнер. Допустим, «мамины бусы» мы разместили именно в нем. Куда прикажете сунуть «кристалл»?

— Да я в вещмешке подержу! Или в котелок...

— Стоять! — рявкнула женщина.

— Да я...

— Исполнять приказ! — правильным командным голосом отдал распоряжение Осипенко.

Енов застыл на месте.

— Товарищ солдат, — с той же усталой интонацией монотонно произнес Гетьманов, — во-первых, не забудьте вколоть себе антидот, поскольку «кристалл» радиоактивен, а вы еще, наверное, детишек иметь хотите...

Енов бросил «кристалл» на землю.

— ...во-вторых, если вы его положите в рюкзак, с вашим здоровьем начнут происходить необратимые изменения, о которых мне и говорить-то страшно...

Солдат с ужасом воззрился на хабаринку.

— В-третьих, наличие поглощающего тепло артефакта в аномалии Котел — это часть нашего научного эксперимента.

Енова хватил столбняк, из которого его вывел только Осипенко:

— Ефрейтор Енов!

— Я!

— Отстегнуть саперную лопатку МСЛ!

— Есть!

— Отправить артефакт «кристалл» на дно канавы одним ударом! А потом туда же бросить лопатку! Приказ ясен?

— Так точно!

— Исполнять!

Ценный «кристалл» и МСЛ дважды вяло булькнули, медленно входя в радужную жижу.

— Два наряда вне очереди по кухне за раздолбайство! По прибытии на базу доложите лейтенанту Колокольникову.

— Е-есть два наряда вне очереди... — пригорюнился ефрейтор.

— Не забудьте положить «мамины бусы» в контейнер, — наставлял его Гетьманов.

Енов такточнул и поплелся к груде вещей, сваленной у основания холма.

— Как хорошо, что вы здесь, Павел Готлибович! Я так рада! — искренне обрадовалась женщина-мальчик.

— А мы о вас беспокоились, Жанна Афанасьевна. Связи-то нет. И как там Юра? Не стряслось ли с ним беды?

Заворковал... Ну а почему бы и нет? Баба в Зоне — это драгоценность! Даже самая несимпатичная — и та что-то вроде принцессы на выданье! Да тут, похоже, вся могучая военная тусовка ходит перед этой лесбой на цыпочках. Тем любопытней, кого она из всех этих мужиков для себя выбрала...

Бравого капитана? Или переменчивого Гетьманова, который то рохля, то мачо, в зависимости от настроения? Да нет, ребята, сто из ста, к Озёрскому баба прислонилась. Вот не знаю откуда, но ясно же. Сто процентов. Сто пятьдесят.

Точно, от Гетьманова она отмахнулась.

— На третьей стадии эксперимента я спровоцировала появление аномалии «магнетик». Эффект необычайно сильный! Фактически это супермагнетик, им накрыло весь Затон. Связи тут еще сутки не будет. Как минимум! У Юры всё хорошо. Водит клиентов по баржам, сейчас они на посудине с грузовым краном, недалеко отсюда. На той, где причал устроен, помните?

— Там еще лесенки такие ржавые... на второй этаж... Она?

— Именно! Павел Готлибович, нам тут без конца мешали. По местным понятиям аномалия Котел — вроде Клондайка с артефактами. Мы ими тут заполнили все свободные контейнеры, да нас еще трижды сбивали с дела какие-то шайки. Кое-кого отогнали огнем, молодцы, мальчики. Другие сами поняли, что место занято. А третьим пришлось отдать артефакт «золотой шар» якобы за новую аптечку, а на самом деле, чтобы нас просто оставили в покое. Этой ночью мы с Юрой, наконец, сумели всё настроить как надо. Три стадии прошли успешно. Все материалы записаны. Геннадий Владимирович будет доволен!

Ну, говорил я вам, ребята? О ком женщина станет говорить *таким* голосом?

А она продолжает чирикать:

— Павел Готлибович! Мы стоим на пороге открытия. На подготовительных стадиях при двухстах кельвинах зафиксировано повышение уровня на пятьдесят шесть миллиметров за шестьсот секунд.

Гетьманов ошарашенно потер виски.

— Я поверить не могу... — сказал он тихо.

— Мы с Юрой тоже сначала не могли поверить! В перспективе это шанс для всей страны... то есть... для всех трех стран... Да при правильном подходе к делу на всей планете можно искоренить голод! Через пару минут сможем начать... Побудьте у рефрижераторной установки, прошу вас! Солдатики хорошие ребята, но они же в этом ничего не понимают, и мы тут, в сущности, здорово рискуем. Побудете, Павел Готлибович? Почему вы так смотрите на меня?

Повисла неудобная пауза. Гетьманов должен был, в сущности, отдать простой приказ: эксперименты на хер, сворачиваемся и топаем к тому месту, откуда всех заберет вертушка. За второй частью группы направляем гонца. Прямо сейчас. Ну!

А Гетьманов никак не мог решиться. И я его, в сущности, понимал.

Во-первых, кто не спасует перед такой энергичной... дамой-доцентом? Во-вторых, — и это главное, — нормальный ученый живет своей работой. А всё остальное автоматически оказывается у него на втором плане. В том числе семья, здоровье и безопасность.

Наш ведущий, наконец, решился:

— Мне очень жаль, но на эти вещи у нас сейчас нет времени, Жанна Афанасьевна. Банда Репы находится в непосредственной близости от Затона. Сейчас они, я уверен, совсем рядом, в двух шагах...

— По оперативным прикидкам, Репа уже в восточной части уровня Затон, — пришел к нему на помощь Осипенко.

Ну вот, всё нормально. Сейчас снимемся, потянем все эти многопудовые тележки по болоту, выйдем к точке встречи с «вертушкой» и, даст Бог, благополучно ее дождемся.

Тут Жанна Афанасьевна, анархистка и факел науки, сложила молитвенно ладони и трогательно взмолилась:

— Павел Готлибович! Дорогой! Только десять минут. Всё уже готово! Нажать несколько кнопок и снять показания. Всё! Больше ничего не понадобится. На коленях вас прошу, родненький!

— Вы ставите всех нас в крайне рискованное положение...

— Ну Па-авел Готлибович... — канючит Жилко. — Ну пять минут... Это же такая ерундовая ерундовина!

Вот бабы! Им всё кажется, если какую-нибудь опасную напасть назвать уменьшительно-ласкательно, она станет менее опасной напастью. Я уже знаю, чем это кончится. Секите фишку, ребята, сейчас она заплачет. Вот стерва.

— Нет. Нет, нет и нет! — Гетьманов категоричен.

— Это смертельно опасно! — всю ассистирует ему капитан.

Мальшев негромко хихикает у меня за спиной.

Жанна Афанасьевна закрывает лицо руками и вздрагивает всем телом. Это такой пробный аккорд рыданий. За ним еще два. Ну, понеслось...

— Всю жизнь... — слышится из-под ладоней, размазывающих слёзы по впалым щекам. — Всю свою жизнь я мечтала об этой секунде...

— Не плачьте, Жанна Афанасьевна... Нам бы надо... уже...

Осипенко махнул рукой и отвернулся. Ее величество плачут! Холопам остается только ждать.

— И ведь больше никогда... никогда-а-а... — чувственно подвывает Жилко. — Это несправедливо!

Женщина в Зоне — всегда очаг нестабильности.

— Три минуты. Вы слышите, Жанна Афанасьевна? Я даю вам только три минуты! — смирившись, наконец соглашается Гетьманов.

Это значит — делай что хочешь, только не плачь. Пусть нас всех перебьют, главное, чтобы ты была довольна своими научными результатами.

— Павел Готлибович! — не скрывая восторга, всплескивает руками Жанна Афанасьевна. Ее слезы вмиг высыхают. — Вас надо канонизировать! Мы! На одно мгновение! У нас всё готово! Да мы... прямо сейчас... немедленно!

...Минут через пять им всё-таки удалось раскопегарить аппаратуру. Тем временем Осипенко расставил всех четырех стрелков, какими располагал, по разным точкам острова.

— Группа эскорта! Отдаю приказ: стрелять — при малейшем шевелении. Ясно? Не кричать, не задавать вопросы, а именно стрелять. Наши обозначат себя кодовым свистом. По всем остальным — огонь на поражение!

Сам он встал рядом с учеными. С собой, что ли, собирался закрыть в случае перестрелки?

Мне досталось защищать тот проход через камыши, по которому мы сюда явились.

За спиной у меня слышались деловитые голоса: «Павел Готлибович... синхронизируем... контрольный хронометр... включаю программу считывания... готов... все датчики в норме... даю ультразвук... давайте, Павел Го-о-о-ё...»

И тут раздался громовой шип, будто великан, спящий под холмом, во сне заворочался и

тяжко вздохнул. Я не вытерпел и обернулся.

Над Котлом стояло облако пара высотой с трехэтажный дом. Густая вата клубилась, закрывая небо и лес, поднималась выше и выше. Великанский вздох всё не прекращался. Туманище накатил на Гетьманова с Жилко, из недр его донесся веселый вопль: «Пошел отсчет по датчикам, Павел Готлибович! Пошла информация!»

А что, ребята, может, оно того стоило? Репа видит нас. Репа слышит нас. Репа идет сюда, чтобы убить нас, и наблюдает перед собой идеальный ориентир. У него почти тридцать бойцов. Вряд ли мы уйдем отсюда живыми.

— Куда глядишь, раззява?! — кидается ко мне Осипенко. — Фигли клювом клацаешь?! Проспишь бандюков!

И я с сожалением поворачиваю голову, чтобы заняться, наконец, своим сектором... поворачиваю... пово...

Ничего я не успел повернуть. Я хотел как следует рассмотреть туманный дом над холмом. И увидел другое «чудо» Зоны, не имеющее никакого отношения к науке. Капитан вздрогнул, и прямо из переносицы у него выстрелил маленький черный фонтанчик.

Это не я проморгал бандюков.

Это был тот парень, которого воспитывала Жанна Афанасьевна Жилко, ефрейтор Енов. Та сторона холма, где он залег с автоматом, вскипела от пуль. Ничего он не успел — ни выстрелить, ни крикнуть. Я видел, как дергается его тело, пробитое в нескольких местах, дергается и принимает свинец, еще, еще и еще...

Слышу, как бьет «Вихрь» Малышева. Даю очередь в три патрона по вспышкам. Перекатываюсь. Еще очередь. То место, где я только что лежал, вспенивает густая пулеметная очередь.

Мимо меня пробегает военсталкер, только что игравший роль часового, плюхается наземь... «Таг! — глухо взлаивает «драгуновка» в его руках. — Таг!»

— Жанна Афанасьевна! Жанна Афанасьевна! Где же вы? — доносится из туманища голос Гетьманова.

С той стороны, где лежал ефрейтор Енов, холм связан был с берегом узким перешейком. Перешеек, покрытый лужами почти полностью, отменно простреливался.

Пара кустов, а дальше — метров пятьдесят открытой местности, до самой кромки елового леса, откуда били автоматчики Репы. Короткими перебежками к перешейку подбирался десяток бандитов. Их прикрывали огнем остальные. Если мы сейчас же не уберемся отсюда, нам хана. Полный мандец, ребята.

Даю еще одну очередь на два патрона. «Др-р-р-р!» — откликается автомат Малышева. «Таг!» — упрямо долбит «драгуновка».

Залегли, суки.

И вдруг — даг! — грохочет из ельника гаусс-пушка. Снаряд ее разрывается внутри облака, накрывшего всю верхушку холма. Кто-то вскрикивает.

Бросаюсь в «парную». Натыкаюсь на Гетьманова. Он катается по земле, зажав уши ладонями.

— Жа... на... — пищит он едва различимо, пытается подняться и падает на колени.

— Жанна Афанасьевна!

Да где она? Тут пространства с гулькин хер, негде спрятаться.

Вот же расклад!

Вдруг вижу: Жанна Афанасьевна Жилко с окровавленным лицом карабкается прочь из канавы, но не может вылезти. Подскакиваю к ней. Она удерживается на краю, над жижей, перегнувшись и оперев локти в землю.

— Н-на... держи-и, — протягивает она мне что-то. — Озёрскому отдай. Он будет... счастлив...

Каждое слово дается ей с большим усилием. Ранена?
Протягиваю руки, чтобы вытащить ее из канавы, но она отталкивает меня.
— Спасибо... Это уже ни к чему... Ее вот спаси...
В ладонь мою ложится обычная флешка. Старая штуковина. На некоторых компах уже и разъемов под нее не делают. Ну да это не беда.
Прячу флешку в карман и все-таки тащу тело Жилко из канавы, а она упирается...
«Только... обу... за... её-о-о... её-о-о... спа...» — бормочет.
Вытягиваю обрубок — одной ноги нет по щиколотку, другой — выше колена.
— Ду-би-на... Погиб... нешь... со мной... зазря... брось... Её... Озёр... ско...
«Даг!»
Снаряд гаусс-пушки взрывается в двух шагах. Что-то толкает меня в бок.
Мы с Жилко в обнимку летим к основанию холма, а когда приземляемся, ее голова мертвой тяжестью падает мне на подбородок. Из шеи женщины-мальчика хлещет кровь. Позвоночник перебит осколком. Всё. Я сжимаю в объятиях труп.
Самого-то меня куда ударило? Ранен? Или нет?
Вот же падаль! «Альпиец» обезображен осколком до полной утраты боеготовности. Везет же мне с оружием.
— Жанна Афанасьевна! Жан-на... Сержант! Куда вы меня... Я приказываю...
Малышев тащит мимо меня в камыши, в болото, обмякшего Гетьманова.
— Давай, Тим, за мной, млять! — и еще кому-то за спину: — Не отставать!
Военсталкер со снайперкой, пригнувшись, палит в сторону перешейка.
Отпускаю стремительно холодеющее тело. Кричу Гетьманову:
— Жанну Афанасьевну убили!
Электрошкаф на холме разлетается в щепы от прямого попадания из гаусс-пушки.
— С-суки, — бормочет снайпер. — Двоих я точно положил...
— Где они?
— Да уже на той стороне холма. Перешеек уже их.
— Тогда будет им сюрприз... гранаты есть?
— Есть. А на хрена тебе? Не добросишь.
— Дай!
Он дает. Такая же РГД-5, как и у меня.
— Давай, браток, в камыши. Чуть подале, — говорю ему.
Мы делаем несколько шагов. Метрах в двадцати впереди нас слышится голос Гетьманова:
— Поставьте меня на ноги, сержант! Немедленно! Я могу передвигаться, я не ранен, я всего лишь слегка контужен...
Хватаю снайпера за локоть.
— В самый раз. Идея есть одна...
— А? — и на лице у него написан вопрос: «Что за идея?». А в глазах — мучительное желание сбежать.
— Погодь, — говорю. — Задержим их тут как следует. Ты только помоги мне.
Ну, он военный, понты, туда-сюда, не хочется ему показывать, что зассал. Это ж ясно.
— Смотри.
Я размахнулся и отправил одну гранату за холм.
Рвануло. Оттуда донеслись такие вопли! Такой истошный, отчаянный крик!
Очень хорошо. Ну получите, твари, вторую. Хорошо легла! Опять взрыв — чуть левее — и опять адские крики..
Вот вам еще сюрприз, дармоеды! Я в беге и прыжках не силен, вот только дар у меня один есть — далеко метать тяжелые штуки. А если понадобится, то и очень далеко. И вам,

чмошникам, даже представить себе трудно, откуда я могу заметить эргэшку прямо вам под ноги!

— А теперь, давай, братишка, глянь в прицел. Сейчас те, кто там жив остался, нас своими гранатами забросать попробуют. Прямо с вершины холма. Ты уж не подведи, херакни им в самый что ни на есть момент!

— Да понял, не дурак...

Приник парень к своей металлической ляльке, водит ею вправо-влево... Бабах!

И орет мне в самое ухо:

— Пригнись!

На самой вершине холма опять рвануло. И рвануло — мое почтение!

Осколками возле нас все камыши в мелкое крошево посекло.

Понятно мне: отважные твари — эти бандюки. К несчастью для них, вместо того, чтобы закупить старых добрых простецких эргэдэшек, они набрали дорогих и лукавых эргаошек. А меж тем учиться надо с такими штуками работать, мать вашу, раздолбай! После того как снайпер их гранатчика пристрелил, трехсотграммовая рифленая дура брякнулась у него из руки на землю, и какой-то долбонавт двинул по ней ногой, хотел отправить ее подальше.

Не знал он, что эргаошка *срабатывает от удара*. И теперь там у них очень думственно стало. Разлет осколков от этой дряни такой, что мало не покажется. И какие осколочки! Эх...

— Уходим, пока передышка!

Прав мужик. Потому что если нам в спину метнут такую дуру, то все эти осколочки будут наши...

В общем, побежали — страх придавал нам прыти. Догнали Малышева с Гетьмановым в два счета.

— Точно ли погибла Жанна Афанасьевна? Вы это видели? Вы пощупали пульс? — вцепился в меня Гетьманов.

— Труп. Без вопросов. Она мне оставила... — тянусь в карман за флешкой, и тут метрах в сорока от нас взрывается граната.

Другая. Третья. Все с недолетом, понятно, но все — эргаошки.

— У-у-у-у! — стонет Гетьманов, схватившись за щеку.

— Вот гнида! — ругается снайпер. Из продырявленного осколком вещмешка Малышева сыплется барахло.

Вот зачем мы тут задержались? Осколок от РГО наверняка убьет с пятнадцати метров, скорее всего с двадцати пяти. До нас и того дальше. Но не настолько, чтобы оставаться тут было безопасно. Оказалось еще у Гетьманова ранение — через всю щеку до уха, а снайперу левую ладонь посекло... Инвалидная команда!

— Всё, уматываем! Профессор, веди, мать твою, — разворачиваю Гетьманова в ту сторону, куда он двигался с Малышевым, пинком придаю ему ускорения.

Гетьманов бежит сквозь заросли осоки, зажимая щеку ладонью. Сквозь пальцы просачиваются струйки крови. Все мы несемся за ним.

С вражьей стороны никто не суется в воду — желающих преследовать нас нет. И только пулемет захлебывается лаем, рассеивая пули наобум. Две или три из них чмокают рядышком. Говорю снайперу:

— Можешь достать гада?

— Может, и могу, — отвечает он на ходу. — Но лучше бы нам не задерживаться.

— Поясни?

— Пулеметчик нас не видит. А вот когда их снайпер до холма доберется, тогда... тогда нам хана. Он — увидит.

Киваю — прав он. Светать начало. Уже не былая темень кругом, а мутноватая

предрасветная серь. Хороший стрелок с хорошим стволом положит нас тут как нечего делать.

А снайпер, резво швыряя мослы, спрашивает:

— Ты чего гранаты в белый свет кидал? Чё, ты так уверен был, ну... что бандюки именно там стоят? Мог же напрасно истратить!

— Не мог. Я точно помню, где у вас контейнеры с хабаром лежали. Ну, значит, и эти туда в первую очередь пошли... Такой был расчет.

— А откуда ты узнал, что они нас в ответ забрасывать гранатами станут?

— Так ведь мудачьё. Бандюки, отбросы. У них всегда рефлекс срабатывает: зеркалить, то есть сделать то же, что им сделали. Они вначале зеркалят, а уж потом у них соображалка включается... Если вообще включается...

— Егором меня зовут, — добавляет снайпер и сует мне руку.

Торопливо жму ее.

— Тим.

— А?

— Ну, Тимофей.

— А.

Шпарим по Затону на пятой скорости. То на сушу выбираемся, то опять в холодную черную жижу ныряем. Где-то ее по колено, а где-то и по пояс...

Сколько минут мы сапогами тину глотали, по кочкам лазали и брызги во все стороны разбрасывали!

А за нашими спинами, где-то в отдалении, уже и хлюпать начало в болотной-то жиже. Стало быть, охотники за нами чапают.

— Пришли, — хрипло выдыхает Гетьманов.

Достает свою сигнальную свиристелку и начинает сигнал подавать. Как только отзвучал его сигнал, из-за растительности болотной слышатся ответные трели. Идем на звук.

Посреди всей этой бесконечной тины стоит старая посудина на вечном приколе. У нее там надстройка, как у порядочной, а ближе к носу — кран. То ли строительный, то ли грузовой. И там еще наворочены какие-то железные сходни, понтоны, чуть ли не причал в полный рост, хотя ни одной лодки не видно.

Ржавые трубы, будка, наскоро сваренная из стальных листов... Рядом с краном, да еще на ржавой лесенке при надстройке стоят пять мужиков с автоматами, а рядом еще двое, как бы главных — по всему видно — и у этих главных пистолеты. Из автоматчиков трое, судя по нашивкам, «долговцы», а остальные двое — какого-то лощеного не нашего вида с крутыми рюкзаками, экзоброней и бельгийскими автоматами FN F2000, которые каждый дурак узнает по охрененно дорогой компьютерной оптике.

— Кто такие?! — орет один из «долговцев».

— Буи большие! — глумливо отвечает ему Малышев. — Барсук, ты чё, урод, не признал?

— Ё... Ты, что ли? На чертей стали похожи...

Ну да. Еще бы! У Гетьманова рожа в крови, а остальные просто в болотной грязи по уши.

Павел Готлибович первым вылезает на железные сходни. Дышит он тяжело, разве собственные лёгкие не выхаркивает. Его встречает какой-то восторженный идиот с косичкой, в косухе, а лет тридцать. Рокер, мать его, переросток. В самый раз оделся — для Зоны-то!

— Павел Готлибович! Нашли! Мы нашли приз! Только что! Две минуты назад! Вот! Вот! Второй транш сувенирного гранта — наш! А у вас что? Какая-то стрельба?

Гетьманов устало садится прямо на трубу.

— Юрий Петрович. Нападение Репы. Капитан Осипенко мертв. Доцент Жилко мертв.

Ефрейтор Енов тоже...

— А? Что? Жанна? Жанночка? Этого просто не может быть...

— К сожалению, может... Нам следует сейчас сохранять спокойствие и...

— Жанна! Господи! Как вы могли! Почему допустили?! Она ведь у нас... единственная...

— Доцент Заяц! — пробует на нем свой недокомандирский голос Павел Готлибович.

Куда там! Доцент Заяц пинает ногами крупные железяки, бьется балдой о стену надстройки, долбит кулаками по всему, что найдет вокруг себя твердого... Пистолет бросил.

— Жанна! Жанночка! Жанна! Ну как же ты?!

Гетьманов смотрит на него растерянно. Он выглядит удрученно и даже пристыженно, типа косвенно признает свою вину...

Я поворачиваюсь к Малышеву:

— Сержант, время же! Надо как-то образумить мудака. Что у вас в таких случаях делают?

Сержант смотрит на меня хоть и мрачно, но с полным пониманием.

— Что и со всеми.

Он подходит к Заяцу, сгребает в кулак косяк у него на спине и три раза таранит доцентским рылом ржавую будку. Отпускает.

— Что? Да как вы... Что вы себе... — бормочет тот, растирая по лицу кровь.

Ну, хоть реветь перестал.

Затем Гетьманов молча дает Заяцу пощечину.

— Юрий Петрович! Прекратите истерику. Банда Репы в шаге от нас. Нам надо немедленно уходить отсюда. Точка встречи с вертолетом...

В эту секунду верхняя часть надстройки взрывается, как курятник, в который бросили гранату. Парня в форме клана «Долг» снесло с лесенки, которая вела на верхний этаж надстройки, и ударило о палубу. Другой «долговец» склонился над...

В будку ударил свинец, продырявил насквозь. Еще одна очередь пришлось по крану, выбила искорку, пули с визгом разлетелись в стороны.

— Калибр двенадцать и семь, — констатировал Малышев. — Уходить надо.

До чего же умный человек!

«Долговец», возившийся над телом товарища, распрямился и сказал:

— Труп. Конец Барсуку.

В то же мгновение пуля срезала и его. Он без звука рухнул мертвому Барсуку под ноги.

Снайпер бросился к сходням, занял позицию и принялся выцеливать бандюков.

— Профессор! — крикнул Заяц. — Встретим негодяев в десяток стволов! Нам надо отомстить за нее!

Гетьманов отвесил вторую пощечину.

— Обращаюсь ко всем! — Дальше последовала какая-то муть по-французски, я разобрал только имя «Франсуа». Наверное, что-то типа: «Вас, Франсуа, это тоже касается...» Ну а тот живо переводит своим стрелкам. — Немедленно за мной!

Тявкнула винтовка в руках снайпера.

— Еще один. Павел Готлибович, там семнадцать или восемнадцать бойцов. Дистанция порядка двухсот — двухсот пятидесяти метров...

— Уходим. Сейчас же!

Кран с ужасающим грохотом брызнул металлоломом во все стороны. Второй снаряд из гаусс-пушки разнес его вдребезги...

Зайца отшвырнуло к поручням, ударило, закрутило... перед смертью он издал длинный стон. Большой осколок распахал ему грудь и горло.

Гетьманов, Франсуа с двумя своими бойцами, оставшийся «долговец» и мы с

Малышевым рванули к берегу. Реденький лес создавал нам хоть какую-то защиту.

Еще раз тявкнула винтовка снайпера.

— Лежи, уродец... Павел Готлибович, стойте! Туда нельзя, бандюки разделились, вас отсекут от леса!

Гетьманов встал как вкопанный.

— Так. На вертолет мы уже не попали. Стоит, не знает, куда нас вести.

Тяв!

— Готов, голубчик...

Сейчас же падает один из «лощенных» стрелков с дырой в виске. Его роскошный бельгийский автомат тонет в обычном русском болоте.

— Ложитесь. Мне надо подумать, — велит нам Гетьманов.

Мы подчиняемся. Франсуа что-то зло бросает ему на своей лягушачьей мове.

Со стороны бандюков раздаются автоматные очереди. «Долговец» поливает почти невидимого врага ответным огнем.

Тяв!

Больше у них нет снайпера.

Третий снаряд гаусс-пушки бьет в сходни. Р-р-рав!

Больше и у нас нет снайпера...

Очередь из крупнокалиберного пулемета поднимает в метре от меня веер земляных фонтанчиков.

— Слушайте меня! — поднимает голову от земли Гетьманов. — Уйти нам не дадут. Но на Затоне есть позиция, где мы сможем обороняться, пока не появится связь. А там, я надеюсь, и помощь придет. Давайте... за мной... обратно через все эти железяки... Вперед.

Сварная будка вздрагивает от прямого попадания и с диким скрежетом распадается — канониры гаусс-пушки, как видно, решили, что там может скрываться кто-то из нас.

— Бежим! — кричит Гетьманов.

Мы несемся за ним. Нас осталось пятеро. Автоматные и пулеметные очереди испарывают старое железо, пули с воем отскакивают от труб, свинец рикошетит в воду, жарит по кустам, уходит в небо.

— Быстрее!

Мы уже миновали опасную зону, нас уже скрывает от бандюков болотный кустарник. Вдруг еще один иностранец в экзоброне падает в грязь с простреленным черепом. Срезала его шальная пуля, выпущенная наугад...

Гребаный Франсуа, пузатенький френч в попсовых очочках, бросается, как коршун, к телу стрелка, срывает рюкзак, роется там... Да какого буя? Жить надоело?

— Надо его подождать, — останавливает нас Гетьманов.

Наконец этот петух французский вынимает из рюкзака сверток и догоняет нас. Видно, что сверток тяжелый и бежать брюхану приходится с напрягом. Пот катится по роже, как дождевые капли по ветровому стеклу. Он живо отстает.

Тогда Гетьманов разворачивается и тараторит что-то неведомое. Франсуа отвечает ему парой слов, он вообще едва говорит, чуть не падает.

— Забери у него. И постарайся сберечь. Это важно. Для нас важно, — велит сержанту Павел Готлибович.

Франсуа мотает башкой, нет, какого хрена, мол, это мое...

Малышев молча вырывает у него сверток, а Гетьманов бросает две фразы по-французски, и очень понятная у них интонация: «Не кипешишь, потом отдадим, а сейчас жизнь дороже».

Мы взбиваем тину, перебегаем по сухим участкам, пригибаясь, слышим короткие злые очереди за спиной и отвечаем на них своими короткими злыми очередями.

— Осторожно! — кричит Гетьманов. — Здесь надо очень осторожно! След в след.

На бережке щелкает на нас гляделками некрупный рак-гороскоп. А рядом с ним — фляга, кем-то забытая и в блин расплюснутая гравиконцентратом.

— Осторожно, — повторяет Гетьманов. — Он ветвистый.

Слева от нас — старый катер и моторная лодка, брошенные хрен знает когда. Причем лодка уже почти рассыпалась, так, одни контуры видно, дерево сгнило к херам, а катер ну новехонький, муха не сидела. И даже мотор в нем порывается. Такое вот чудо Зоны!

— Не ближе... пяти шагов, — хрипит Гетьманов.

Он выдохся. И долбанный Франсуа тоже выдохся, только еще хуже. Этот едва копыта переставляет. И его точно пристрелят. Догонят и пристрелят, он не уйдет — уже ясно.

— Кто он вообще? — спрашиваю сержанта.

— Генеральный поисковик команды «Пополь». Через него все наши деньги...

— Стой... — негромко командует Гетьманов. — Вот что, молодые люди...

Генеральный поисковик падает в грязь, не дойдя до нас десятка шагов. Ворочается в грязи, подымается, падает... Потом встает на четвереньки и все-таки бредет к нам.

Гетьманов отдышался и продолжил:

— Вот... что... Смотрите... туда...

Смотрим.

Носом на склоне холма, кормой в низине, накренившись, но не завалившись набок, стоит... я, ребята, в речфлоте не Копенгаген, а потому не знаю как это назвать: баржой или сухогрузом?

Груда стали, когда-то плававшая, а теперь медленно распадающаяся в хлам. Здоровые дыры в бортах. В задках у металлической горы — каюты, рубка управления, антенны, в общем, несколько этажей человеческого жилья. А спереди — какая-то сторожевая вышка, возведенная теми еще столетиями, а потому скособоченная, как старая карга с ревматизмом.

На борту крупными буквами выведено: «Скадовск», а на носу — звездочка.

Чуть поодаль — несколько грузовиков. ЗИЛы, ГАЗы — ожидают тут пришествия шоферов из далекого 1986 года.

— Там... можно... обороняться... пока не... Короче, кто добежит, тому и... тому и жить... Бе... гите...

Мальшев подсакивает к нему:

— Павел Готлибович, я вас не брошу. Мы вас не бросим. Так не делают!

Я в Качирском инциденте выжил!

Зацените, ребята, если понимаете о чем я. На нас двое суток «нелегальная иммиграция» перла — то в виде толпы осатаневших доходяг, то в виде парней на грузовиках и с автоматами.

А мы сначала хлебалом щелками, слезоточивым газом отбояривались, заграждения ставили, а потом остановили гостей свинцом. Мы не виноваты, что у них там, в сердце Азии, какая-то «маковая революция» выжала на север такое зверье!

Потом начальство никак решить не могло: наказать нас или наградить. Так и махнуло рукой, будто не было ни рожна, будто не рвалось в пределы России семьдесят тысяч бродяг, из них до трети — нарки, до половины — горькая уголовщина...

Выжил я тогда чудом... Тем обидней сейчас умереть...

И говорю:

— Надо здесь бой принять. Тогда, может быть, все спасемся...

— Верно! — вскидывается сержант. — Здесь драться правильной!

— Не перебивай. Аномалия на маршруте. Плюс какая-то хрень в моторе бухтит и звуки перекрывает. Плюс они растянулись. Положим передовых, так и до «Скадовска» все оптом доберемся.

Гетьманов смотрит на меня внимательно. Решает в уме задачу: оптимальное предложение или нет. Он — действующий ученый, я — бывший солдат. Я быстрее соображаю в таких ситуациях.

— Хорошо... расставьте нас... наилучшим образом...

Мы стоим по колено в воде. Впереди — катер с лодкой, пригорочек, и на нем, у самого спуска, кривая, обломанная ветром ива. А в пяти шагах от нее, помню, как раз притаился «грави».

Справа — камыши, слева — камыши, посередине — протока. Ставлю Гетьманова с генеральным поисковиком справа, их корпус катера прикроет. Мы с Малышевым встанем слева — отсюда пригорок простреливается отлично.

Ну, пан или пропал, ребята. Сдохнуть в грёбаном болоте — не самое сладостное увенчание сталкерской карьеры...

Бой продлился всего минуту. Не так, как я ожидал. И, подавно, не так, как ожидал Репа со своими быками.

Ждали гостей спереди. Вдруг справа зашумели камыши, Гетьманов с френчами принялись палить туда из пистолетов, на звук. Оттуда ответило с полдюжины автоматов. Обоих наших снесло в три секунды, их развороченные пулями тела отбросило от камышей. Оба схлопотали дозу свинца, несовместимую с жизнью.

А вторая группа, которая нас от леса должна была отсечь, обошла справа, с-сука...

Вот их автоматчики вываливают из камышей, довольные рожи, и Малышев встречает парней двумя короткими очередями в упор. Два стрелка заваливаются в грязь как стояли — с улыбающимися лицами.

Больше я не вижу ничего с той стороны, только слышу пальбу, потому что в этот момент кто-то появляется на пригорке.

Бью по нему. Он по мне. Вода передо мной вскипает от его пуль.

Оба — мимо.

Он опять палит, не целясь, уж больно я близко, кажется, и промазать нельзя...

Я беру его на прицел — лишние полсекунды — и жму на спусковой крючок, чувствуя, как обдаёт щеку теплым ветерком.

Стрелок на пригорке падает и начинает биться в судорогах — я, кажется, вынес ему коленную чашечку.

Тут же появляется второй автоматчик. Жарит он, не глядя, по Малышеву.

Я опять давлю на курок, и... ни фиги. Магазин пуст! Отщелкиваю рожок на хер, в момент вставляю другой и вижу: всё, этот парень нас уже не убьет. Потому что он влип в одну из ветвей грави концентрата — да так, что втянуло всю верхнюю часть туловища. Чудовищная, нечеловеческая сила прессует его плоть и кости, вдавливая ребра в автомат, а потроха — в ребра.

— Они подстрелили меня... гниды...

Малышев стоит, покачиваясь, пытается левой рукой зажать пробойну в бронежилете, через которую вытекает кровь. Правая всё еще сжимает «Вихрь», никак не отдаст его болоту.

— Двигаться можешь?

Он поднимает на меня мутный взгляд.

— Я...

Из камышей никто не стреляет. То ли сержант положил их всех до единого, то ли страх заимели, гады.

Ладно, хрен ли тут разбираться. Парень жив, надо его вытаскивать.

Подставляю сержанту плечо. Он с трудом делает один шаг, другой, стонет...

— Давай, братишка! Давай, брат. Тут всего-то пройти...

И он ворочает ногами. Упрямо ворочает ногами, не падает, даже стонать перестал. Мы

медленно-медленно приближаемся к «Скадовску». Лишь бы эта падаль ходячая за нашими спинами опомнилась попозже...

— Давай, братка! Ты ж русский мужик, тебе всё похер, ты всё сдюжишь, ты везде выживешь, только давай шевели мослами...

И он идет.

— Эй, Тимоха... Если чё... Озёрскому... чтоб сеструхе по контракту... все деньги... в Вязьму... там у них вообще жрать нечего... прикинь... Скажешь ему? Ты... скажи...

— Да я скажу, братишка, ты только двигай давай, не падай.

И он начинает выть у меня на плече, но все-таки идет.

Та-тах!

Всё. Начали преследование. Этим гнидам мало. Они решили, что в наших контейнерах до фига хабара, и они нас не выпустят. Да они нам за своих как минимум отомстить жаждут. Нам не успеть, сука, далековато проклятый «Скадовск».

Та-тах!

Сержант, пока я его ташу, поворачивается к бандюкам и стреляет из «Вихря». А потом бросает автомат в камыши.

— Кирдык боезапасу. Слышь, ты давай сам, братишка. Тикай. Вдвоем недотянем...

— Да пошли они все на хер, сержант. Шли бы они все от нас на хер!

Что за жизнь такая? Дрянь, а не жизнь. Тяну его, а у самого сил уже нет. Сколько тут? Тридцать метров? Двадцать пять? Малышев вроде пытается ускориться, стонет, кровь из него брызжет, а он всё же идет, не падает.

Фонтанчики вспарывают грязь у моей левой ноги.

— Стоять, сучары! — слышу я голос за спиной.

Аллее капут, ребята. Последний аврал наступает.

— Чамошки! — обращается к нам голос. — К вам имеется счет. За Ваню. И за Санитара. И за остальных пацанов. У вас есть выбор. Либо прям щас, быстро и по-человечески, либо очень больно, зато очень долго. Хотите помучиться? Как товарищ Сухов?

И регот на всё болото. Три глотки, может, четыре. Пока я буду разворачиваться, пока я буду целиться, нас изрешетят.

— Репа... — шепчет Малышев. — Я его видел. Лучше сразу... братка. Это ж... Репа.

Ну... сразу мы всегда сможем.

— Опа! Решили пожить чуток. Уважа-аю... Ручки в гору и медленно-медленно, как в замедленной съемочке, поворачиваемся ко мне харями. Ясно вам, ребятки?

Я поднимаю левую руку, сержант — правую, и мы перебираем ногами в болотной жиже, поворачиваясь на сто восемьдесят.

— Зря ты... — шепчет Малышев.

Точно. Репа и три рожи при нем. До чего же он здоровый хрен! Никогда такого не видел. Уж на что Гард — бугай, а и близко не Репа. И рожа у него... во сне увидишь — лопатой не отмахнешься. Он что, с такой фактурой не мог выбрать себе занятия получше? В спорте таких, например, обожают, на руках носят.

Сладко нам в его руках будет, слаще не придумаешь.

— Ну что? Начнем ученый опыт. Вы ж там все при ученых состоите, вот и будет всё по-вашему, по-научному. Для начала Слон с вас аккуратненько амуницию поснимает...

Вдруг темечко Репы расцветает, словно огромный тюльпан. И бандитский вожак медленно, как в кино, и по-прежнему ухмыляясь, падает лицом в воду.

Немая сцена. Да кто ж его?

Слон наводит на нас «калаш» и... в тот же миг получает хрен пойми откуда пулю в грудь! Он оседает на землю рядом с Репой.

Тем временем бандиты, сучье отродье, нервно вертят головами, ищут стрелка.

— Млять, я вижу его! — кричит третий бандюк, указывая товарищу в сторону древнего ГАЗ-66 — покрышки с верхом засосало болото, но кабина и кузов еще держатся над поверхностью. Бандюки принимаются ожесточенно палить туда. Чмок! — целует одного из них пуля.

Последний бежит в камыши. Я поднимаю АКСУ и отправляю пригоршню свинца ему вслед, но руки у меня трясутся, а он, сволочь, бежит зигзагом. Мимо! Мимо! Трасса из фонтанчиков уходит в сторону.

— А! — взвизгивает бандит. Инстинктивно зажимает дырень, образовавшуюся у него в боку, и падает ничком.

Что за стрелок волшебный? Он их как в компьютерной игрушке положил. Выбирал цель и первой же пулей клал мордой в болото. Без промаха.

— Эй, кто ты?! — кричу.

Молчание.

— Эй, спасибо, брат, выручил!

По фиг ему моя благодарность.

— Эй, отзовись!

Ни звука в ответ.

Ну, значит, пусть будет так. Скромность — она украшает.

— Ты жив, Малышев?

— Не очень...

— Терпи. До места уже недалеко.

И последний раз стрелку кричу — так, на всякий случай:

— Эй, кто бы ты там ни был, мы тебе должны. Ты только объявись!

Голос на хер сорвал, толку — ноль.

Ладно. Хорош.

Мы с сержантом Малышевым прибываем на круизный лайнер «Скадовск». Если кто не понял, нам по каюте первого класса на рыло.

Нет, мы не путешествуем совместно. У нас отдельные каюты. Почему? Да потому что мы строгие гетеросексуалы.

Глава 19. На «Скадовске» с водкой и сахаром

Who's there knocking at my window?
The owl and the Dead Boy
This night whispers my name
All the dying children!

Ржавые шпангоуты, изношенные балки, на которых держится палуба, изъеденные коррозией сварные лестницы, обросшие «ржавыми волосами» механизмы ходовой части...

Мы вваливаемся через пролом в борту. Сержант выскальзывает из моих рук и мне недостает сил удержать его...

Сержант падает животом вниз на грудь ржавой трухи, взбивая рыжеватую пыль, хрипит. Я падаю рядом с ним сопелкой в ту же самую пыль, она живо забивает мне рот и нос. Чихаю, отхаркиваюсь. Шли бы все на хер, ребята. Что за день такой? Охренеть!.

Эхо от чьих-то шагов далеко разносится по металлическому нутру «Скадовска». Поднимаю рыло из ржави, вожу автоматом туда-сюда в общем направлении на звук шагов.

— А ну, не рыпайтесь! Я держу вас на мушке. Кто такие? Если бандиты, лучше уберите отсюда, нас тут восемь стрелков, мы от вас мокрого места не оставим!

Врет парень. Юный, ломающийся голос, пацан, молокосос. Может быть, с пушкой в руках, и оттого — опасный молокосос. Со страху может начать пальбу. Слышно, как он боится. Голос у него не только ломается, но еще и дрожит.

Оп-па! Вижу тебя. Теперь мы на равных.

АКСУ поворачивается в сторону пацана, выдающего себя за восемь стрелков.

— Мы не бандиты, — говорю я как могу миролюбиво.

Настроение не то. Злость гложет. Малышева надо как-то подлечить, мать вашу. А тут еще этот козлотур...

Но если я сорвусь, лучше не будет никому. Либо он меня пристрелит, либо я его, причем в обоих случаях смысла в этих смертях будет ноль.

— Мы едва спаслись от бандитов. Со мной военсталкер сержант Малышев. Я сам...

И тут я сбился.

Едрить твою... А кто я? Орденский сталкер? Вот уж вряд ли. Просто сталкер-одиночка? Ну, может быть. Но я же еще на контракте, ребята, если кто не помнит. Поэтому продолжаю:

— ...военсталкер Тим. Нам нужна помощь медика. Срочно.

Пауза. Парень, видно, прикидывает: может, пристрелить будет все-таки безопаснее? И мой АКСУ, надо думать, служит веским контраргументом в его внутренней дискуссии на этот счет.

— А чего ты без формы?

— Какой формы?! — начинаю закипать я.

— А такой! Ты ж военсталкер, обязан нашивки носить...

Что ему ответить? Что моему военсталкерству еще сутки не исполнились?

— Я военсталкер-проводник. У меня нет воинского звания, и форма мне не положена.

— А... — Похоже мое крайне незамысловатое объяснение его почему-то убедило. А может, человек живет под девизом «Меня обманывать несложно, я сам обманываться рад!»

Мнется там, сопит, не знает, как ему дальше с нами быть. Потом говорит:

— Я приветствую вас, уважаемые военсталкеры, на борту сталкерской базы. Вы можете здесь отдохнуть, получить горячую пищу и алкогольные напитки, сбить хабар по приемлемым ценам и узнать свежие новости. По традиции вам положено сдать оружие.

— Вот уж болт.

— Но почему! Я гарантирую — вы получите его в целости и сохранности...

— Иди на хер. Тут безбашенные упыри из банды Репы на хвосте, а ты у меня ствол отнять хочешь. Опуел, пацан!

Вздыхает.

— Ладно... Для вас мы сделаем исключение. Только один раз.

— Спасибо. А теперь нам бы...

— Одну минуту. Вы должны дать мне честное военсталкерское слово, что не станете применять оружие на борту сухогруза «Скадовск», если на вас не будет совершено открытое нападение. Таков закон.

Чем открытое нападение отличается от закрытого? Ладно. Да хрен бы с ним. Видимость закона всяко лучше, чем полное его отсутствие.

— Мы с сержантом обещаем. Сухогруз все-таки, а не баржа...

— Только так! Сухогруз «Скадовск» — признанная официальная столица Затона. Относитесь к нашим обычаям с почтениям... А этот твой кореш почему ничего не сказал?

— Не может.

— А?

— Канает он. Доктор ему нужен. Ты слышал меня? Доктор! Иначе сдохнет парень.

— Тебе повезло. Потому врач у нас есть! Оставайся на месте, сейчас я приведу к тебе Пророка. Его так зовут.

— А ты сам кто такой? Назвался бы хоть... для приличия?

— Я вольный торговец Шпиндель. Делаю дела, устраиваю сделки...

Смотри-ка, первый раз в голосе у моего собеседника прорезалась солидность. Уважает себя человек. Молодец, приделе.

— Приятно познакомиться, Шпиндель. Не бойсь, эксцессов не будет... Не до эксцессов мне сейчас.

— Ну вот и отличненько, — и Шпиндель захохотал по корабельной металллке куда-то в сторону кормы.

Сержант хрипит, головой мотает, а я потихоньку снимаю с него амуницию, открываю рану. Достаяю из своего рюкзака аптечку — шмотник сержанта пришлось бросить еще на болоте. Может, врачу что-нибудь из моего лекарского припаса пригодится?

Пять минут прошло, никого. Лежу, думаю...

«Если оставшиеся бандюки придут сюда, за нами, хрена с два мы с сержантом сможем «держатъ позицию». Только сейчас они вряд ли сунутся. Мстить двум придуркам, у которых не пойми есть ли хабар, нет ли его, — слишком дорогое удовольствие. А бандюки — народ расчетливый. Они сейчас старательно обирают трупы своих и чужих, высматривают ценное барахлишко и кое-что, надо думать, уже нашли. Зачем им лезть под пули?»

Проверил, есть ли связь. Связи нету. Что ж, не ввали в Ордене насчет связи в Зоне...

И до смерти обидно будет, если злой, колючий, но очень храбрый парень Малышев сейчас подохнет ни за хрен у меня на руках...

Наконец послышалось гроыхание. Да такое, будто вольный торговец Шпиндель привел с собой целый взвод лекарей. Может, я его недооценил, и тут на самом деле прячутся восемь стрелков? А? И пацана вперед себя для отвода глаз послали...

Нет, ребята, Шпиндель притащил с собой только двоих. И какие, мамочка, не могу, это были двое!

Один — худой, жилистый. Скелет с мышцами. На голове — редкие кочки тонких, тусклых волос, какие растут, обыкновенно, из-под мышки, притом разбросаны они асимметрично. Левый глаз закрыт повязкой. Левая нога ступает криво. Притом координация движений у человека явно нарушена. Топают он — будто гвозди сапогами забивает, руками для равновесия машет, как мельница лопастями...

— Это доктор. И зовут его Пророк, — представляет мужика Шпиндель.

А я про себя думаю: «Хороший доктор... Как бы чем не заразил».

— Сталкер... Тим, — представился я.

И смотрю за спину им обоим. Н-да... Офигеть не встать.

Девка. Да какая! В синем аккуратном пиджачке и синей же юбочке, какие я видел только на фотографиях моей матери. Белая блузка, кружевной воротничок. И какой-то невообразимый, чудовищный бант на голове, словно старшеклассница вспомнила, что ей нравилось в детском саду и водрузила на башку малолеткин причиндал.

Или ее мамаша одевала? Как там с этим было в СССР? Я, ребята, не помню, потому что при СССР я до девок еще не дорос... Красивая. Стройная, выше среднего роста, кремовый загар.

Лицо... ухоженное. Лицо человека, питающегося вкусеньким, спящего крепко и помногу, следящего за здоровьем. Под бантом — длинные, по локоть, волосы соломенного цвета. Безукоризненно ослепительные. Словно тут не Зона, а Большой театр.

И туфли. Туфли в Зоне! Тревога всем постам! Аномалия неизвестного типа!

Я аж загляделся.

Она подходит и улыбается:

— Я Белла Хвостикова.

И тянет руку.

А я, понятно, интуитивно шарахаюсь от нее с автоматом наперевес. Эти двое, довольные рожи, регочут.

— Вам не надо пугаться, почему вы все пугаетесь? Я здесь живу. Просто пошла к знакомым и немножечко заблудилась... А тут странно. Одеты вы странно. Зачем вам противогаз? Или тут какие-то учения пожарников?

— Ты... кто? Ты... вообще откуда?

— Ой, я же сказала. Я Белла, а папа зовет меня Арабеллой. Он говорит — за характер, как у юной пиратки из одного фильма-сказки. Но это неправильно, я считаю. Что из того, что девушке нравится альпинизм и стрельба из лука? Мне кажется, он у меня немножечко старомодный... Учусь я школе номер 1, в девятом «А». Вот я откуда иду. Пошла после уроков к знакомой и... куда-то не туда забрела... Простите, хоть мы и не знакомы, не могли бы вы мне помочь — отвести к Речному порту? Пожалуйста. Я просила остальных пожарников, — она качнула головой в направлении Пророка со Шпинделем, — а они не знают дороги. Извините, пожалуйста.

— Парень, ты только палить не вздумай, — предупреждает меня «доктор». — Можешь хоть весь рожок в девочку всадить, ей хуже не станет.

— А боезапас денег стоит! — добавил Шпиндель.

— А? Ну...

— Матрикат, — спокойно пояснил Пророк.

Ух, ну я и осел. Сам должен был сообразить. Про матрикаты нам Лис рассказывал, я точно помню...

Вот только что он рассказывал, не помню совершенно. То есть вглухую.

Они чего-то там не опасны. Они даже чего-то там полезны... Только их чего-то там надо убалтывать. А задираться к ним не следует, потому что они чего-то там... еще.

Матрикаты — не люди. Они вроде бы даже не совсем живые. То есть крови, потрохов, костей у них там нет. Но сохранять стабильность могут годами... внутри Зоны, ессесно.

Ну, убалтывать так убалтывать.

— Э-э... милостивая государыня Белла. Во-первых, представляюсь вам. Меня зовут Тимофей Дмитриевич Караваев.

— Очень приятно!

— И... э-э... во-вторых, я тут... э-э... младший офицер пожарного расчета. Рад был бы проводить вас до места...

— Как вы красиво говорите! — с воодушевлением сообщает Арабелла.

— ...но... э-э... к несчастью... вынужден огорчить вас. Мне запрещено покидать пост. И... э-э... в рамках учений... как вы правильно сказали... пребывание на посту предполагает... предполагает... что я обязан оставаться здесь. Если бы не это, я бы почел за честь...

Двое аж пополам сгибаются, наблюдая за нашей светской беседой.

Девушка застенчиво поглядывает на них, но продолжает разговаривать со мной. Видимо, дурно воспитанных сталкеров презирают даже матрикаты.

— Ой, простите меня еще раз за беспокойство. Но, может быть, поблизости есть кто-нибудь еще... кому можно отойти ненадолго? Мне просто надо разобраться, я сбилась всего чуть-чуть.

— Э... Ну... Это будет немного неудобно... милая барышня...

Два урода уже по-человечески смеяться не могут. Сипят и приседают. Вот суки!

— Но... э... если вы выйдете через вон ту пробоину и сделаете шагов сто — сто пятьдесят направо, там, я полагаю, найдется... э-э... командир расчета... и... э-э... надеюсь, он вам поможет.

— Большое спасибо! — с чувством произнесла Арабелла.

Наблюдая за тем, как она выходит в пробоину, я заметил про себя: до чего ж фигуристая девятиклассница! Красотка!

Эти ханурики всё никак остановиться не могут. Смешинка им, вишь ты, в хлебрезки позалетала.

— Вы смеетесь, а у нас тут человек весь в крови, — вежливо так напоминаю.

Первым очухивается доктор.

— Ладно... Люблю цирк, но в ограниченных количествах, — говорит Пророк. — Мне действительно надо заняться раненым...

Он опускается на колени рядом с телом сержанта. Разглядывает рану, что-то щупает, морщится. Судя по его роже, плохи дела у Малышева. Вздыхает.

— Закурить не найдется?

Развожу руками.

— Ну и ладно. Меньше куришь — больше пьешь! — оптимистично заявляет Пророк. — Вот что я скажу тебе, сталкер Тим. Скорее всего твой товарищ умрет. Ему осталось жить несколько часов. У него сильное кровотечение. Это кровотечение — губительно. Остановить его подручными средствами я не могу...

— Ему несколько раз сильно повезло... Я... вытащил его.

Пророк посмотрел на меня с усталым равнодушием.

— Так бывает в жизни...

Скепсис из его взгляда сейчас же пропал. Умник, мать твою. Ты же совсем не знаешь меня.

— И что, ничего нельзя сделать?

Я смотрю на доктора... ну как он поймет?! Это же не его убивала Репина гопота!

— Ну в принципе, — спокойно продолжает Пророк, — у него есть шанс... Призрачный, слабенький шанс, почти никакого. Но тут, сталкер, всё зависит от тебя.

— Что нужно делать?

Доктор задумчиво потер лоб.

— Ты слышал, наверное, об артефактах, останавливающих кровь, добавляющих здоровья?

— Да! «Сердце Оазиса»! «Мамины бусы»!

Странный врач усмехнулся. Ну-ну, драгоценный друг, шути свои шутки... — читалось на его лице.

— «Сердце Оазиса» — больше легенда, чем реальность. «Мамины бусы» — изрядная редкость, да и кровь они останавливают... не особенно, скажем прямо. Тебе нужна «душа камня». Это — лучше всего. Но ее сыскать за несколько часов почти нереально. А вот вещи послабее... если сильно повезет... Годится «ломоть мяса». Да и «кровь камня» на худой конец тоже подошла бы. Да, определенно. Даже «батарейка», хотя и не совсем то.

— А «медуза»? А «ночная звезда»?

При словах «ночная звезда» Шпindelь резко поворачивается ко мне. Теперь он с большим вниманием прислушивается к нашему разговору.

Пророк качает головой.

— Вот «колобок» — в самый раз. Или, скажем, «пламя». При грамотной настройке можно было бы использовать и другие артефакты или комбинации их частиц. Но всё это — чистая теория. А у тебя всего два или три часа. Расклад такой: неподалеку от «Скадовска» можно добыть из всего ассортимента только «кровь камня» да «ломоть мяса»...

— Там бандюки.

— Тогда лучше всего идти к Соснодубу. Это чуть севернее Электростанции, знаешь?

Киваю. Там разберемся по карте в ПДА. Этот сукин сын, этот гребаный сержантишка, почему-то стал для меня невероятно ценен и важен, стоило мне только вытащить его у

старухи с косою из-под носа!

— Соснодуб — причудливое дерево с несколькими стволами. Ну или группа деревьев, сросшихся вершинами, не важно. И там, на самом верху...

— Он не успеет.

Шпиндель сказал это скрипучим металлическим голосом.

— Я, может быть, провожу его...

— Вы оба не успеете, это ж ясно, как два пальца в гравиконцентрат!

— Ну... если постарается... поторопится... при некотором везении.

Вольный торговец зло щерится:

— Да не морочь ты парню голову, Пророк! При некотором везении... Ну конечно! Если по дороге псы яйца не отгрызут — а там стая, больше которой я по жизни нигде не видел... Если он в «холодец» не вляпается, а у Соснодуба этой дряни — экскаватором не вычерпать! Да я вообще...

Пророк поднялся с корточек и залепил Шпинделю звонкую оплеуху.

— Закрой рот. Понимал бы что.

Вольный торговец схватился за «калаш». Отскочил на пару шагов, направил ствол в живот Пророку... Тот остался невозмутим. И всем видом транслировал простую мысль: мой моральный авторитет, мол, делает меня неуязвимым!

— Ты хочешь что-то ему продать, юный барыга, — без тени страха произносит Пророк. — Ты хочешь, чтобы он заплатил за жизнь другого человека... Так скажи это попросту, без выкрутасов.

Шпиндель вешает автомат на плечо стволом книзу. Прищурившись, поглаживает себе ладонью губы, подбородок...

— Не томи, — говорю. — Сколько и за что.

Наконец, он решается.

Лыбится, поглядывает то и дело куда-то в сторону, прямо на меня не смотрит. Дребезжит, сучонок:

— Может быть, у меня и есть кое-что кое-где. Но за всякую вещичку тут приходится платить. И я отдал дорогонько. Поэтому хочешь, рискуй, давай. Ломись на Соснодуб, может, вернешься. А хочешь, поделись щедро каким-нибудь артефактиком, или что там у тебя имеется. И всё получишь на месте... в лучшем виде. Может быть. Если убедишь меня, конечно. А ты меня убедишь, ведь тебе дорога жизнь этого паренька. Вот он как кровью исходит, бедняга. Смотреть на него не могу, душе больно делается... А что прикажешь? В Зоне всё дорого, всему своя цена. Такие тут законы, военсталкер Тим. Я, может, за эту вещичку жизнью рисковал...

Пророк медленно, веско говорит:

— Побереги жвала.

Тогда Шпиндель отходит еще на пару шагов и отвечает просто, ясно, твердо:

— Есть «ломоть мяса». Свежий. Что дашь?

А что у меня есть? Автомат ему отдать? Без автомата мне хана. Но дать-то больше нечего.

— Могу отдать «калаш».

Смеется.

— Твоей жестяной пукалке грош цена в базарный день...

— Антидот от радиации есть. Антидот от укуса псевдоплоти. Фляга с коньяком. Костюм могу отдать... Просто бабки есть... Рублями и уями...

— Всё это мелочёвка. А бабла сколько имеется?

Ну, у меня было две тысячи плюс то, что мне в Бункере за мутабой выдали. Сказал ему. Да пускай подавится, гнида! Вот бабуля с детства учила меня правильным вещам. А дед что

говорил? Дед рывкал на бабулю и стихи мне читал какие-то очень старые:

Если можно продать — продай!
Если лучше пропить — пропей!

— Издеваешься? Не тот порядок цен. Реальненько.

Пророк подает голос:

— Не настолько уж и не тот. Если собрать всё в кучу, то, пожалуй...

Шпindelъ отмахнулся.

— Неликвиды! Мне со всей этой мелочью возиться резона нет. Не наваришь как следует ни на чем.

Я говорю:

— Послушай, пацан, у меня тут человек умирает...

— Я тебе не «пацан»! Я уважаемый человек, вольный торговец! Называй меня так или хотя бы по имени.

— Хорошо, Шпindelъ. Но мне нужен твой товар, а я...

— Брось, — перебивает он меня. — Я же слышал, как ты говорил о «медузе» и о «ночной звезде». Выходит, у тебе есть чем заплатить за жизнь сержанта...

Ох ты! А я и думать забыл о том, что у меня в контейнерах — настоящие хабаринки. Прикиньте, ребята: если бы я опять взял их в руки, пуль бы бандитских бояться не пришлось... Ну да. И на спусковой крючок я нажимал бы большим пальцем левой ноги. Разумеется.

Шпindelъ увидел, что я вроде не спорю с ним, и сказал попросту:

— Мне нужна «ночная звезда». За нее ты получишь свой «ломоть мяса». Согласен?

Ну а что я теряю? Бабки? В общем, да, бабки я теряю. Но это какие-то бешеные, шальные, полуслучайные бабки, я их еще и своими-то не привык считать. Ну, пришли легко. Так же и улетят со свистом.

— Я хочу, чтобы ты знал, сколько теряешь, сталкер, — спокойно говорит Пророк.

— Не лезь в торговлю, это ж наше приватное дело! — возмущенно визжит Шпindelъ.

Пророк — ноль внимания, фунт презрения.

— Ты сейчас отдашь «ночную звезду». Я уже понял: она у тебя есть, и ты ее отдашь. Правильно. И я бы отдал. По-человечески это. Но все-таки хотя бы знать будешь, каких денег лишился.

— Куда ты встречаешь?! Зачем?! — шипит «вольный торговец».

А тот спокойненько:

— Лет пятнадцать-семнадцать назад, на заре новой Зоны, ее нетрудно было взять за двести баксов. Или за двести пятьдесят. Триста — уже перебор... Ерунда?

— Ерунда, — отвечаю.

— Сейчас она стоит в пятнадцать раз больше.

Я аж присвистнул.

— Это здесь, в Зоне. А за Периметром, со всеми накрутками... я даже не знаю. А «ломоть мяса»... нет, не рядовой артефакт, но разница весьма значительная. Ты понимаешь меня?

— Мне ясно, Пророк. Шпindelъ, тащи сюда «ломоть мяса» и забирай эту хренотень.

Вижу, в глазах у него бешеные цифры щелкают. И добавляю:

— Но с одним условием.

— А?

— Еще мне нужен горячий обед. Ты же вроде анонсировал «горячую пищу»?

— Ну... было!

- Для нас двоих с Пророком.
- Ладно.
- И для сержанта, когда очнется.
- Пусть сначала очнется.

Цифры плавно завертелись у пацана в очках, постепенно набирая ход. По морде его было ясно на все сто: наваром он доволен.

— Ладно, отдаю себе в убыток. Только ради спасения жизни твоего геройского товарища.

И он ловким движением вскрыл контейнер на поясе. Вот оно где было — его это самое «кое-где».

Когда Шпиндель поставил перед Пророком контейнер, я заметил: оттуда льётся красноватое сияние. Стало быть, «ломоть мяса» и впрямь «свежий».

- Действуй, Пророк.
- Тебя забыл спросить...

Вольный торговец взял меня за локоть и потянул куда-то в глубину трюма, в темень.

— Не упирайся, сталкер. Я тебе два совета дам. Хороших и бесплатных. Цени мою щедрость! Во-первых, не суйся сейчас к Пророку. Лечение с помощью артов, вроде «ломтя мяса» или «души камня», в общем, всей линейки «карусельщиков», — озвереть до чего неаппетитная процедура. Смотреть на это нельзя. Сблюешь все, что съел...

Пауза.

— А вот тебе второй совет: отдашь мне «ночную звезду» и вколи себе антирад. Сразу же. Ясно? Ты говорил, мол, есть у тебя антирад... Да, я знаю, что ты ее вместе с «медушкой» таскал и что она у тебя в контейнере была. Но если хочешь иметь детей и не иметь проблем с кровушкой, вколи без рассуждений. От радиации нет стопроцентной защиты, это я тебе как спец говорю. Реально. А теперь давай сюда вещицу.

Нет, точно, не разговаривает он, а именно дребезжит. Вот если метнуть пятирублевку на стол, она, ребята, пока не ляжет на бок, меденько так позвякивает. Вот и этот хрен так позвякивает. Был бы у него хвост, то, наверное, как у хрюшки. И трясся бы так же мелко.

Отдаю ему артефакт. Он его — цап! И рожа счастливая сделалась.

Сразу. Без перехода.

То был такой серьезный, а тут — обана, трудный подросток выпил пива и возрадовался.

— У тебя еще антидотик был дорогой, я видел. К чему тебе он? А у нас тут, на Затоне, правду сказать, звериное место. Как нигде в Зоне. Точняк. Мы тут оба с Пророком кусанные-рваные, житья нет никакого. Особенно мне почему-то достается... Отдай. Сколько за него хочешь?

Вот же трепло!

Ну, конечно, «восемь стрелков». А потом: «мы тут оба»...

Два, мать твою, столичных жителя, кроме которых «столицу Затона» облюбовала еще советский призрак, девушка с бантом и сиськами. Компания — супер!

А кусают тебя не зря. Зверье — оно силу чует. И у кого силы хватает, оно того не трогает. К сильному мужику что псы, что коты — вся скотина ластится, норовит угодить всяк по-своему. А слабака и труса любая тварь зубастая цапнуть старается. Для самоутверждения.

Ладно. Хрен бы с ним. Пусть живет. Худого он мне не делал, разве только надул. Но это ж его профессия такая: мелкий торгаш если не надует, так и не проживет. Понимать надо и относиться с сочувствием.

Говорю ему:

— Хочу патронами.

Много ли там у меня осталось? Все магазины расстрелял, кроме последнего, да и тот початый.

- Какими?
- Сам не видишь?
- Да кто тебя знает, что у тебя там в рюкзаке запрятано...
- Короче, мне нужны «маслята» для «калаша».
- Пол магазина россыпью.
- Магазин. Можно и россыпью.
- Даю двадцать.
- Да гребись оно конем... Пусть будет двадцать.

Хмурится. Вот только ухмылка сквозь хмурь все равно проступает. Видно, опять я продешевил. Да и мать его... Двадцать патронов — тоже дело.

— Отличненько. Минут через сорок топай в бар вместе с Пророком. Там получишь горячее, а к нему и блюдечко с «маслятами», на закуску.

Он хотел уйти, да я задержал его.

— Погоди-ка...

— Ась? Еще есть вещички на продажу? Примем в лучшем виде. Сколько хочешь за «медузку»? Вещь легкая, в Зоне такого добра полно, можно сказать, под каждый кустиком... но некоторые интересуются.

— Нет, продавать больше ничего не хочу... — Может, и стоило, только вот именно от него меня воротило. Да и как защита от пуль «медуза» еще может пригодиться. Хоть и не такая она сильная, как «ночная звезда». Вообще слабенькая хабаринка, так нам инструктора говорили, но всё ж полезная. — Ты лучше мне скажи, Шпиндель, почему здесь больше нет сталкеров? «Столица Затона»... А живут всего два... с половиной человека.

— Информации хочешь? Это — реальненько. Такая информация у нас идет как бесплатный бонус для постоянненьких клиентиков... Изволь, сталкер Тим. Раньше тут было шумно. Бандит сидел рука об руку со сталкером-одиночкой, «долговцы» почти братались со «свободовцами», все пили, дрались, хвастались, сбывали хабар и отсыпались... Борода здесь такой товарооборот наладил! Тут было хорошо, сталкер. Тут жизнь была.

Смотрю на него: вот только что стоял рядом со мной оборотистый торгаш, и вдруг нормальный парень вместо него появился. Не дребезжит, говорит твердо, руки от жадности не трясутся, слова свои уменьшительно-поганенькие забыл.

— ...Только такая благодать вечно держаться не может. Бандюки оборзели, стали всех задирать, отбирали артефакты... По всему Затону война началась. Она именно тут началась, если ты не знаешь. Ты ведь новичок, правильно?

Молчу. Меньше треплешься — круче выглядишь.

— ...Извини, конечно, если я ошибся. Вот. За сухогруз «Скадовск» три битвы было. Столько ребят серьезных тут закопали! По правому борту — сплошь могилы «свободовцев»... Я сам в «Свободе» состоял, пока не понял, что одиночкой быть — еще свободнее... Один раз тут десятка два трупов лежало. Матерые сталкеры в том числе. Вышнего разряда.

Не стал я ему говорить, что после сегодняшнего утра в анналы Затона вошли еще две дюжины мертвецов.

— ...А потом у сухогруза «Скадовск» не стало хозяев. Борода домой схилял. Небось в шампанском купается... Два самых сильных клана — «Долг» и «Свобода» — решили, что нет у них достаточно сил, чтобы сухогруз «Скадовск» держать. А одиночки такую махину ни при каких обстоятельствах не поставят. Теперь сюда не так уж много народу навевывается. Жаль, место просто отличное.

— Ты-то остался. Хотя и захудала торговлишка.

Вздыхает. Тяжко, словно золотоискатель, в юности наткнувшийся на Клондайк, а потом всё по нулям да по нулям...

— Захудала. Но курочка-то она — как? Она ведь по зернышку клюет... Жить захочешь, еще не так раскорячишься.

— Вот тут ты прав. На все сто.

— И потом... Мне эту точку Борода завещал. Вся Зона признает: столица Затона — законное место Шпинделя. Я тут уважаемый человек. У Бороды в учениках был, а потом вроде как дело его унаследовал. Может, еще и к лучшему всё на Затоне повернется, поглядим. Конкуренции опять же никакой... Кроме того...

Смотрит на меня, видно, выговориться хочет, а перед чужим человеком неудобно. Да ладно, ребята, мне что — жалко, что ли?

— Говори, — поощрил его я.

— Ты только пойми меня правильно, Тим. Лучше быть первым здесь, на корабле-призраке, посреди Затона, со всем зверьем, со всеми аномалиями, чем за Периметром — десятым менеджером в какой-нибудь долбаной мегакорпорации из двадцати уродов. В галстучке, на хер, отужоженном... Бабла там, конечно, дают... И никто тебе бошку не отгрызет и кровь не высосет. Я пробовал, знаю, получалось. Но больше не хочу. Не тянет полжизни на задних лапках перед разными уродами маршировать. Душно там! Скука! Локтями работать и под хвостом вовремя лизать — не моё, сталкер. Там — тесный мир, тут — вольный. Зона — наше будущее. Вся настоящая жизнь — тут! Я живу в Зоне месяцами, и мне тут хорошо, как нигде больше. Понимаешь, сталкер? Тут нет никаких законов. Тут выживают молодые, сильные, умелые, те, у кого дар есть...

«...стрелять первым и сбиваться в стаю...» — добавил я мысленно.

— ...и я думаю, что когда-нибудь за Периметром поймут: лучше бы и там жить так, как здесь. Наворотили себе тесноты, сложности, бюрократии. На каждый шаг — по бумажке, на каждый вздох — по бумажке! С каждой заработанной сотни девяносто пять — раздай дядям, иначе тронут. Здесь — лучше! Нет законов, нет государства, никто не давит на тебя. Ты один — против всех. И всё в твоей жизни зависит от одной твоей силы, больше ни от чего. Свобода! У нас не Зона Отчуждения, у нас вольная Зона! Вот так надо жить людям...

«...года два-три максимум... А тех, кто зажился, новые молодые и сильные выживут. На тот свет. И лучше — без баб. Начнут рожать, дуры, а детишек — разве только на свалку, они ж не сильные и не умелые...» — дорабатываю я Шпинделеву теорию.

— А как же бандюки? Ты для них — желанный приз со всеми твоими заначками. Вольный торговец...

Шпиндель поморщился. Неприятный пошел для него разговор.

— Да прутся сюда время от времени. Когда народу здесь побольше — отстреливаемся. Когда сила за бандой, я ухожу. Очень быстро. И не спрашивай как. Я тут каждую щелочку знаю, и если захочу, ни одна сволочь меня не возьмет... Есть тут, знаешь ли, потайные места, ходы. Но торговлю паразиты рушат, конечно...

— Ничего. Сейчас полегче станет. С нынешнего утра.

Он глянул на меня с надеждой. Аж лицо посветлело.

— Ты это точно знаешь, сталкер?

— Точно! Больно их много улеглось на дно болота.

— Значит, буду надеяться...

И он со счастливой мордой убрел готовить нам харч. Увидел, стало быть, свет в конце тоннеля, и есть шанс, что это не фонарик реаниматора.

Я вколлот себе антирад и вернулся к Пророку.

— Готово, — сообщил мне он. — Остановил кровь, почистил рану, перевязал. Может, и выживет твой сержант. Молись, брат сталкер. А что это за ерунда при нем?

Амуницию Малышева я оставил распотрошенной. Из-за пазухи у него выпал тот самый сверток, с которым перед смертью не желал расставаться Франсуа.

Разворачиваю.

Мать моя женщина! И эту херь я тащил на своем горбу вместе с сержантом, его «Вихрем», а также прочей дребеденью, закрепленной на разгрузке? Дайте мне премию, срочно!

Двухкилограммовая чушка из потемневшей бронзы со встроенной чернильницей, жерлицем для металлических перьев и пресс-папье в комплекте. Сбоку гравировка: «Товарищу Круминьшу Оскару Яновичу в ознаменование его заслуг как передовика по внедрению рационализаторских предложений и ударника социалистического соревнования от Минречфлота Союза ССР на день его 50-летия. 22 февраля 1984».

Хабар на миллион.

— И вот еще какая-то медалька... хе-хе-хе.

Ну она-то как из контейнера выпала, а?

— Сувениры, Пророк. Это гребаные антикварные сувениры. Хе-хе.

Что, соврал я ему? Да ни одним словом.

Вы же знаете, ребята, я русский мужик, топором тесаный, наждачкой глаженный. Я это отдам. Мне чужого бабла не надо. Нет, от бабла в принципе не откажусь, но...

Ведь было бы правильно, чтобы капитан Осипенко, профессор Гетьманов, снайпер Егор и прочие наши ребята не зря жизни свои положили в этом Богом забытом месте. Пусть френчи подбросят денжат Бункеру. Пусть Озёрский с этим, как его... кто у него в живых-то остался?.. научный сотрудник Никольский? — вот с этим самым Никольским ставит свои сумасшедшие опыты.

Такие люди должны работать. Потому что только такие люди создают всё принципиально новое. Идеи, изобретения, произведения искусства. Я бы и сам был такой, если б не завяз во всей этой... не знаю как сказать!.. в какой-то мелкой серой дребедени... В общем, на таких людях мир держится. И если кто-то не хочет помогать им, то шел бы лучше сразу дерьма поклевать. Добровольно. Пока нормальные люди насильно к дерьмоклюйке не отвели.

Тут меня веселье пробрало, и принялся я смеяться, сам не пойму от какой херни. Отвели... хе-хе... к дерьмоклюйке!.. аха-ха!

— Что ж, сувениры так сувениры. Хо-хо.

И тоже улыбается, хихикает. Чего это он?

Пижаю медальку опять в контейнер. Оглядываюсь: нет ли рядом Шпинделя? Этот-то ушлый, враз просечет, что к чему.

Но его, слава Богу, нет. И только матрикат фланирует в отдалении по серым просторам. Но это как раз чепуха: девочке с бантом наши человеческие игрушки ни к чему. Она вся в образах! В возвышенном!

Пора приступать к самой неудобной части. Не люблю пользоваться чьей-нибудь помощью, пока не узнал, чем придется за нее расплачиваться. Или доктор местный — нормальный человек? По идее, и в Зоне такие должны бы произрастать...

— Пророк... Ну... извини, если обидную вещь спрошу. Я тут первый раз, обычаев пока не знаю. В общем... короче... ну... ты вот помог сержанту Малышеву... а я вот чего-то должен тебе... ну...

Он качает головой укоризненно.

— Я же тебе не Шпиндель. Мне кроме благодарности ничего не надо... Просто кругом война, Тим, а я кое-что смыслю в лечении людей и зверей. Вот и лечу всех, кто попадется. Надо помогать друг другу... Просто так.

Да он не просто нормальный, он святой. И тут уж мне, ребята, страсть как захотелось дать ему что-нибудь. В подарок. Как хорошему человеку.

— Ну... ты... не обижайся, Пророк. Я...

— Да я уж понял. Ты обычаев здешних не знаешь. Ты новичок, это невооруженным глазом видно. И тебе хочется меня отблагодарить. Я не ошибся?

— Всё так.

— Так ты меня и отблаговаришь — горяченького за твой счет похлебаю. Сколько мы со Шпинделем соседи, а на халяву от него и просроченной банки консервов с червями не допросишься... Ну а супа — тем более.

— А выпивку будешь?

— А что, есть? Под хорошую закуску грех отказываться.

Мы потащили сержанта наверх, в свободную каюту. Тащили бережно, на простыне, как санитары. Кряхтели как старые бабки — тяжел оказался товарищ военный. Постанывал, головой вертел, но в сознание не пришел.

Пророк нудно объяснял мне какую-то медицинскую хренопурию, но я врубился только, что сержант мой долго проваливается в глубоком сне, считай, в беспамятстве. При лечении «ломтем мяса» — это самое обычное дело.

Проверил связь. Ноль связи. Спасибо, Жанна Афанасьевна, земля вам пухом. Умели вы ставить эксперименты...

— Ну что же... Чем бог послал! — сказал Пророк, когда мы наконец устроили сержанта на старом, пролётанном едва ли не насквозь, полосатом матрасе.

Шпиндель с меню не перемудрил.

Горячая лапша «Души рака» на первое. Горячее картофельное пюре из пластикового стаканчика на второе. Еще кусочек полукопченой колбасы — ровно такой, чтобы мне не захотелось пристрелить «вольного торговца» на месте. Ни на миллиметр больше — точно рассчитал, стервец! Сушка на третье. Пара сухарей вместо хлеба. Посреди стола лежат-полеживают двадцать патронов в лотке от плавленого сырка.

Ну а чай... Долго я к нему принимался.

— Вода не из Зоны. Хотя и тут можно пить... кое-где, — успокоил меня Пророк. — А что травами пахнет, так это мои травы. Я ж тут на подножном корму круглый год, приходится собирать... разное... Не хочешь ли, к примеру, отведать копченую конечность псевдогиганта? Сам готовил.

— Вот уж нет! Она небось генномодифицированная.

И шарю рукой в рюкзаке. Ну, где ж она? Дождалась своего часа... А потом, ребята, чудовищное воспоминание чухает меня по кумполу со всей дури. Водку-то... еще в Бункере стырили. Или, может, мы ее выпили: такое состояние было, что не очень-то и вспомнишь, то ли пузырь саморазложился, то ли самоистратился.

— Ё, — говорю я. — Ни фиги себе?

— Нету? — опечаленно интересуется Пророк.

— Ну-у... с ней произошла странная вещь...

— Эх. Ну да вот я тебе расскажу детский стишок:

С водкою вечно какой-то секрет:

Вот она есть... и ее сразу нет.

Мы заржали.

Тут у стола появляется Шпиндель. Все это время наш вольный торговец невесть где чалился, и тут вдруг — р-раз и возник из ниоткуда. Наверное, слово «водка» услышал.

Кладет пластиковые вилки на стол и сообщает:

— Это бесплатно. Как постоянным клиентам.

— Шпиндель, а найдется у тебя... водка?

— Найдется, отчего же нет? Что я — не человек?

Пророк хватает меня за рукав:

— Тим, не надо. Да без нее обойдемся...

— Я же обещал! Шпиндель, неси одну.

Вот как Бог свят, не понял я, откуда вольный торговец пузырь вынул. Ни карманов солидных, ни фартука на нем, никакого мешка в руках... ну ни буя. А вот же вынул откуда-то. В одну секунду! Откупоривает и цену называет.

— Режешь без ножа!

Вы понимаете, ребята, он за один пузырь ряженой водки запросил как за три бутылки шампанского «Кристалл», которое миллионеры на свадьбах пьют! Нет, понимаете вы?

— А я предупреждал, — говорит мне Пророк.

— Могу снизить на пять процентов. Больше скидок не жди. Ты хоть понимаешь, с каким риском я ее сюда доставляю? — вразумляет меня Шпиндель.

Пророк принимается хохотать.

— Он... о-хх-о-хо-хо-хохх... доста... хоххо-ха... вля... ха-хахх-ха... ё...

Сую ему свои бабки. Подавись, мироед.

— С вами выпить разрешите? — с наглой застенчивостью спрашивает Шпиндель. — А то у вас некомплект: двое вместо трех... Соображать-то на троих положено, а не на двоих!

— Это за Периметром так. А в Зоне — и на двоих можно. И вообще, шел бы ты отсюда, пока я добрый. — Я посмотрел на вольного торговца самым красноречивым своим взглядом.

Всё. Нет его.

Дематериализовался.

Берем с Пророком по чуть-чуть, за знакомство. Ну, как у людей. Лапшу усидели. Вторую за то, чтобы хабар в руки шел. Тоже — как водится. И он мне говорит вдруг:

— Не следует тебе сквернословить. Для тебя, сталкер Тим, это неуместное занятие.

Вот те на.

— А почему это именно мне не следует сквернословить?

И он, за картошкой и колбасой, мне объясняет:

— Ты же не такой человек. Ты же воспитанный, вежливый человек. Можно сказать, книжный человек. Вон как с нашей Арабеллой разговаривал: «Милая барышня... почту за честь...» А ругаешься смешно и нелепо. И сквернословие твое — чужое какое-то, наносное. Иногда так бывает: кого-нибудь этот поганый мир жмет и жмет, аж масло идет... и вот человек принимается подлаживаться под мир. Там чуть-чуть компромисса, здесь чуть-чуть компромисса... происходит адаптация. Но в какой-то момент надо успеть заметить: допустимая мера адаптации пройдена. И уже не сам ты нечто уступаешь миру, а мир корежит тебя, обтесывает и раскрашивает, как хочет.

Третья у нас пошла за пристанище.

Может, и было у меня желание послать его подальше, этого Пророка сраного, — зачем в душу-то лезть. Но потом желание это исчезло. Ведь точно подметил. Решил, ругаться стану меньше — все равно ведь не умею, мне об этом еще в армии кореша говорили!

Принялись мы за его травяной чай с сушками. Я потихонечку вынул рожок и начал патроны отщелкивать: сколько же у меня осталось после недавней пальбы? Оказывается, осталось всего-навсего четыре патрона.

— Вот зачем ты в Зону пошел? — спрашивает Пророк.

— Да по большому счету из-за бабы... Хотел ей крутизну свою показать.

— Нет, брат сталкер. Женщина становится источником проблем чаще всего тогда, когда у тебя самого внутри проблема. А Зона... Зона, брат, все проблемы живо из тебя вывертывает и тебе же в глаза суёт. И ты... ладно, давай еще по одной.

Четвертая пошла. За культуру общения. Снова он прав! Аж противно!

Я принимаюсь набивать рожок патронами — своими четырьмя и купленными у

Шпинделя. Щёлк! Щёлк!

— А вот твоя проблема какая, Пророк? А то все про меня да про меня!

— Ты не понял, Тим. Вот что такое Зона?

— Ну, это смотря с какой точки зрения. Шпиндель говорит, что Зона — это будущее наше. Ученые в Бункере тоже говорят, мол, из Зоны выйдет то, что изменит будущее. А инструктора в Ордене...

— Кто?

— Ну... раньше я был в клане «Орден».

— А, клоуны эти ряженые! Сочувствую.

— В общем, клоуны эти нам говорили: Зона содержит в себе высшую истину, надо познать ее.

Щёлк! Щёлк!

— Может, и будущее... Может, и истина... Но скорее, Зона — это та же самая жизнь, что и за Периметром. Только тут она... как бы тебе сказать, брат... тут она концентрированная. Всё происходит быстрее, страшнее, ярче, четче. Зона — это самая лучшая школа, помогающая понять себя и других. Тут все очень быстро себя проявляют. Не то, что снаружи, а самое внутри.

Щёлк! Щёлк!

Молчу. Хорошо говорит. Умный этот Пророк. Может, мое будущее мне напроорочит?

— Я в Зоне всё про себя понял. Я слабый добрый человек. Всё. Добавить нечего. Не-че-го.

Кажется, малость захмелел мой доктор.

— Я убивать не могу. Мне ссориться с людьми не нравится, а тем более убить кого-то... Это же гадость какая! Я стреляю только по зверью — защищаю себя... или там... хлеб насущный добываю... Еще я понял: мне надо жить здесь. Проповедовать любовь надо. Ты понимаешь, Тим, любви так мало! Вот был тут у меня в гостях Михайлов... великий человек! Он меня понимал. Везде мало любви. А тут ее — ну совсем на доньшке. Вот тебя что сюда пригнало? Баба? Нет, тебе просто холодно. Душа твоя мерзнет, ей за Периметром любви не хватает. И баба другая не находится, какая в Зону не погонит, потому что душа замерзла и ленивая стала. А? Понимаешь, Тим? Твоя душа разучилась искать любовь. Я же чую. Я же не просто так — Пророк...

Щёлк! Щёлк!

— Вот я тут поселился, Тим, проповедую...

— А самому-то семью завести? Слабо Пророку-то?

— Да где там. Я в Зоне с перерывами двенадцать лет провел. Последний раз в 2019-м выходил наружу... Я — порченный. Человеку нельзя так долго жить в Зоне... Если прожил тут хотя бы год, организм перестраивается на энергетику Зоны. Чуть выберешься за Периметр — начинает разваливаться. Куда мне жениться — дожить бы до следующего дня рождения...

— Понимаю, брат.

— Да в прошлый раз вышел из Зоны, и в тот же день микроинсулт... Сразу возвращаться пришлось... Какая тут семья? Что родится в такой семье? Младенец-зомби? Да и на ком тут жениться? Мало баб в Зоне, считанные единицы. И на ПМЖ никто из них оставаться тут не хочет. Я уж привык вот так — бобылем. Хотя так, конечно, неправильно. Не надо быть человеку одному.

Щёлк-щёлк! Готово.

— Пророк, может, пришло время для пятой?

— А мы что, торопимся куда?

— Да надо бы еще к сержанту сходить, как он там. Может, очнулся и пить просит...

— Рано ему. Долго отмокать будет. Уработать артефакт — это для организма большой

стресс... Вроде нокаута, растянутого на много часов. Лучше сержанта сейчас не тормо...

И тут — бам-бам-бам! — кто-то или что-то с богатырской силой замолотило в борт «Скадовска» тяжелым тупым предметом. Возможно, головой.

— Шумные какие гости, — неодобрительно промолвил Пророк, протягивая мне бутылку. — Спрячь. Потом добьем.

Глава 20. Арабелла атакует

This baby's got a temper,
You'll never tame her...

...У самой дыры в борту «Скадовска» лежал человек, измазанный кровью с головы до ног. Арабелла, встав над ним, с любопытством разглядывала тело.

— Это у вас на учениях такой специальный человек раненого изображает, да? Ему надо оказать первую помощь, да? Какой здоровенький! А это ведь не кровь, это такая краска за ним тянется?

Подхожу ближе. Мужик-то и впрямь — косяя сажень в плечах. Вот только он тут никого не играет. По кочкам, по сухому бережку петляет за ним кровавый след.

Пока полз, всякое соображение потерял. Поворачивал туда-сюда, чудом к «Скадовску» вышел. Или просто очень сильный человек — боролся с собой, чтобы раньше времени не сдохнуть. Умирал, но полз. Две стреляные раны — в правой и левой ногах. Дополз, постучал, да и дух испустил. Силы кончились, как видно.

— Арабелла, сударыня! Мы рады будем с вами посудачить, но... зайдите к нам чуть позже. Сейчас у нас будет... э-э... проверка личного состава на знание медицинско-санитарных... э-э... действий... А вот потом... вы... несомненно... можете зайти... и... мы...

Мне показалось, или она ухмыляется?

Рядом с телом раненого лежал «Кабан». Великолепная пушка Клеща. Да и сам раненый, если приглядеться, выглядит как-то... *клещевидно* .

Принялся я осторожненько переворачивать тело. Может, еще живой?

— Ты осторожнее там! — орет Шпиндель. — Может, это ловушка!

Нет, ребята, это никакая не ловушка. Это самый настоящий Клещ, и «экза» у него на груди жутко разворочена, кровь из дыры хлещет не дай бог, но он еще жив. Разве можно с такими ранами жить? Немыслимое дело. Но я явственно почувствовал его несвежее дыхание. Точно, жив!

Теперь ясно, что за чудо-стрелок положил Репу и его людей.

— Клещ! Это Клещ, Тим! — вопит вольный торговец. — Отойди, стреляю!

И я слышу за своей спиной звук клацающего затвора.

Вот уж кровососа тебе на болт, Шпиндель. Не сегодня. Даже не думай.

Я поворачиваюсь к Шпинделю, встаю так, чтобы закрыть собой тело Клеща, и говорю:

— Иди на хер, пацан. Это мой друг. Я не дам его в обиду.

— Да что ты лепишь, кретин! — истерит Шпиндель. — Этот перец числится в пятерке самых опасных людей Зоны, ты понял? За его труп тебя Варвар баблом осыплет!

— Варвар мертв. А этот перец жизнь мне спас. Дважды!

— Да хрен с ним, с Варваром! У меня инфа с последней базы «Монолита»: двести тысяч уёв за Клеща, живого или мертвого. Ты понимаешь, придурок, двести тысяч?!

— Это мой друг, Шпиндель.

И ствол его «калаша» рисует неприятную траекторию. Теперь вольный торговец держит

на прицеле уже не Клеща, а меня.

— Вконец обуел? — вежливо осведомляюсь я.

— Ты просто не врубаешься. Двести ты...

Клацающий звук раздаётся еще раз. За спиной Шпинделя.

— Я бы на твоём месте не торопясь поразмыслил, брат. Добывать раненых — нехорошо.

О! Хромой Пророк доковылял до нас. Молодец, мужик. Так держать.

Вольный торговец от злости аж лицом чернеет.

— Гребаные совки! Он-то — старое дерьмо, еще при Брежневке родился. Но ты, Тим, ты же молодой! Ты же нормальный должен быть, вменяемый?!

Что ему, дураку, сказать? Что он сам невменяемый? Так не поверит.

— Пожалуйста, брат сталкер, опусти автомат. Очень тебя прошу.

Шпиндель нехотя подчиняется.

— Если тебе человеческих объяснений мало, то я по-твоему объясню, по-деловому, — втолковывает Пророк вольному торговцу. — Кому-то Клещ делал зло, а кому-то — добро. И если ты его на «Скадовске» прикончишь, ты даже представить себе не можешь, сколько народу явится мстить, — продолжает втолковывать Пророк. — Допустим, тебе повезет, и ты останешься жив. Но дело тебе тут точно не оставят!

Вот теперь на узком лице у Шпинделя написано понимание. Вот теперь у него всё в голове выстроилось, и циферки сошлись. «Калаш» отправляется обратно на плечо.

— Понятненько. Мог бы с самого начала по-человечески объяснить.

Словами не передать, какое сочувствие стоит в глазах Пророка.

— Теперь, когда инцидент исчерпан, пустите-ка меня к пациенту.

Пророк возится с Клещом долго. Стаскивает с него «экзу», выслушивает легкие, считает пульс, ворочает его израненную тушу.

Смотреть на это совсем не хочется — брезгливый я. Отворачиваюсь.

А где, кстати, Арабелла?

Ее и след простыл.

— Здорово же ему досталось, — бормочет доктор. — Не могу понять, чем грудь ему так раскурочили... Картечь?

Шпиндель суется поближе к нему:

— Братья сталкеры! Есть деловое предложение. У Тима имеется «медуза»... ведь имеется, не так ли?

— Ты дело говори, — ворчит Пророк.

— А вот и дело: он мне отдаст свою «медузу» и остатки денег. А я ему — «кровь камня». Есть у меня «кровь камня» кое-где. Она ведь тоже заживляющая вещичка, хоть и не столь эффективная, как «ломоть мяса». Реальненько.

Пророк хитро улыбается:

— Что, брат сталкер, отдашь за друга последний хабар?

— А варианты? — вздохнул я.

Тогда доктор поворачивается к Шпинделю и говорит ему с довольной сытостью в голосе:

— Стыдно тебе, Шпиндель, должно быть — такую обдираловку устроил.

— Почему сразу «обдираловку»?..

— Потому что. Я этим вещам цену знаю. Тим, тебе пол-бутылки не жалко?

— Фигня.

— Тогда вот что, Шпиндель. Отдаем тебе остатки водки. Дай нам сахарку, сколько выйдет, за эту водку, — мы будем дежурить при теле, чай гонять.

Шпиндель принимает бутылку, придирчиво оглядывает и выдает свой вердикт:

— Треть бутылки.

Под нашими *очень добрыми* взглядами он отправляется за сахаром.

Пророк устало потирает лоб.

— Никто за Клеща мстить не придет. Он пережил свое время. Сложный был человек. А что опасный, так это правда на все сто. Но крови зря он никогда не лил... Сахарный сироп ему нужен. Я с ним лекарство свое смешваю, и как только он очнется хоть на секунду, сразу эликсир этот сахарный — р-раз! Тогда все быстро-быстро заживет. Уж я-то знаю! Видел таких — сотни! Но если бы я Шпинделю сказал, что сироп для спасения Клеща нужен, он бы...

— Да ясно мне, не маленький.

Пока мы транспортировали жалобно стонущего Клеща, Пророк объяснял мне, какое это чудо Зоны — старый его знакомый из клана темных сталкеров.

Темные сталкеры — особая порода. Люди и в то же время не совсем люди. Темные сталкеры проходят довольно болезненную процедуру «отчуждения».

Из каждых десяти «отчуждаемых» один-два не выдерживают и умирают. Потом они живут в Зоне постоянно. Для них выход из Зоны — почти верная смерть. Зато Зона их подпитывает своей энергетикой. Здесь они сильнее и быстрее обычного человека.

Только сталкерская элита, высший разряд, ценится в Зоне вровень с темными. Они загодя узнают о приближении Выброса. Они чувствуют на расстоянии любое порождение Зоны и... таких же, как они сами, темных. Ко всему прочему, у них фантастически быстро заживают раны, регенерируют поврежденные мышцы, кости...

А Клещ был не только темным, он был еще одним из самых опытных темных. Мало того, у него имелся особый секрет. Он родился здесь, в Зоне. Фактически вместе с Зоной. Мать, жившая на хуторе к западу от Припяти, носила его во чреве, когда на Четвертом энергоблоке случился взрыв 1986 года — тот самый, с которого началась сама Зона.

Через неделю Клещ появился на свет и почти всю жизнь провел в Зоне. Так вот, пережив аварию на ЧАЭС, внутри мамы, он приобрел необычное свойство: когда Зона отпускала его за Периметр, обычная земля не убивала его тело. Он мог свободно жить и там, и там. Сколько угодно. Без ограничений. Вот такой уникал.

— Ты-то откуда знаешь его секрет?

Пророка неожиданно сильно смутил мой вопрос. Не отвечал он долго. Но потом все-таки сказал:

— Мы соперничали с ним из-за женщины. Это была единственная женщина моей жизни... она-то мне и рассказала...

— А потом?

— Потом меня убили из-за артефакта «компас»... ну, почти убили. А пока я выздоравливал, Марина стала женщиной Клеща.

Мы как раз дотащили темного сталкера до моей каюты. Уложили на второй матрас, рядом с Малышевым, устроили там же «Кабана» и снарягу. Сели отдышаться.

— Лазарет, итить его двести, — с иронией промолвил я.

— Вот сейчас бы водки, — печально сказал Пророк.

Молчу. Второй раз я столько за один штык беленькой не отдам.

— У меня потом была семья. У меня... была еще семья... потом. У меня... тут, в Зоне... завелась собака. Хорошая собака... растила щенят...

Пророк заплакал.

Отвернулся от меня, но уходить не стал. Посидел молча, дождался, пока слезы перестанут литься. Почти успокоился. Затем вынул нож и начертил на ржавой стене силуэт сидящей собаки. Ловко у него вышло, ребята: вот хвост, вот стоящие торчком уши, вот лапы... Потом он принялся вычерчивать кутят.

Но тут пришел Шпиндель и принес нам шесть кубиков рафинада.

— Больше нет, извините.

Пророк мрачно посмотрел на него.

— Разве что вот еще парочка, — вольный торговец вынул из кармана добавку и торопливо смылся.

Пророк попросил у меня воды, налил в кружку воды и развел в жидкости сахар, всыпал в сироп свое лекарство из пластикового пакетика, что хранился в его нагрудном кармане.

Клещ лежал тихо, не подавал признаков жизни. А в остальном он выглядел как труп, вполне согласный со своей участью. Доктор постоял-постоял над ним с кружкой и принялся чесать в затылке.

— Что-то я не пойму, как в него всё это влить...

— Может, я запрокину ему?..

Пророк досадливо отмахнулся:

— Боюсь, захлебнется он тогда.

Проповедник любви опять почесал в затылке. Потом переносицу. Потом подбородок. Потом за ухом. Потом правое колено.

— Слушай-ка, у тебя ведь была «зуда». Ну, точно. С ней, может быть, получится.

— «Зуда»? У меня? У меня — «медуза», а не «зуда».

— Да не жалеешь ты ее. Она годами работает, притом частота использования не имеет значения. Не знаю, зачем тебе эта дрянь, но я же ее всего-то на пару минут прошу.

— Да какая «зуда», Пророк? Я не въезжаю!

Смотрит на меня, как баран на новые ворота.

— Да ты, надо полагать, совсем новичок в Зоне...

Чему-то, надо полагать, меня опять недоучили проклятые орденские инструктора.

— А что, сразу не видно было?

— Не знаю... Для меня все сталкеры равны. Если ты не понимаешь, объясню попросту: дай мне на пару минут ту медальку... у тебя завалилась такая маленькая медалька...

Медаль Михайлова — «зуда»? В упор не понимаю, ребята. Хоть об стенку башкой бейте.

Я вынимаю медальку и даю Пророку.

— Только... Пророк... хе-хе... ты про нее никому... это... хе-хе... такая штука... хе-хе...

— Полмиллиона, Тим, хо-хо, я всё знаю... хо-хо-хо... мне чужих бабок не надо... ахха-ха-ха-хо-хо... буду молчать...

Он сжимает металлический овал в кулаке и делает пальцами странные движения — будто разминает что-то. И чем дальше он это что-то разминает, тем больше мне хочется смеяться. Да не просто хочется, я то и дело нервно похохатываю.

— Кру-хахх-ха-хха-кху-и-и-и! — всхлипывает Пророк.

И тут нас обоих накрывает ураганным приступом хохота.

Пророк падает на пол, из носа и ушей у него идет кровь. У меня красные круги плывут перед глазами. Ржет до икоты сержант — не приходя в сознание...

— Сейчас... хахха-ха-ха-ха-ахха-ахха-хха... разолью... ху-хху-ху-ху!

Вдруг и у Клеща на месте плотно сжатых губ образуется щель. Смеется. Смеется!

Я успел влить раненому жидкости на пару-тройку глотков, обливаясь и обливая его. Он закашлялся, но все-таки сглотнул.

А дальше... дальше мы чуть не умерли, пытаюсь затолкать «зуду» в контейнер. Мы сгибались и разгибались, стояли на четвереньках, бились головами об пол, пытались встать и вновь валились... Потом эта гребаная зараза чуть-чуть ослабила хватку, и Пророк парой ловких движений все-таки ее закупорил.

Сержант с Клещом лежали оба аки младенцы. Пророк пояснил:

— Побочный эффект: попавшего под «зуду» потом неодолимо клонит в сон... Брат стalker... с этим не поспоришь. Пойду вздремну у себя, а ты — у себя. Через несколько часов Клещ должен будет очнуться, вот тогда и повозимся...

Он протяжно зевнул. Зёв — штука заразная, и я еще более протяжно, даже с какими-то постанываниями, ответил ему. Пророк поспешно вышел, захлопнув дверь.

Перед глазами плыло.

Я хотел проверить связь, а потом запереться, но заснул прямо с ПДА в руке. Только успел подумать: «Засыпаю...»

...июнь. Сумерки. Москва превратилась в дно теплого океана. Где-то высоко, выше университетского шпиля, выше Останкинской башни, бегут волны облаков. Дома, как разросшиеся кораллы, тянутся к свету. Солнце, устав жалит, нежит. Причудливые раковины машин увязли в придонном иле. Птицы скользят с дерева на дерево, вяло шевеля крыльями. Звенит фрегат асфальтовых морей, вспенивая стальным бушпритом пространство между рельсами.

Мы идем по сиренево-черемуховому бульвару. Высокие водоросли деревьев застыли справа и слева, от белой пены цветов — глазам больно. Ветер спрятался под веками у котов, вольно дремлющих в пыли.

— Галка, — обращаюсь я к ней, — мне никогда не хотелось стать другим человеком. Чем-то большим или... просто другим. Мне никогда не хотелось переделывать себя под этот мир. Лучше требовать от мира, чтобы он был не столь безобразен. Хотя бы на расстоянии десяти шагов от меня. Вот сейчас... мы идем... и всё так хорошо. Но почему так бывает не всегда, и...

Она смотрит куда-то в сторону, почти не слушает, а тут вдруг поворачивается ко мне. И я вижу — это не Галка. Фигура — Галкина, ноги Галкины, волосы — ох, волосы, кажется, Арабеллы. А лицо... Лицо — Юсси.

Мне не страшно.

Юсси-лиса, Юсси — зверь благородный, зверь изысканный, отвечает мне:

— С такими требованиями к реальности ты должен стать художником.

Я почти понимаю ее.

— Но лучше не переставлять, а делать ее. Делать пеструю гальку, окатанную веками воды, совершенную вещь.

— Художником? — переспрашиваю я.

— Да. И у тебя для этого — масса способностей! — говорит она без малейшего сомнения. И я соглашаюсь: да, конечно, я умею делать красивые пестрые камни. Давно умею, только ленюсь. Просто мне надо избавиться от лени.

Но ведь это и не Юсси. Лицо моей спутницы расплывается. Волосы становятся длиннее и меняют цвет. Только что была зимняя полночь, а сейчас — осенний день, темно-русый, спокойный. Волосы ее тихи. Кожа ее — серебро, растворенное в молоке. На шее — ожерелье из ягод рябины.

Нет, это совсем не Юсси, и подавно не Галка — от нее и следа не осталось.

Это моя возлюбленная. С ней я должен был прожить всю жизнь до последнего часа. Но я лишился ее. Так получилось. Она не виновата, да и моей вины нет. Просто жизнь иногда рвет в клочки твои желания, а у тебя нет ни единого шанса склеить разорванное.

— Ты мечта моя несбыточная, ненадолго сбывшаяся и опять несбыточная, — говорю я ей.

— Но я у тебя была. А памяти никто лишить не может.

— Ты знаешь, что я, просыпаясь, каждый день говорю тебе: «Доброе утро», а засыпая «Спокойной ночи»?

— Знаю.

— Отчего же мы не вместе?

— Бог не велел. Смирись с этим.

Она берет меня за руку, улыбаясь.

— Большого нам не позволено.

Это я учил ее улыбаться. Это я сделал так, чтобы улыбка стала для нее самым обычным делом. До меня она просто изгибала губы, когда окружающие хотели от нее веселья.

— Я понимаю. Ничего не изменишь. Тогда зачем ты здесь?

— Как же я не приду к тебе? Ведь ты звал меня.

— Разве?

— Это наше место. И наше время. Кого ты еще мог тут встретить, кроме меня?

Верно.

Я хочу отвыкнуть от нее. Мне нужно отвыкнуть от нее. Я обязан отвыкнуть от нее.

Но крепка, как смерть, любовь. Когда я чувствую, что начинаю отвыкать, мне становится больно, и я опять воскрешаю ее... у себя внутри. Там, где живет всё — запахи, слова и прикосновения. Как ей не приходиться ко мне, если она во мне живет?

— Ты никогда не являешься просто так. А жаль... Вот и сейчас хочешь... или, может быть, обязана?... я никогда этого не понимал... ты собираешься что-то рассказать мне... Верно?

Она улыбалась. Я отдал бы всю оставшуюся жизнь за возможность видеть эту улыбку каждое утро на протяжении трех месяцев. Отдал бы, ничуть не раздумывая. Сейчас она скажет: «Сказкоужка! Я расскажу тебе новую сказку...»

— Ты ранен, — произносит она. — Ты ранен... и душа твоя сочтена наружу из отверстия в сердце. Тебе так больно, что ты ничего не видишь вокруг себя. Нет, глаза твои сканируют окрестности, уши исправно вбирают звуки, а нос — запахи... Но раньше ты смотрел на мир какими-то внутренними глазами, другими, не теми, что справа и слева от носа, а теми, что в душе. А теперь они закрыты. И ты перестал видеть то, чего не увидишь простыми глазами. Ты слепой.

— Я не слеп. Я не хочу видеть. Это другое дело.

— Нет. То же самое. Хочешь, я расскажу тебе одну сказку... ты ведь по-прежнему сказкоужка?

— Да. Если она так же хороша, как и все прежние.

— Слушай же. В Замоскворечье так много улочек-переулочков, там тополя родились прежде последнего городского, там храмы были молоды при первых царях из рода Романовых, там дома своенравны, и у всякого дома фасад на свой манер. Знаешь, как хорошо гулять по тем местам, видя, как проступают сквозь стены и воздух образы иной Москвы? Там всякая подворотня помнит старинный купеческий род: прадед вышел из Зарайска или Малого Ярославца, слукавив на откупах, дед диковал, пускаясь из загула, сотрясающего дюжину кварталов, к истовой молитве, отец строил железные дороги, а сын основал картинную галерею, прогремевшую по всей Европе... Там можно заглянуть в окно, и увидишь то, что происходило за ним сто лет назад. Утренняя воронья побудка да ослепительные купола, да трамвайные рельсы, знавшие конку, да причудливые особняки, лепящиеся один к другому, да тени барышень в широкополых шляпах, да заброшенные садики во дворах, да рябины, да черемухи, да запах свежее испеченного хлеба, плывущий от дома к дому вот уже полтысячелетия, да строки Цветаевой, да чистое серебро колокольных звонов — всё это сплетается в венок, кружащий над переулками, заставляющий воздух дрожать зыбким маревом мечты... Именно в таком месте, при сплетении старинных улочек, между Пятницкой и Большой Ордынкой, раз в году открывается тайный переулок. Имя его — Седьмой Монетчиковский, и со всех сторон его теснят старинные домики, собранные в прямоугольник Третьим, Четвертым, Пятым и Шестым Монетчиковскими. Однажды его нашел человек,

живший странно: он словно дремал наяву, избегая лишних соприкосновений с этим миром, зато в снах и мечтаниях бодрствовал, говоря яркие слова и совершая красивые поступки. Человек этот увидел, как обычные ночные фонари, коих легион на московских улицах, сменяются через два дома старинными, газовыми, а унылый асфальт уступает место булыжной мостовой. Он услышал великую тишину. Он почувствовал, как тянет его иная судьба, потянулся к ней сам и вступил на брусчатку Седьмого Монетчиковского. Сейчас же, на этом месте, гость тайного переулка раздвоился: часть его души убежала в потаенный мир Иной Москвы. Оставшаяся часть извлекла из памяти мечтателя всё произошедшее с ним, заставила забыть о тайном месте в Замоскворечье и увела его оттуда домой. Он жил спустя рукава. Перестал предаваться мечтаниям, полюбил всё простое и понятное, обожал работу, на которой не надо напрягать ум. Он скоротал жизнь за кружкой пива, и у него в этой жизни ничего не удалось. Пришел бывшему мечтателю срок умирать, и смерть он встретил одиноко. Зато второй части души удавалось всё. Она вошла в мир мягкий, теплый, уютный. Мир без бензина, подлости и нищеты. Мир особняков, дам в длинных платьях, лихих ямщиков, горячих калачей и малинового звона. Там беглая частичка души скоро отыскала себе работу по вкусу, а потом поселилась в доме, который нравился ей с первого дня в Иной Москве. Вскоре после этого нашлась женщина, исполненная редкой красоты, добронравия и возвышенных чувств. Удравший кусочек души полюбил ее — однажды и на всю жизнь. Она родила ему детей, сделалась лучшей подругой в счастье и лучшим утешителем в горе. Но горя вышло совсем немного: жизнь шла весело, пестро и покойно. Жаль, кончилась она быстрее, чем хотелось бы. Беглец почувствовал, что его куда-то зовут, да так властно, что удержаться в теле почтенного супруга, владельца особняка и большого мастера своего дела он не мог. Исторгнутый вон, долго летел отщепок души сквозь туманы; глаза его, уши и ноздри забило сырой ватой, и он утратил возможность видеть, слышать, дышать... Очнулся беглец в теле сильно раздобревшем и очень хвором. Оказывается, его жилище вовсе не особняк в прекрасной Иной Москве, а маленькая грязная квартирка, где давно не делали ремонт. Оказывается, благородная красавица лишь пригрезилась ему, а настоящей жены давно и след простыл. Оказывается, никаких детей нет, в холодильнике не обретается ничего, кроме банки дешевого пива, потолок обезображен коричневой плесенью, и завтра предстоит умирать. А может быть, сегодня ночью... Как же так, ведь в мечтанных местах всё складывалось гораздо лучше! — не мог понять несчастный старик. Тогда душа, вернувшая цельность, заплакала горячими слезами и взмолилась: «Господи, это ведь не жизнь была, а сплошное наваждение. Верни мне мою жизнь, Господи!»

Тут моя возлюбленная замолчала.

— Он получил ответ?

— Да.

— Что же ему сказали?

— Не важно. Всё обернулось к лучшему.

— Как?

— Опять не важно. Послушай, ты сам живешь спустя рукава. Ищешь ненужное, находишь губительное.

Ей всегда нравилось разговаривать со мной так, будто на дворе девятнадцатый век. Или, может быть, на дворе-то как раз двадцать первый, а комнате — девятнадцатый, но только для нас двоих. И он разрушится, если кто-нибудь третий войдет.

Я сжимаю ее пальцы. Мне нужно ее присутствие. Мне до смерти нужно ее присутствие. Навсегда.

— Может быть, ты все-таки...

— Нет. Мы вместе не будем, и переменить ничего нельзя.

— Но что я должен искать в таком случае? Всё выйдет ненастоящим. Ты понимаешь?

Всё! Что угодно, кто угодно...

— В твоём распоряжении большая часть жизни. Всё ещё переменится. А... искать... Искать следует не то, что изменит тебя, а то, что согласится с тобой.

— Я не хочу. Лучше уж пусть всё будет проще.

Она повернулась, отняла руку и нагло укусила меня за ухо.

— А если я тебе попрошу? Очень-очень?

— Я...

— Ты ведь не посмеешь мне отказать? Потому что мне не нужна твоя боль. Надо выбираться. Ты понимаешь это?

Мы брезговали обманывать друг друга. Если я скажу сейчас «да», мне придется выполнить обещание. Но тогда у нее не останется причин являться ко мне, а об этом даже подумать страшно.

— Ты будешь ко мне приходиться?

— Я не знаю.

Это ее вежливое «нет». И переменить его могут лишь какие-нибудь исключительные обстоятельства. Например... нет, так сразу и не вспомнишь.

Мы идем рядом. Ветер колышет ее длинную шелковую юбку, и та легонько поглаживает мои брюки. Рука в руке. Мы идем рядом. Я чувствую ее запах, ее тепло, ее свет. Наверное, больше этого никогда не будет.

— Хорошо. Я попробую.

Она молча целует меня в щеку.

А потом... нет, я не разжимаю пальцев. Просто ее ладонь вытекает из моей как вода. А она сама расплывается в воздухе, становясь с каждой секундой прозрачнее. Она улыбается. Я протягиваю руку и успеваю почувствовать тепло.

Ее волосы пахли молоком...

Желто-красная громадина трамвая громоыхивает в десятке шагов от меня. Стальные колеса, уминая рельсы, издают странный скрип. Будто твердые ребра рельсов горше им, нежели бремя всего трамвая. Колеса... плачут...

Опять раздается этот скрип. Не пойму. Может, с рельсами что-то не так? Может, сейчас этот благополучный древний вагончик сойдет с пути, проломит чугунную решетку или протаранит бордюр?

Нет, ничего такого не случается. Трамвай проходит мимо вполне благополучно. В его жизни всё безоблачно, как у минигарха на Мальдивах.

* * *

И тут я проснулся. По ржавой железной лестнице кто-то пробирался к моей каюте. Шел осторожно, с претензией на беззвучность.

Но лестница подобных претензий терпеть не собиралась и отвечала противным металлическим скрежетом на каждый неосторожный шаг.

Спросонья всегда неважно соображается... Но я попробую. Сейчас!

Двадцать четыре патрона? Не так уж плохо. При удачном раскладе хватит и одного. Того, который в патроннике.

Кто ж это? По-любому, ребята, не Пророк. Не ловкач он. Это не может быть и Шпindelъ. Зачем ему? Всё что можно у меня взять, он уже взял и без оружия.

Значит... Значит, это кто? Правильно. Она. Арабелла.

Мне не хотелось ее убивать.

Но и умирать тоже не было ни малейшего желания.

Ладно, давайте попробуем что-нибудь посередине.

Дверь открывалась внутрь. И открылась она со страшным, леденящим душу скрежетом.

Мертвые проснулись на пятнадцать километров окрест. Но существо, пробиравшееся ко мне в каюту, не хотело этого понять. Оно уверенно пёрло, выставив руку с «макарычем» вперед себя.

Я долбанул автоматом по руке. Пистолет улетел в угол. Осколки детектора аномалий брызнули во все стороны ледяной крошкой.

Мне звезданули дверь по лобешнику. Я упал и выронил автомат.

— Убийца! — вопила Арабелла, влетая в каюту. Школьную форму и туфельки она успела сменить на армейский комбез и армейские же говнодавы с подковками. Было очень больно, когда она пнула меня по голени вот этой колодой.

Ребята, движение ногами я сделал рефлекторно.

Арабелла произвела запашку палубы носом и возмущенно завывала. Понятно, раз душегуб, значит, не должен сопротивляться справедливому возмездию.

Девочка вскочила на ноги одновременно со мной. Верткая.

— У-у! Михайлова! — и попыталась засветить мне в левый глаз.

Я уклонился.

— Может, поговорим, Арабелла...

Она постаралась засандалить мне по яйцам. Я опять ушел от удара.

— Да что я тебе сделал?!

Она попробовала залепить мне в правый глаз.

— Давай все-таки спокойно...

Ей, наверное, казалось, что она делает профессиональную «вертушку». Иначе говоря, лупит меня ногой с разворота по чану.

На самом деле девушка тупо лягнула меня по руке, которую я выставил, чтобы она в финале своего фуэте враскоряку не грохнулась опять на железную палубу. Почувствовав, что куда-то попала, она победно взвыла и попыталась провести «брызги шампанского».

Иначе говоря, вспенить мне нос ударом сбоку. Я поставил блок. В результате детектор аномалий на правой ее руке, разбитый вдребезги полминуты назад, всеми своими кретинскими осколками впился мне в тыльную сторону ладони.

— Ах ты ведьма! — заорал я в адрес юной леди.

И рефлекторно въехал ей в подбородок.

Девушка лишилась чувств. Девушка в обмороке! Самый легкий нокаут в моей жизни...

Сначала я поднял автомат. Потом я отыскал в рукомошнике пистолет и сделал его своим трофеем. Зачем такой симпатичной цыпочке огнестрельное оружие? Потом я задумался, что делать дальше. О, надо перевязать кровоточащую руку — из нее так и хлещет...

— Хорошо, что ты не дал ей прицелиться, сынок. А то пришлось бы продыривить девку. А жалко. Хоть и дуреха, а молодая, красивая. Могла бы детишек нарожать.

Клещ сидит, прислонившись спиной к стене, с «Кабаном» в руках. Когда он успел?..

— Еще когда она к лестнице приближалась.

Смотри-ка, угадал.

— Я вижу, не любишь ты женщин.

— Люблю, но без фанатизма. Ты знаешь, Тима, что главная Хозяйка Зоны — баба?

— А? Не понял.

— Вот и «а». Я ее знал когда-то. С тех пор бабам не верю ни на грош. Сейчас твоя эта коза очнется и непременно заявит, что выполняет здесь задание клана «Долг».

— Почему именно «Долг»?

Клещ молча харкнул в дальний угол и устало прикрыл глаза.

Мол, здесь всё Зона. А значит, здесь всё абсурдно и неожиданно в той или иной степени.

Глава 21. Прилетели!

The tides of change pulled us apart...

...продолжаем беседу.

Собственно, беседует с нами Арабелла, которой я, поколебавшись, не стал связывать руки и ноги. И рот не заткнул. Хоть, может, и стоило.

— Такие, как ты, — обвиняла меня красотка, — хотят весь наш мир сделать Зоной, им насрать на то, что нормальная жизнь разрушается. Они хотят, чтобы в будущем не было ни законов, ни чувства долга, ни защиты для слабых и обиженных. Только война всех против всех...

«Это ж вроде не про меня, а про вольного торговца Шпинделя...»

Но попытки объяснить девушке разницу между моим мировидением и воззрениями вольного торговца отметались как недостойные внимания.

— А Зона — не будущее. Это первобытное прошлое. Это пещерные отношения между людьми! Здесь жизнь человеческая ничего не стоит! Уйти в Зону — значит убежать от современного мира со всей его сложностью, скрыться и найти себе маленькую секту-клан, чтобы тут бухать и палить во все стороны в окружении себе подобных. Может быть, тот, внешний мир, и устроен криво, но его надо выправлять, пребывая в нем, не уходя от него!

Знаете что, ребята? А ведь это звучало не так уж глупо. Да, идеалистка. Да, максималистка. Но уж точно не дура. Хоть и школьница.

Я вслушался в ее речи.

— А вместо этого безответственные личности вроде тебя выносят из Зоны чистое зло. Ты знаешь, к чему приводит накопление артефактов в большом мире?

— Да я не...

— Да ты просто из тех, кто ампутировал себе совесть! Вот ты что такое. После появления сталкерства количество младенцев с серьезными отклонениями от нормы выросло на Украине на семь процентов и ежегодно эта цифра растет. В России — на четыре процента. Ты хоть знаешь, какие эффекты рождает обычный тупой склад артефактов, если хранить их так, как их хранят? А? В Бибирево — это Москва, ты понял, бессовестная личность? — в одном из кварталов зафиксировано появление восемнадцати аномалий. Семь смертей! Множество покалеченных и до смерти напуганных людей! И в чем дело? Оказывается, кто-то из вашего брата устроил там схрон с тремя десятками артефактов...

Я засмотрелся на Арабеллу. У нее... такое лицо... если бы могла, она бы обняла весь мир и защитила его от всех напастей. Девушку могут, как она считает, пристрелить в любой момент. А она всё еще пытается переубедить нас.

Фальшивая Белла Хвостикова, ты знаешь, как ты хороша в этом своем праведном гневe? Да ты просто чудо, девочка. Маленькое пшеницеволосое чудо.

— Знаешь, что полгода назад в Новополице начались массовые обвальные мутации детей? А виноват еще один барыга, которому казалось, что он перехитрил всех и удрал из Зоны с хабаром целого клана... такой же, как ты, подонок! Ему, сволочи, всего-навсего захотелось спокойной жизни. Вы таких вещей знать и помнить не желаете! А чем были набиты две «грязные бомбы» во время недавнего арабского инцидента в Париже? Сто сорок восемь человек... как хлеб косой... Знаешь? Или не хочешь знать? Всего-навсего измельченные обломки безобидного артефакта...

Клещ молча взял сапог и запустил им в Арабеллу. Она сбилась, и только тогда ему удалось вставить свою реплику в ее неистовый монолог:

— Девка, я одно понял. Ты ведь не меня хотела прикончить, а его?

— Не смейте называть меня девкой! — взвилась Арабелла. — Как вы смели подумать, что я способна выстрелить в раненого? Вы убийца. Вы мерзавец, каких мало, но было бы низко и подло воспользоваться тем, что вы без сознания... А этот... субчик... он убил и ограбил Михайлова!

— Я?!

— Когда?! — вскидывается Клещ. — Михайлова?!

— Именно! — отвечает ему Арабелла, совершенно меня игнорируя. — По всей видимости, совсем недавно. Вот только сегодня он хвастался медалью, сорванной с трупа Михайлова: сувенир, мол! Я эту медаль на старой фотографии Дмитрия Дмитриевича видела и никогда ни с чем не перепутаю!

— Дура баба. Вернее, девка, — спокойно резюмирует Клещ.

— Я попросила бы вас!

— А тут и просить нечего. Михайлова я знаю хорошо. Медаль какую-то он сто лет назад в Зоне посеял. Притом последние полгода он из Москвы не вылезал, а значит, за Периметр не ходил. И еще, надо думать, месяца два-три сюда не двинет. Притом... это ж Миха. Чтоб его салажонок завалил — вот уж дудки!

Клещ презрительно скривился.

Зачем она меня так обидела? Только-только я к ней пригляделся, только-только что-то хорошее в ней увидел, и вот — бац! Сюрприз!

— Я, между прочим, все его книги читал, — ополоумев от досады, заявляю всей честной компании. С хрена ли я это?

— Да?! — ехидное в ее голосе недоверие. — И когда, по его мнению, сформировался Кодекс Сталкера?

— Не позднее 2010-го.

— Это, допустим, все знают. А почему, с точки зрения Михайлова, кустарное производство Зоны Отчуждения приняло рассеянный, а не концентрированный вид?

Девочка, если бы ты знала, до чего всё это просто, на какой ерунде ты пытаешься меня завалить!

— Относительно ранний разгром мастерских клана «Чистое небо» убил в зачаточном состоянии тенденцию к концентрации нелегального производства.

— Ну... допустим. — Она посмотрела на меня с подобием уважения. Вчерашняя студентка? Наверное. Небось в своей тусовке резали пацанов этими вопросами направо и налево... Умные тебе нравятся? Такого добра есть у меня.

— А как насчет четвертой стадии развития основных кланов?

Ну да, конечно. «Сколько комсомольцев-героев участвовало в штурме Зимнего?»

— Это азы. Стадий пока было всего две. На второй кланы «Долг», «Свобода», «Орден» и некоторые другие, менее значительные, образовали разветвленные оргструктуры везде, а не только в Зоне. У Михайлова есть несколько сценариев третьей стадии, но пока ни один из них не начал реализовываться...

Арабелла растерянно молчала.

— Правильно?

— Правильно... Может, он и не убивал Михайлова...

Какое же ты чудо, девочка! Тебе наплевать по большому счету на то, что сказал Клещ — можно ли верить всяким там клещам? — но у человека, читавшего Михайлова, по-твоему, и рука на него не поднимется... Чудо. В хорошем смысле.

— Ты что ж, выходит, историк? — ошарашенно спрашивает Клещ. — А, точно... говорил... Вы с ним как два сапога пара. Наплетёте, наплетёте, а на самом деле народ тут простой, чуть что — в хлебало, чуть что — пулю в задницу. А вы с ним... это самое!

И он нарисовал в воздухе пальцем какую-то сложную абстрактную фигуру. Надо

думать, на языке геометрии она обозначала «это самое». Эти инженеры — они ведь слегка безъязыкие.

— Вот и благослови их, Клещ.

В дверях стоял доктор. И глумился.

— Ты, Ной? Жив еще, упырь бестолковый...

— Сейчас меня зовут Пророк.

— Ты... Марину помнишь?

Странное у меня вдруг появилось ощущение, ребята. Просто убиться, до чего странное. Будто нет нас тут. Ни меня, ни Арабеллы. И «Скадовска» нет.

И даже насчет всего Затона — большие сомнения. Есть только струна, натянутая до предела между Пророком и Клещом. А на этой струне крепится целый мир, общий для них двоих. Когда-то мир этот был намного полнее, им жил еще один человек, но...

— Еще бы я ее не помнил, Клещ! — грустно промолвил Пророк.

Стрелять начнут? Как-то я расслабился. Руку... ручонку... надо бы чуть-чуть передвинуть... чтобы жать на курок было сподручнее, если чё.

— Ее нет уже.

— Знаю.

Пророк улыбается. И напряжение исчезает. Можно перевести дух, ребята. В каюте перестало пахнуть смертью.

— Парню не забудь спасибо сказать, Клещ. Тим сегодня прикончить тебя не дал.

— Вот совпадение, — хмыкает раненый сталкер. — И я его тоже. А имя, стало быть, уже поменял. Сотку — на Тима. Шустрый... Лучше ответь мне, Ной, это ведь ты бешеную ведьму тут пригрел? Твоя манера. Она тут чуть стрельбу не устроила.

— Ты зачем безобразничаешь, дочка? — с укором спросил Пророк. — Я тебя на своей барже со всем скарбом приютил, а сам сюда переехал. Я тебе всё объяснил, Стрекоза. Я тебя три раза пристрелить не дал, а ты всё безобразничаешь...

Вот, значит, как ее зовут на самом деле.

Липовый матрикат засмушалась и буркнула:

— Я тут, между прочим, не безобразничаю, а исполняю важное задание клана «Долг» по выявлению бандитского элемента.

Клещ сдавленно хрюкнул на своем матрасе.

— Паразиты твои «долговцы», что одну тебя тут оставили, — говорю я ей.

— А я, между прочим, не девочка, и у меня, между прочим, есть связь.

— Связи у тебя нет, Стрекоза. Как и у всех нас.

— А вот и есть! Когда я сюда шла, предупреждение пришло: Лобан двигается к «Скадовску», и с ним еще восемь бойцов. Наверное, возглавил банду после гибели Репы. Вот я и боялась: не успею обезвредить... тебя...

— Неужели... связь?! — вскакиваю я.

— Лобан? — тревожится Пророк. — Запроси, дочка, где они сейчас.

Отправляю на адрес Бункера: «Озёрскому, срочно. Гетьманов, Осипенко, Заяц, Жилко, французы и вся эскортная группа убиты. Малышев ранен, нужна помощь врача. Приз у меня. Информация о ключевом эксперименте Жилко у меня. Я на «Скадовске». Есть угроза нападения. Запрашиваю спасательную бригаду».

Когда торопишься, слова то и дело выходят с нелепыми ошибками. Какого фига они вообще такие длинные на этот раз?

— ...удаление от группы Лобана — около шестисот пятидесяти метров. Быстро сокращается, — слышу я голос Арабеллы... то есть Стрекозы.

— Вам надо уходить, ребята, — очень вежливо говорит Пророк. — И очень-очень торопиться. А я тут спрячу раненого и...

На лестнице послышался грохот. Шпиндель, гребаный упырь, всё это время слушавший нас, на ходу переключал рысь на галоп, спасая жопу от появления новых нештатных отверстий. Реальненько.

— У нас двое раненых. И два ствола. Небезнадёжно, Пророк. Я уверен, помощь от ученых из Бункера скоро придёт.

Я перехватил восторженный взгляд Стрекозы. Вот только не сейчас, юная леди.

А Пророк поглядел на меня без восторга. Скорее, со спокойным сожалением. Мы оба понимали: никто на самом деле не знает, когда она придёт.

— Мне не хочется убивать людей. Но я тебе постараюсь помочь, Тим.

— Три ствола! — звонко сказала Стрекоза, протягивая руку за «макаровым».

— Нет.

— Я всё равно не уйду. А так хоть ствол будет.

И опять: мы оба понимали, что у меня уже просто нет времени убалтывать ее. А отправлять в нокаут по второму разу было бы несколько неэффективно: в таком состоянии юные леди плохо бегают от бандитов.

Какая девчонка! Эх...

Отдаю ей пистолет.

С матраса, где лежит Клещ, доносится болезненный кашель. И просьба.

— Ной, зацепи меня за плечо, старая рухлядь. Ты в курсе, что стал похож на мебель, которую выбросили на помойку? А ты за другое плечо, Тим. Ну, живее, радиоактивное мясо. Просто вытащите меня наружу, и у вас будет порядочный снайпер... А? Молчать, Пророк... Лучше я их убью, чем ты, с твоей дурацкой любовью. Тащите... давай, сынок, напряги мослы.

Мы уже волочим Клеща к ближайшей пробоине, он плюется кровью и бурчит:

— Ноги, мать вашу, не ходят... Ладно... беготни вроде не предвидится...

Когда Клещ лег на огневую позицию, у него едва открывались глаза, а руки висели, как плети. Много он тут настреляет, болезный...

Я устраиваюсь неподалеку, у большой пробоины в борту корабля. Рядом со мной — Стрекоза. Улыбаюсь ей ободряюще. А что еще-то можно сделать? Сказать: «Не бойсь»? Так она и так не особо.

Стрекоза в ответ улыбается мне ободряюще.

Пророк затихает где-то наверху, в кормовой надстройке.

Ну, где они? Ночь на дворе. Ни зги не видно. Вот бы мне «Тавор» сейчас. Каждую бы кочку из его оптики...

Та-тах! Та-тах! Та-та-тах!

Всё, ребята, пипец. Начался наш последний и решительный...

Вспышки — в двух сотнях метров, не дальше. Выцеливаю их, но не тороплюсь стрелять. Всего моего боезапаса хватит на минуту-другую серьезного боя. А потом — Гитлер капут! Так что не будем торопиться.

Где-то наверху одиноко тявкает карабин Пророка. И сразу после этого слышится гром его шагов: хромоножка двинулся ко второй огневой позиции. Правильно, мужик.

Пули взвизгивают, пробивая металлическую шкуру «Скадовска». Слева от меня коротко рыкает «Кабан». Ну, Клещу-то в его прицел куда виднее, кто к нам подобрался...

Вдруг в отдалении слышится знакомое: «даг!»! Сердце пропускает удар. В краткий миг пролетает мысль: «Все пропало! Теперь шансов нет».

Снаряд гаусс-пушки рвет борт «Скадовска», как консервную банку. Грохот такой, что уши закладывает. Вижу, как взрывная волна отшвыривает Клеща. Темный сталкер лежит неподвижно, приложившись затылком к шпангоуту.

«Жив?!» — ору я ему. «...мать», — доносится в ответ. Зашевелился, слава Богу...

тянется к «Кабану».

Трюм наполняется облаками мельчайшей ржавой взвеси, потревоженной взрывом. Стрекоза кашляет. «Ты как там, жива?» — «Что со мной сделается...»

Наверху Пророк дважды стреляет по бандитам.

Ага. Вот они. Совсем рядом. Кажется, подошел и мой черед...

И тут черное небо над кораблем прорезает дымная трасса... вторая... третья... Взрывы густо покрывают то место, откуда нас только что поливали свинцом. Болото превращается в огненный ад. Два «Кашалота» проносятся над «Скадовском», щедро сгружая боезапас по группе Лобана. Кажется, весь Затон взметывается в воздух, камыши и осока разлетаются салютом, гейзеры грязи бьют в небо.

Р-ра! Р-ра! Р-ра! Р-ра-а-а-а!

Нам повезло. Мы будем жить.

— Мы будем жить, — говорит мне Стрекоза.

— Точно. Только отвернись на секундочку. Тогда я точно выживу...

Вылезаю наружу. Горячая струя бьет в борт корабля со всей дури. Кажется мне, «Скадовск» даже сотрясается. Хо-ро-шо! До чего, ёкарный дрын, хорошо!

— А ничего он у тебя, — спокойно комментирует Стрекоза.

— Просил же отвернуться!

— А мне вот любопытно стало... Хи-хи... Мы живы остались, и теперь мне хочется дурачиться. Понял?

Обнял ее. А она — меня. Не... ну... без всякого такого... просто от полноты чувств.

* * *

За нами с Малышевым прилетели Юсси и Гард. Они счастливо отбили поисковую партию Никольского и крепко врезали Гуне. Половина шайки легла на припятский асфальт.

Когда Малышева паковали санитары, он открыл глаза и пробормотал какую-то патристическую дребедень. Как же я тебя люблю, долбоклой родимый. Ты уж там как-нибудь выкарабкайся... сестре своей привет от меня передашь в славном городе Вязьме.

— Мы твое сообщение, Тим, уже в воздухе получили, — поясняла Юсси. — Ради трех французов начальство Анфора подняло по тревоге два батальона. Они высадили десант на Затоне, а нам дали две новейших вертушки, каких в принципе никогда не давали. Вот что, Тим... приз для антикваров... он у тебя с собой?

Я молча отдал ей бронзовую чушку. А потом — флешку Жанны Афанасьевны.

— Вот эта штука, Баронесса, порадует Озёрского гораздо больше, чем любой приз.

— Отлично! Понимаешь слова «внебюджетное финансирование»?

Киваю. Что тут, собственно, все свои...

— Был у меня разговор с Озёрским. Он считает, что можно... в виде исключения... договориться с вертолетчиками, чтобы они доставили тебя прямо отсюда в Брянск. Правду сказать, я уже договорилась. Им достанется маленький кусочек... нашего внебюджетного финансирования... а они без лишних вопросов посадят тебя перед филиалом в Брянске. Без досмотра. Понимаешь?

Опять киваю. Тут слова-то никакие не нужны.

— Только...

— Я могу сдать *это* в Брянске?

Она смеется:

— Конечно, можешь. Молодец, что сам спросил. Оружие оставь себе, хоть и не положено. Только не свети, иначе всех нас подставишь. В общем, не будь тормозом, сталкер Тим. И... вот еще приятная мелочь для тебя. Кажется, я обещала компенсировать разбитый

«Гавор»?

— Не «кажется», а точно.

— Что ж, получи свою компенсацию, — протягивает мне литровую бутылку «Слезы Комбата». — Насколько я помню, эта вещь привела тебя в бодрое состояние духа.

Да не то слово!

— И... довесочек.

Она чмокнула меня в щеку.

— Мы в расчете?

— Второго было бы достаточно.

— Я знаю.

— Вот только...

— Что, сталкер? Подумай хорошенько, прежде чем решишься ответить на этот вопрос.

— Просто у нас есть одна маленькая проблема. Лететь... надо не одному, а троим.

— Что?!

Дальше было сложно, ребята.

Девочка? Без вопросов. Тем более из «Долга».

Клещ? Еще раз... кто? Клещ?! Ты черепом о какой угол треснулся, парень?!

Да, им очень нравилось, что с помощью Клеща мы разгромили банду Репы. Да, они понимали, что без Клеща не спаслись бы ни Малышев, ни я. Да, они в полной мере осознают тот факт, что в Зоне могут наличествовать не только служебные отношения, но и так называемые человеческие. Да, они всё отлично понимают. Но... Клещ? Это же Клещ!

Короче говоря, мне пороху не хватило. Десять минут без умолку, и — ноль продвижения.

Тогда сам Клещ, ухмыляясь, произнес всего две фразы:

— Я готов сдать всё, что положено, по твердым тарифам Брянскому филиалу. В том числе «смерть-лампу» и «плеяду».

Гард пожал ему руку и, порывшись в кармане, дал большую зеленую пилюлю в ядовито-красную крапинку.

— Что это? — поинтересовался Клещ.

— «Шишка бюрера». Начнет действовать через минуту. Продержит на ногах двенадцать часов без проблем. А потом лучше бы тебе найти лежанку поудобнее. Потому что сил не будет даже на горшок сходить. Тебе надо, ты стоишь-то с трудом.

Клещ булькнул нечто в ответ. То ли поблагодарил, то ли негромко послал по матери...

А вот Юсси... Юсси жать ему руку не стала. И с Гардом соглашаться не хотела. Они проспорили еще минут пять. Ноль продвижения.

Тогда Клещ, сожрав таблетку и почувствовав прилив сил, бросил, ухмыляясь еще три фразы:

— Лучше я буду там, чем здесь. Тебе же спокойней, девочка. Потому что я вам на фиг в Зоне не сдался и я вооружен.

Клещ умел уговаривать людей. Баронесса всё же уклонилась от рукопожатия с ним, но моей затее все же вынесла положительный вердикт.

Теперь у нас был «зеленый коридор» к вожделенному вертолету.

— Подожди-ка, — притормозил меня Пророк. — Не попрощались. Хочешь знать, почему меня стали называть Пророком?

Ничего я не хочу знать, а хочу я домой. И чем быстрее, тем лучше. Но... это ведь проповедник любви передо мной. Проповедник любви, только что взявший в руки карабин ради спасения моей задницы.

— Ну и?

— Кое-кому я предсказываю будущее... Вот тебе, например. Держи.

Он кладет мне в руку маленький, размером с двухрублевую монету, камушек дисковидной формы. На каменном диске видны красивые вкрапления желтого и белого металла. Они сверкают, переливаются и даже самую малость искрят. К одному из вкраплений приделано металлическое ушко, через которое пропущена серебряная цепочка.

— Что за штука, Пророк?

— Маленькая красивая вещь, мечта ювелира. Очень редкая. Может быть, всего один экземпляр и существует... Это вчистую разряженный «каменный цветок», только во много раз меньше своего обычного размера. И еще, чтоб ты понял: это подарок.

— Да я только крестик ношу...

— Ты не понял. Это не тебе подарок, а твой подарок. Уверен, Тим, скоро он тебе понадобится.

— Хм. Везет мне на подарки в Зоне. В первый же день, веришь ли, столько всего в руки пришло! И вот еще до сих пор приходит...

Пророк грустно улыбается.

— Это не «пришло». Это... Бог помогает хорошим людям.

Я долго уговаривал его взять что-нибудь из моих припасов. Ему они тут нужнее. Нож не взял. Фонарик не взял. Даже коньяк не взял. Уболтал я его только на банку консервов.

Мы обнялись напоследок. Хороший мужик.

* * *

От «Скадовска» до места посадки вертолетов — двести метров. Или чуть побольше, не суть. Точнехонько на середине дистанции мы сталкиваемся с подразделением Анфора — интернациональных сил ООН, охраняющих Зону. Явились спасать. Всё, парни, спасать нас больше не надо. Спасибо, конечно...

Автоматные стволы поднимаются. Пять стволов. Мы на прицеле. Мы тупо вляпались, когда вляпаться было уже принципе невозможно. Как им втолкуешь? Мы — сталкеры в сталкерском прикиде и с разномастным сталкерским оружием.

Румяный крепыш с офицерскими нашивками бормочет что-то на своем лягушачьем. Солдат монотонно переводит его слова. Молодец, выучил наш великий и могучий... Умница.

— Старшил патруля интересоваться тем, что вы какие, и есть данные трое французских граждан быть в уровень Затон где?

Чую, Клещ на взводе. Вот если он сейчас влупит по френчам, никому из нас до конца жизни не отмыться...

Тогда я начинаю, по старой армейской привычке, тоном деловитого идиота растолковывать «начальству» в подробностях: мы, дескать, группа проводников-военсталкеров, приписаны к такому-то батальону, осуществляем вспомогательную роль в поисковой операции по обнаружению эскортной группы, подробности у старшего, старший вон там, у него вся информация по французским гражданам, нам требуется выполнять свою задачу в другом секторе, так что пустите, дяденьки, к вертолету.

По опыту: почти любой патруль устанет проверять всю наболтанную херомантию. Ясно ж, кто? Ну и валите.

Румяный получает порцию перевода, смотрит на нас, прищурившись, и бросает своему умнику две фразы. Тот, малость запнувшись, произносит:

— Отпустить без вопросов вы... Если споёте «Марсельезу».

Ядрёна! А может, им арию Фигаро из «Рижского цивильника» спеть? Дедовщина какая-то! Просто обленившимся патрульным парням показалось, что пять вояк всяко круче трех, из которых один ранен, а еще один — субтильная барышня.

Клещ отвечает за нас троих:

— Да мы вроде не по этому делу...

Умник перетолковывает румяному офицеру его слова. Автоматные стволы по-прежнему направлены в нашу сторону...

Что ж... Пришлось спеть! Тем более я со школы пою неплохо.

Чего только не споешь ради успешной эвакуации.

Глава 22. Галка, Катя, Михайлов и новая жизнь

The show must go on
Inside my heart is breaking
My make-up may be flaking
But my smile still stays on.

Из Брянска я добрался до Москвы без происшествий.

Первые сутки ничего не делал, только ел, спал, читал и мылся. Мылся тщательно, сдирая с себя Зону и жалея, что нельзя отчистить себя от нее изнутри.

Подсчет потерь и приобретений, с которыми я вышел из Зоны, подвел меня к выводу: сталкер Тим остался в барыше.

Конечно, моим ребрам пришлось несладко. И шее. Еще того горше досталось моим финансам. Мастерский значок Ордена уплыл от меня, потому что к Ордену у меня сейчас может быть только одно дело: увести как можно больше учеников и подмастерьев из тамошних учебных классов. И я орденскому начальству крепко подпорчу кадровый вопрос, вот хоть трава не расти...

Зато с чем я покинул Зону? С деньгами за «медузу» и за мой нож-рессорник, неожиданно-негаданно превратившийся в мутабой.

Этих денег хватит с лихвой, чтобы покрыть все расходы на орденские учебные курсы, орденскую снарягу и автомат. Да еще, пожалуй, месяц-другой можно жить без диггерской мутотени, спокойно отыскивая *нормальную работу*.

На карточке висят деньги от Озёрского, что тоже, в общем, рождает оптимизм. Покойный Сопля щедро обеспечил меня первоклассной сталкерской амуницией. Спасибо, друг, ты по-честному расплатился за то, что хотел меня прикончить.

Еще у меня есть дельный пиндосовский нож, фляга с безымянным коньяком и пузырь со «Слезой Комбата». Для первого раза, ребята, совсем неплохо, я так считаю. А? Что ты там сказал, лупоглазый друг? Хилогато? А ты сходи сам, попробуй-ка с первого раза, может, у тебя круче получится.

Кроме того, у меня есть одна маленькая очень красивая вещь, мечта ювелира...

...Галка явилась без лишних разговоров. Пятиминутный звонок, час ожидания, и она — у меня в дверях.

Стоит, горделиво задрав подбородок и распространяя по всему коридору запах... запах... о-о-о... в общем, волшебный запах неведомого парфюма. Очень, я вам скажу, ребята, зовущий запах. Раньше она при встречах со мной пахла как-то... ну... не так сексапильно.

На ней — топ, едва скрывающий грудь и нагло демонстрирующий живот. Подтянутый спортивный живот.

— Я умею держать слово, Тима. Но сначала, по уговору, ты должен предъявить вещь, доставленную для меня из Зоны.

Голос у нее тоже... другой. Она знает, что я не вру. Просто потому, что она вообще неплохо меня знает.

Она знает, что сейчас мы окажемся в постели. Но ей все-таки хочется сохранить еще

немного своей власти надо мной. Потому что если женщина не любит мужчину, но спит с ним, она захочет либо власти над ним, либо денег от него...

У Галки совсем другой голос. Она желает меня. А власть... власть нужна, так сказать, для порядка... чтобы я не забывался.

Зона — и впрямь хорошая школа. Прав был Пророк. Начинаешь кое-какие вещи ловить очень быстро. Подхожу к ней.

— Вещь тебе из Зоны?

Она отступает на полшага.

— Да... Ведь мужик — он должен выполнять обещания...

Она замолкает на полуслове. Смотрит мне в глаза, отворачивается и опять смотрит, не может оторваться.

Я рву на ней топ одним движением.

— Вещь тебе из Зоны?

— Мне... — Галка хлопает длинными, обильно намазанными тушью ресницами.

— Я и есть — та самая вещь из Зоны! — рву я, заваливая ее на кровать.

Галка стонет.

Ужо я тебе сейчас, стерва, покажу высокий класс... Сейчас...

Она и на самом деле так хороша, как обещали ее улыбки, ее наглость, ее зовущий аромат. Такой секс — вроде сливочного торта надень рождения. Роскошь со свечками и цукатами...

А потом я лежу с ней рядом, смотрю в потолок и думаю: «Один раз это было классно. Очень классно. Но теперь, девочка, я не знаю, о чем с тобой разговаривать, куда тебя приглашать и на фига ты мне вообще нужна, кроме этого самого. Восхитительный секс и... больше ничего, пусто. Темень и морозный ветер над обледенелым асфальтом. Может быть, и этот первый раз был лишним? Что-то не то, Галка. Что-то не так у нас с тобой».

— Хочешь водки... из Зоны? Такой вставучей здесь не делают. Только там.

— А-а, значит, вот что ты принес для меня... — Она восхищенно гладит мою щеку.

Ей хорошо со мной. Она хочет быть нежной, ласковой. И после слов «кое-что для меня» должно быть еще два слова. «Мой любимый». Или «мой родной». Или просто «мой хороший». Да хрен бы с ним, назвала бы меня просто «Тимка». И тогда всё, может быть, и сохранилось бы между нами.

Но Галка не умеет произносить эти слова. Просто не умеет — и всё.

— Принес, конечно... Разве я тебя раньше обманывал?

Мы пьем водку. Ее перекашивает так, что глаза становятся размером с тепловозные фары. Я говорю ей, какая она классная. Она смотрит на меня внимательно и говорит с какой-то глухой тоской:

— Кажется, это всё, Тима? Я правильно тебя понимаю?

— Да.

— Налей еще.

Бабы всегда гораздо лучше нас, мужиков, понимали, что у кого происходит в сердце.

Она не плакала и не кричала на меня. Она просто пила и гладила меня по коленке.

— Вызови такси.

Я вызвал.

«Слеза Комбата» — сильная штука. Даже такую железную стерву, как Галка, он на мгновение распаял.

— Но почему? — выдавила она, одеваясь.

— Я... не знаю. Тебе нужен такой я, каким я сам не хочу быть...

Выходя, Галка громко хлопнула дверью.

Исчерпано.

На следующее утро мне позвонили из орденской канцелярии.

— С вами хотели бы встретиться...

— Не возражаю. Встретимся у меня.

Тамошние коротко посоветовались около трубки.

— Приемлемый вариант. Ждите в течение двух часов.

Лучше так, чем где-нибудь еще. Только не думайте, ребята, что АКСУ запрятан у меня в квартире. Вот уж нет горше глупости... Но вполне легальный пневматический пистолет, стреляющий тяжелыми металлическими шариками, у меня имеется.

Любопытно, кого они пошлют? Секретаршу с письмецом? Старшего из подмастерьев? Менеджера или администратора? Или оценивают наш инцидент более серьезно?

...Дверь я открыл мастеру Шраму. Ну или как бы мастеру как бы Шраму, помня слова Клеща о Шраме настоящем. Надо думать, они там надеялись повлиять на меня авторитетом духовного вождя.

А я этого вождя на гвозде вертел!

Только не надо зарываться. Да, я вернулся из Зоны. Да, я кое-чему научился. И... да, в Ордене крутятся большие деньги. И ради того, чтобы они и дальше там бесппроблемно крутились, Капитул запросто открутит кому-нибудь голову!

— Подмастерье Дембель, — ровным голосом заговорил мой гость, — вы обязаны сегодня в 17.00 явиться в Капитул и дать отчет в том, как погиб мастер Молот, где сейчас находится артефакт «сонный шар» и что вы делали в Зоне все это время.

Знаете, ребята, мне очень не понравилось, что он вот так запросто, не спрашивая разрешения, прошел в грязных ботинках ко мне в гостиную, уселся в кресло и закурил. А уж потом начал говорить ровным голосом...

— Вы беседуете сейчас со сталкером второго разряда по имени Тим, а не с подмастерьем Дембелем.

Что-то у него в глазах изменилось. Удивился?

Но говорит со мной все так же ровно и бесстрастно:

— Надеюсь, вы понимаете, что ставите сейчас на кон собственную безопасность? Жаль. Я возлагал на вас определенные надежды...

Тогда я молча кладу перед ними фотографию. Клещ мне сказал: «Есть для тебя два подарочка, салажонок. Цену им ты не сразу распробуешь... а когда все-таки распробуешь, большое спасибо скажешь старику Клещу».

Мы сфотографировались с ним в славном городе Брянске. В полной сталкерской амуниции, разве только без стволов — это ж не Зона все-таки. Клещ приобнимает меня за плечо и лыбится в объектив со значением. На обороте карточки надпись:

«НЕ ТРОГАЙТЕ ЕГО»

Собеседник мой как глянул на карточку, как прочитал надпись на реверсе, так сразу в лице изменился. К двери он шагнул с заметной поспешностью. С очень, мать его, заметной. А уходя, выдал: «Мы не имеем к вам никаких претензий, господин Караваев!»

Похоже, Клещ заранее просчитал наш разговор от первого звука до последней точки...

После того как дверь закрылась, я не сразу разжал правую руку, чтобы положить пистолет в верхний ящик стола. Всё это время я не выпускал его.

Какая погань, оцените, ребята, какая погань! «Где сейчас находится артефакт «сонный шар»... Отчего ж ты, зараза, не поинтересовался, где находится боевая девчонка Зара? Где находится дельный русский мужик Снегирев, который ради прокорма семьи в Зону пошел? Дрянь ты, а никакой не мастер.

Минут через пять после того, как я познакомил Орден с фотоулыбкой Клеща, зазвонил телефон.

— Сталкер Тим, я имею для тебя важное предложение от руководства клана «Долг»... Алло? Ты слышишь меня? Да?

— Да.

— А ты понял, что это вот... такая Стрекоза.

Ну разумеется. Очень смущенная Стрекоза. Норовит сесть на нос коту и опасается, что кот не станет ею любоваться, а просто возьмет да и съест.

— Я очень рад тебя слышать.

— Правда? Я тебя тоже... Но прежде всего я обязана передать тебе...

— ...очень важное предложение. Как ты телефон-то мой узнала?

— Тима... ты наивный какой! Клан «Долг» — это сила. Он и в Зоне — сила, и за ее пределами.

— Где мы с тобой встретимся?

Она назвала место, и у меня дух захватило. Подобные совпадения просто так не случаются...

Чистопрудный бульвар. Середина июня. Теплынь.

Мы пересекаем трамвайные пути, раскланиваемся с бронзовым Грибоедовым и бредем по липовой аллее, а справа и слева фонари бредут мимо нас в противоположную сторону.

Черемуха, правда, уже отцвела, зато сирень царствует безраздельно. И чем-то неуловимым напоминает Стрекоза ту... с кем я последнее время встречался только во сне. Не лицом. Не фигурой. Не повадками...

— ...Сталкер Тим, я уполномочена...

— Тима. Безо всяких «сталкеров». Мы ведь в большом мире.

Она сбилась. А потом начала говорить мягче, спокойнее:

— Хорошо же. Тим. Тим... — Она пробовала на вкус мое имя. — Тогда больше никаких Стрекоз. Никаких Арабелл. Меня зовут Катя. Я была на задании. Но теперь это задание кончилось!

Поколебавшись, она сунула мне руку для пожатия, а я наклонился и поцеловал ее, эту мягкую руку.

— Тима... В «Долге» тебя считают храбрым и дельным человеком. Ты знаешь, чем мы занимаемся в Зоне. Полковник Зуев велел передать приглашение: вступи в клан, тебе там будут рады. И мы... будем вместе.

Я представил себе: вот мы вместе с Катей сидим в засаде... Фигня какая-то. Нет, вот мы вместе с Катей охраняем экспедицию... опять фигня. Вот нас с Катей перед строем «долговцев» полковник Зуев награждает... Чуть собачья.

Кажется мне, нам с Катей будет чем заняться и безо всяких там засад и эскортов...

— Катя... — отвечаю я ужасно вежливым голосом. — Катя, я... очень уважаю клан «Долг». Он занимается в Зоне нужной и важной работой. Но я уже был в армии, и больше я туда не хочу. Это не моё.

Она смотрит на меня растерянно.

— А... как же мы... я думала... в общем, ерунда, что я думала. Конечно, ерунда. Напрасно я...

— Не напрасно. Совсем не напрасно, Катя. Просто вон там — Зона, а вот здесь — нормальная жизнь. Тут тоже есть чем заняться. И аномалий здесь тоже полно!

Катя вздрогнула.

— Нормальная жизнь? Нормальная жизнь... Не знаю, стоит ли тебе это рассказывать...

— Стоит, Катя.

— У меня почему-то сложилось странное к тебе отношение: будто мы знакомы уже тысячу лет... и тебе... можно рассказать такое... Послушай, Тима, только без иронии. Некоторые совпадения просто так не случаются.

Оп-па!

— Я слушаю тебя очень внимательно. Внимательней некуда.

— Недавно во сне я... гуляла по этому бульвару... и мне рассказали одну сказку... что с твоим лицом?

— Ничего.

— И все-таки что-то...

— Я потом скажу. Ты не отвлекайся.

— Это даже не сказка, а легенда... Будто бы в Москве, в одном из усадебных парков, в перекрестье тропинок живет дом, имеющий один вход и тысячу выходов. Найдя его — а он спрятан в заповедной части сада, — можно открыть потайной выход, ведущий в страну мечты. Там царствует сезон бесконечного лета, там парусник с огнецветными парусами бороздит теплое море, там всё именно так, как мечталось, и как тут никогда не было. Те места ждут тебя и примут с готовностью... там очень хорошо. Одна беда: поиск такого выхода — дело незаконное. Магия. Мистика. А входить можно только в те двери, которые перед тобой открывает Бог. И если Он сам пожелает поставить тебя перед дверью в мечтательный край, то это обязательно случится. Но если ты сам...

— ...наяву полезешь искать потаенную дорогу в те места, твоя душа лишится очень важной...

— ...частишки, без которой вся жизнь...

— ...может потерять смысл.

Мы уставились друг на друга в полном обалдении. Она первой вышла из ступора и сказала:

— Я... пересказываю очень кратко, потому что некоторые подробности...

— ...никому и ни при каких обстоятельствах рассказывать нельзя, — закончил я за нее.

— Откуда... ты...

— То же самое, Катя. Очень близко.

Она подошла вплотную и робко поцеловала меня. Больше даже не поцеловала, а клюнула губами в губы. В ней не было ни капли Галкиного шального вызова, но... прикосновение ее губ возбуждало меня сильнее, чем даже неистовое соитие с Галкой.

— Извини, пожалуйста. Конечно, на первом свидании не полагается... но...

Я поцеловал ее крепко и нежно.

— Давай попробуем, Катя. Давай попробуем.

Вынув из кармана маленькую красивую вещь, мечту ювелира, я повесил ее Кате на шею.

Напророчил мне один Пророк...

— Добрый день. Тимофей Дмитриевич?

— Да.

— Вам известен некто Клещ?

Ты только что расстался со своей девушкой, и вы назначили друг другу свидание на следующий день, тебе очень хорошо, ты разомлел и отмяк душой, и тут вдруг некий хрен звонит тебе на мобилу и напоминает, что еще позавчера у тебя были обстоятельства, тянущие минимум на пятерик по Уголовному кодексу РФ.

Э-э... Что ему сказать? «Я был только свидетелем...» Ну разумеется, и пушку ты незаконно не носил, и несколько магазинов ты из этой пушки не отстрелял, и гранатами не покосил уйму народу, а все только наблюдал, блаженно бездействуя...

Или: «Я готов к сотрудничеству!» Это, ребята, как-то не по-русски. «Пошел на хрен!» — это по-русски, но ни к чему хорошему не приведет. Сразу отключиться?

— Простите, с кем имею честь?..

— Извините, я действительно как-то не представился... Михайлов. Дмитрий

Дмитриевич.

— Это вы меня извините... Дмитрий Дмитриевич! Это же вы! Это же... настоящий живой Михайлов! Человек-легенда!

— Э-э... ну... сходство определенно есть.

— Дмитрий Дмитриевич! Надо же! А Клеща я, конечно, знаю! Дмитрий Дмитриевич! Я все ваши книги читал!

Вот он, второй подарок Клеща. И лучшего подарка мне за всю мою жизнь никто не делал.

— Весьма лестно, но уже не всё. Только что в сети появилась монография «Торговля в Зоне Отчуждения: тайные миллионеры фронта». Хотите, скину вам ссылку?

— Я! Конечно! Хочу! Да я...

— Молодой человек, простите, а не нужна ли вам работа по специальности? Клещ дал вам недурную рекомендацию.

Я чуть не заорал в голос от восторга. Так не бывает! А? Кто-нибудь из вас, упырей, скажет мне, нет, мол, Тим, так очень даже бывает... что, нет желающих? Вот и правильно.

— Ну... да... я хотел бы работать как историк... если... разумеется...

— Превосходно. Сегодняшний вечер у вас свободен?

Да если бы он был у меня сорок тысяч раз занят, я бы всё послал на фиг и любой ценой освободил его ради пятнадцати минут беседы с Михайливым.

Вы просекаете, ребята? Разве что Катю не стал бы задвигать... Но Катя у меня была не на вечер, Катя у меня была на завтра.

— Что ж, если вы не заняты, не соблаговолите ли заглянуть ко мне в семь вечера? — и Михайлов продиктовал свой домашний адрес.

— ...как видите, Тимофей Дмитриевич, живу я не богато. Деньги нужны для того, чтобы тратить их на дело. А дело это то, чем ты хотел бы заниматься всю жизнь. Но коньяк свой можете спрятать, лучше я вас угощу своим, он позвездастее будет... Садитесь.

Усатый толстячок, очень спокойный, очень вежливый, очень дружелюбный. Никакой стали не видно в этом человеке. Ни малейших признаков того, что за ним — тридцать с лишним рейдов в Зону.

— Прежде чем мы начнем деловой разговор, я хотел бы вам, Тимофей Дмитриевич, задать один вопрос. Это своего рода тест, от которого многое зависит. Вы не возражаете?

— Как я могу возражать?!

— Отлично. Вы пробыли в Зоне двое суток с копейками. Скажите, что вас больше всего там заинтересовало?

Я задумался. Что меня там интересовало? Да как бы выжить, вот что... А впрочем... это сначала я только и считал шансы на выживание, а потом... потом стал приглядываться к Зоне. Какие там порядки. Кто там чего стоит.

— Самое интересное в Зоне — это люди, которые туда ходят. Остальное — декорации, Дмитрий Дмитриевич.

— Молодец! Верно. История Зоны — это история людей, которые туда ходят. И во всем мире нет исторических сюжетов более захватывающих, нежели те, которые предлагает сейчас Чернобыльская зона.

Это правда. Никакая Древняя Месопотамия не сравнится с историей, которая творится у нас под носом.

— Согласен.

— Сейчас я работаю над проектом «Три поколения сталкеров». До сих пор в отношении сталкеров заинтересованные лица задавали только три практических вопроса. Во-первых, какой хабар вынес и за сколько толкнул? Это понятно: другим тоже хочется быстрого, пусть и рискованного заработка. Во-вторых, почему гробанулся? И тут тоже всё ясно: полезно

учиться на чужих ошибках. В-третьих, на сколько посадить мерзавца? Тут уже сложнее... чего больше в третьем вопросе: желания соблюсти закон или зависти? А вот мне гораздо любопытнее другие вопросы: кто такие сталкеры вне Зоны? Из каких регионов люди прежде всего рвутся в Зону? Нужда их гонит или тяга к авантюрам? Как часто они «завязывают» с рейдами в Зону и становятся обычным средним классом в Москве и Киеве? Сколько их уходит в чистый криминал? До какой степени клановые отношения распространяются на мир за Периметром? Почему с течением времени женщин среди сталкеров становится все больше? Ведь изначально они вообще не очень-то допускались в сталкерское сообщество... Что надо совершить, чтобы стать настоящим большим авторитетом среди сталкеров? Сталкерство — это фантастически интересный социальный феномен, не станете отрицать?

— Может, было бы полезно опубликовать сборник биографий самых известных сталкеров, но...

— ...но такие тексты могут иметь лишь нелегальное, подпольное хождение. Поэтому никаких имен! Зато можно, например...

— ...взять интервью у самых мощных сталкеров, конечно, если они согласятся его дать...

— ...получив гарантии неразглашения имен. Кажется, мы с вами отлично друг друга понимаем. Это внушает добрые упования. Взгляните-ка.

Он взял со стола листок бумаги, где были написаны в столбик десятка четыре имен. Рядом с пятью или семью стояли галочки. Четверых вычеркнули.

Рядом со строчкой, посвященной Диме Шухову, стоял жирный вопросительный знак: бабушка надвое сказала, захочет ли тебе показываться призрак Черного Сталкера, который как бы... не совсем живой.

Я всмотрелся. Так-так...

Комбат... Тополь... Гусь... Баронесса... Борода... Меченый... Лебедев... Хемуль... Шульга... Дегтярев... Гард... Клещ... Варвар... Хе-Хе... Ной (он же Пророк)... Сидорович... Ваню... Шустрый... Лодочник... Сахаров... Василина... Шрам... Шорох... Медведь... Дегтярев... Локи... Семяцкий... Стрелок... Мир... Бродяга... еще с десятков душ.

Да это самые известные сталкеры, оружейники и барыги Зоны!

— Последние новости: Ваню и Варвар уже не смогут дать интервью.

Михайлов, ни слова не говоря, вычеркнул их.

— Я хочу взять вас на вакансию старшего научного сотрудника в свой Центр. Предупреждаю, эта должность освободилась после того, как Олег Евгеньевич Прочинников был превращен в консервы одним контролером из Припяти... В Зону ходить придется довольно часто. Вы согласны?

— Да.

Он усмехнулся.

— Что, финансовый вопрос вас совсем не волнует?

— Не то чтобы уж совсем, но... есть вещи поважнее.

Он назвал размер моей зарплаты. Что ж, не «ах»! Но и не позорно. Жить можно.

Разрешение на ношение оружия? Будет.

Потом Михайлов сказал, что его Центр придерживается четких правил: с хабаром не связываться. То есть в Зоне — всё, что угодно, Центр не претендует на финансовый контроль над моими действиями. А вот выносить оттуда ничего нельзя. Табу. Да и... нехорошо.

— Вы же понимаете, Тимофей Дмитриевич, артефакты нужны физикам, химикам, биологам, медикам... А мы, гуманитарии, ходим в Зону за информацией.

— Понимаю.

— Сожалею, что не могу дать вам больше. Возможно, позже мне удастся взять солидный грант или получить... э-э... внебюджетное финансирование... и тогда положение

нашего Центра улучшится... Но сейчас просто хочу оборудовать собственный наблюдательный пункт в Зоне, а это требует серьезных инвестиций.

— Да всё нормально, Дмитрий Дмитриевич. У меня как раз есть предложение по внебюджетному финансированию.

Он взглянул на меня с подозрением.

— Ваша медаль...

— Э?

— У меня. «Сезон охоты» пока не окончен. Это полмиллиона условных единиц, Дмитрий Дмитриевич.

— Даже несколько больше... Но как? Я теряюсь в догадках.

— Один хороший человек сказал мне недавно, что хорошим людям Бог помогает. Будет у вас наблюдательный пункт, Дмитрий Дмитриевич.

— А у вас — солидная премия... за деловую инициативу.

Он налил коньяку себе и мне, взял рюмочку и подошел к большой черно-белой фотографии, красовавшейся в рамке с подставочкой на старом серванте.

— Узнаете?

Невысокое кирпичное здание в стиле провинциального сталинского неоклассицизма, с тремя наглухо заколоченными арками. В средней — она повыше двух других — сделана дверь с треугольным деревянным навесиком, как в поселковой аптеке. У этой двери стоит Михайлович, лет на десять — пятнадцать моложе, чем сейчас. С довольной улыбкой он демонстрирует фотографу отрубленную голову кровососа.

— Здание железнодорожной станции Янов, — отвечаю.

— Хорошие были времена! — и Дмитрий Дмитриевич чокается сначала со мной, а потом с фотографией. Фотография неотразимо притягивает меня.

Зона... Я тенькаю рюмкой о стекло.

Ну что, Зона, что, поганка, уже тоскуешь по мне?

КОНЕЦ

Москва

Ноябрь 2010 — март 2011

www.megabook.do.am